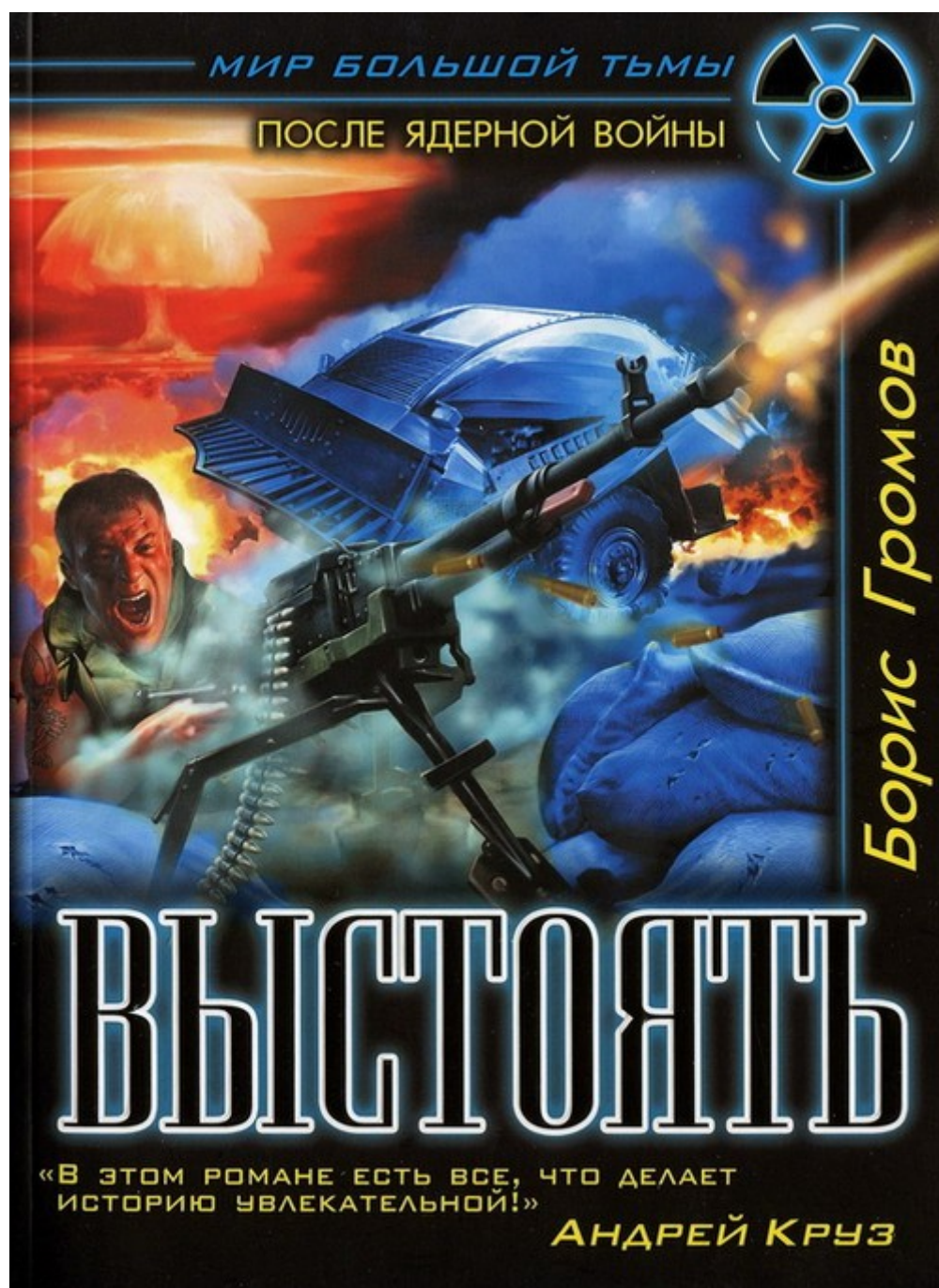

**Борис Николаевич Громов
Выстоять. Буря над Терекom**

Терской фронт – 2

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan - shtuks; OCR, ReadCheck, Conv - Kortes_10)

«Выстоять. Терской фронт / Борис Громов»: Издательство «Яуза», Издательство «Эксмо»; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47626-8

Аннотация

Новый фантастический боевик от автора бестселлера «Выжить»! Наш современник,

ветеран спецназа, в мире Большой Тьмы. Разведка боем в непроглядном будущем.

После ядерного Армагеддона 2012 года прошло уже 30 лет, но на руинах сгоревшей в атомном огне цивилизации продолжается бесконечная война. Избежавший ракетных ударов и радиоактивного заражения Юг России из последних сил держит оборону против кавказских горцев и турок, натасканных американскими военными советниками. Если врагам удастся прорвать Терский фронт, если падут порубежные станицы — катастрофа неминуема. Здесь, на границе с Чечней, в беспощадных боях против Непримиримых Тейпов и отчаянных разведывательно-диверсионных рейдах русского спецназа решается судьба войны и будущее России...

Борис Громов

**БУРЯ
НАД
ТЕРЕКОМ**

Москва
Яуза
Эксмо
2011

**Борис Громов
ВЫСТОЯТЬ**

Буря над Тереком

Утром мы с Толей, как и было договорено накануне, заходим за Игорем в Комендатуру. На площади происходит что-то странное. У проходной стоят только один часовой и пожилой осетин-вахтер. Остальные, одетые кто во что горазд, построены в две шеренги и выслушивают инструктаж, проводимый Костылевым. На правом фланге резко бросается в

глаза могучая фигура моего старого знакомого — шкафоподобного лейтенанта из «дежурки». Решаю, Коменданта не отвлекать, а скромно подождать окончания в сторонке.

— Чего это тут у вас? — интересуюсь я у одинокого часового.

— Да иди ты в баню со своими вопросами! — не зло, но как-то обреченно огрызается он.

— И чего это ты с утра такой добрый? Жена не дала ночью, что ли?

— Ты мою жену не тронь, физкультурник, мля!

— Блин, ты можешь спокойно объяснить, что тут творится? Без эмоций.

— А чего объяснять? Поглядел наш товарищ капитан на твои долбанные побегайки, поглядел, а потом и провел среди личного состава физическое тестирование...

— Ой, мля! — понимание непоправимости произошедшего нахлобучило меня, словно бетонная плита, рухнувшая точно на темечко. То-то парни на меня вчера так неприязненно косились. — И много человек не сдали?

— Угу, — понуро кивает коротко стриженной головой собеседник, — достаточно для того, чтоб он нам физорга назначил и велел ему проводить ежедневные занятия, пока все в нормативы не уложится.

— А физоргом кого?

— Угадай, блин, с трех раз... Петю Малыша из дежурной части...

— Его? — я показываю глазами на лейтенанта.

Новый кивок и горестный вздох были мне ответом. Да уж, подгадил я ребятам, слов нет. Лейтенант Петя со спортом явно дружит и загонять этих бедолаг может до полусмерти не напрягаясь. И все, получается, по моей вине... Хотя, стоп. А при чем тут, собственно, я?! Кто мешал героическим бойцам доблестной Охранной Роты поддерживать себя в форме, чтобы не попадать в такие вот неприятные ситуации? Никто ж с них не требовал быть к сдаче на Краповый Берет готовыми. А на то, чтоб форму не растерять, полутора-двух часов занятий вполне достаточно, причем даже не каждый день, а раз в двое, а то и в трое суток. Но мужики забили на спорт большой и толстый... хм... болт. И результат, как говорится, налицо.

— Да уж, встряли вы, парни. Остается только пожелать удачи.

— Спасибо, блин! — грустно ухмыляется часовая. — Хотя, чего уж там, сами виноваты... Я уж и забыл, когда на турник последний раз запрыгивал...

— О, а вот и они! Привет, Толя, доброе утро, Миша! — раздается у меня за спиной бодрый и довольный голос Коменданта. Ну, да, с утра пистон подчиненным вставил, что еще начальнику для счастья надо?

Костылев, и впрямь, так и лучится хорошим настроением и энтузиазмом.

— Что, парни, готовы в путь-дорогу? С Карташовым я договорился, там у них как раз две «буханки» с сопровождением в Аргун пойдут, заодно и нас в Петропавловскую закинут. Так что, айда бегом, не будем колонну задерживать.

Задерживать людей, согласившихся нас подвезти, действительно было не совсем правильно, и мы с Толей быстрым шагом потопали следом за Игорем в сторону КПП. Опасения оказались напрасными: мы не только не опоздали, но еще и прождали чего-то или кого-то, забравшись в салон светло-серого бронированного микроавтобуса УАЗ, забитый какими-то ящиками и коробками так плотно, что мы втроем туда еле втиснулись. А потом головная машина коротко вякнула клаксоном, и колонна двинулась.

Дорога вышла скучная, хорошо, что хоть не очень долгая: говорить со спутниками совершенно невозможно из-за лязга и грохота, издаваемых грузом, а в окна поглазеть тоже было нельзя ввиду полного отсутствия таковых. Так что не оставалось ничего другого, как аккуратно прислониться спиной к подпрыгивающим на ухабах ящикам и постараться немного вздремнуть. Дело привычное, в армии и не в таких условиях спать приходилось: и в десантном отсеке БТРа кагалом в полтора десятка рож, и в промерзших насквозь, нетопленных палатках, и на голой земле, постелив под себя сложенную пополам плащ-накидку... И ничего, спалось — будто на перинах. Нормальный солдат на войне вообще в

свободное время спит всегда, когда не ест. Потому как сейчас поспать можно, а вот когда удастся в следующий раз — великая военная тайна. А потому — лови момент, служивый!

Специально ради нас колонна не пошла сразу на объездную, а подкатила к КПП на въезде в Петропавловскую. В прошлый раз мне толком здешние защитные сооружения разглядеть не удалось, зато сейчас я этот пробел восполнил. Оглядевшись, понял, что ничего нового не увижу: оборона станицы была словно организована по тому же проекту, что и в Червленной. Хотя, кто знает, может, так оно и было.

Часовые Костылева узнали, а потому тиранить всякими формальностями нас никто не стал. Поздоровались да и пропустили, даже не поинтересовавшись целью прибытия. Проверить слова Аслана о том, что мастерскую его дяди тут каждая собака знает, так и не довелось. Игорь и сам отлично знал, где она расположена, а нам только и оставалось, что следовать за ним по узким и путаным переулкам.

Дошли довольно быстро. Мастерская внешне воображения не поражала. Мало того — понять, что за широкими и высокими ржавыми воротами с врезанной в них калиткой расположена именно автомастерская, было решительно невозможно. Ни вывески, ни надписи какой — вообще ничего. Шел бы один — промаршировал бы мимо, не обратив ни малейшего внимания. Хотя, с другой стороны, что-то в таком подходе к вопросу определенно есть: кому надо — тот и так знает, а кто не знает — тому, выходит, и не надо... Игорь уверенно и громко молотит кулаком по воротам.

— Чего надо, туда-сюда?! — сварливо вопрошает пожилой мужской голос сквозь узкую амбразуру смотрового окошка калитки.

— Здравствуй, Исмаил! — отвечает Комендант. — Отворяй ворота, я твоего покупателя привел.

Я подхожу к Игорю и, встав рядом с ним, вежливо здороваюсь.

— Аааа! Ну, наконец! — громко лязгает засов, и калитка распахивается, позволив нам увидеть стоящего за ней пожилого, но еще крепкого чеченца с густой седой бородой в длинной серой рубаше навыпуск, черных, немного мешковатых штанах, стареньких растоптанных чупаках. Густую и такую же седую, как и борода, шевелюру венчал темно-бордовый пояс с затейливой вышивкой.

— Готова твоя машина, парень, — говорит мне Исмаил. — Пошли, туда-сюда, смотреть будем! Хорошо получилось, клянусь Аллахом, был бы молодой — себе бы такую же сделал!

Ну, что ж, пойдем, коли зовут, глянем, чего с моим честно отбитым трофеем этот чеченский Кулибин сотворил. С такими мыслями я захожу следом за стариком-механиком и Игорем в расположенный в углу огромного двора ремонтный бокс, сложенный из бетонных плит.

— Охренеть!!!

Да уж, как-то иначе выразить эмоции было трудно. За спиной слышу восторженный выдох Толика. Да и у Игоря выражение лица, прямо скажем, далеко не невозмутимое. Исмаил, довольный произведенным эффектом, широко улыбается.

Сказать, что приблудно-трофейный УАЗ изменился — это значит почти ничего не сказать. Узнать в стоящем в боксе красавце того ржавого и сильно помятого «ветерана», что достался мне «в наследство» в кювете перед Аргунским КПП, было практически невозможно. Больше всего он теперь походил на те машины, что участвовали в мое время во всевозможных внедорожных «покатушках», именовавшихся модным тогда иностранным словом «аутдор». Отличный у Асланова дяди получился автомобиль — даже на вид мощный и агрессивный. В первую очередь глаз зацепился за колеса: они стали сантиметров на пять шире и на десять выше, с внушительными грунтозацепами. Да и колея вроде стала шире... Я наклонился к колесу. Точно, между колесным диском и ступицей присутствовали стальные проставки, расширяющие колею и позволяющие более широким колесам сохранять прежний предельный угол поворота, не цепляя за арки колес. Крылья были безжалостно подрезаны, чтобы вместить более чем 80-сантиметровое колесо.

Интересно, что же там с подвеской стало... Я полез под машину. Так... между рамой и кузовом алюминиевые проставки высотой сантиметров семь. Между пружинами подвески и опорными чашками шасси тоже проставки. Да, клиренс задрали по максимуму — больше уже угол наклона кардана не позволит. Ну, так нам, вполне возможно, по камням прыгать — самое то. Амортизаторы не только заменены на более длинноходные, но вообще сдвоены. Класс!

Мосты на моем пепелаце редукторные, военные. Это хорошо — у них меньшая нагрузка на трансмиссию, иначе с такими колесами шестерни с полуосями будут постоянно лететь.

— Главные пары мостов мы тебе поменяли с 4.625 на 5.2, — прокомментировал мой осмотр Исмаил.

Ага, крутящего момента на колесах теперь до дури — как раз для таких колес... Ну что еще у нас внизу — защита рулевых тяг, моторного отсека, картеров мостов, раздатки, топливных баков. Все сварено из стального листа и уголка — выглядит внушительно.

Выползаю из-под УАЗки. Заглядываю под капот. Движок явно перебрали. Очень похож на привычный Ульяновский УМЗ-421, под 92-й бензин — но какой-то... не совсем ульяновский.

— Двигатель хороший, ростовской сборки... Ваха его отрегулировал — сожрет все, что горит и что не горит — тоже, клянусь Аллахом...

Новая проводка, крышка трамблера, катушка зажигания и реле посажены на герметик. Внешний воздухозаборник-шноркель — выведен на уровень крыши. Мощный бампер с лебедкой, здорово похожий на те, что на наших отрядных «Тиграх»¹ были, разве что размерами поменьше, «кенгурятник» и каркас безопасности из толстостенной, миллиметра три, трубы. На «кенгурятнике» дополнительно установлены две танковые фары со светомаскировочными «намордниками», а со стороны водителя — положенная УАЗу «по штату», но еще совсем недавно отсутствовавшая поисковая фара. На дверцах снова появились снятые боевиками еще черт знает когда надставки со стеклами. Тент, опять же, натянут явно новый.

Да уж, еще бы ряд из четырех дополнительных фар на переднюю дугу на крыше, эту машину можно было бы смело на участие в каком-нибудь «Джип-Шоу» выставлять. Приоткрыв водительскую дверь, заглядываю в салон. Там тоже наведен полный порядок: драный, вытертый до белизны дерматин с кресел снят, а вместо него — куда более практичный в здешних условиях брезент. На ум снова приходят наши омовские «Тигры», там тоже сиденья брезентухой обиты были. Пол, кожаные, арки — заделаны ребристыми алюминиевыми панелями. Приборная панель тоже приведена в божеский вид: все приборы управления снова на своих местах и, судя по всему, вполне исправны. И даже резиновые коврики на полу лежат, пусть и простенькие, без каких-нибудь узоров и фирменных логотипов, но сам факт — они есть! Нет, ну это просто фантастика!

— Там, если надо, можно задний диван снять и пулеметную турель поставить, — слышу я из-за спины чей-то голос.

Обернувшись, вижу, что к нам присоединился молодой парень, здорово похожий на Исмаила, только намного моложе и без бороды. Скорее всего, это и есть второй автомеханик — Ваха.

— Ну, что скажешь, Михаил? — вопросительно смотрит на меня старик.

— Слов нет, уважаемый! — остается только восхищенно развести руками мне. — Одни эмоции, и все — положительные! Одного не пойму, где ж ты такие покрывала достал? Если бы не размер, я бы решил, что какой-нибудь БТР «разул».

— Такая «резина», — хитро ухмыляется в усы Умаров-старший, — из гражданских на всем Терском Фронте только у меня и еще у пары человек, не больше. Я ее, туда-сюда, аж из

¹ «Тигр» — российский бронированный многоцелевой автомобиль повышенной проходимости.

Харькова заказываю. Зато народ за ней очереди занимает. Этот, как его... Эксклюзив, туда-сюда! Ну, значит, всем доволен?

— Всем, — не кривя душой, отвечаю я. — Вот только просьба маленькая есть. Тут такое дело... Мне б какой пенал, или я даже не знаю... Короче, надо крепление под армейскую радиостанцию в салоне установить так, чтоб она по всему салону не шарахалась. Если можно, конечно.

— А почему нельзя? — пожимает плечами Исмаил. — Такое многие из ваших просят. Станция у тебя какая?

— «Сто пятьдесят девятая».

— Никаких проблем, Ваха за полчаса все сделает. А мы с вами пока чаю попьем.

И действительно, расположившись на летней открытой веранде, мы только и успели, что выпить по чашке чая со свежим лавашем и абрикосовым вареньем, как из бокса вышел Ваха и позвал принимать работу. Снова заглянув в салон УАЗа, я обнаружил закрепленную между водительским и пассажирским сиденьями аккуратную жестяную коробку, размерами совпадающую с габаритами радиостанции Р-159.

— При тряске не сорвет? — на всякий случай уточняю я.

— Если только машина кувырком полетит, — уверенно отвечает мне Ваха. — Но тогда и сама станция по салону летать будет, и все, кто в салоне сидит.

— Ну, в таком случае нам всем уже без разницы будет, — с философским видом заявляю я. — Ладно, Ваха, зови отца, рассчитывать пора, да поедем мы.

— Сразу на своей поедешь? — интересуется молодой чеченец.

— А почему нет? Пора привыкать.

— Тогда иди к отцу сам, а я пока тебе бак залью.

— И сколько это будет стоить?

— Эээ, — удивленно и обиженно тянет Ваха. — Ты зачем так обидно говоришь? За ремонт мы деньги возьмем, потому что такой ремонт сделали... Вах, какой!!!

От избытка чувств парень даже пальцами прищелкнул, показывая высокое качество произведенного ими ремонта.

— А бензин — это тебе подарок!

Вообще, у чеченцев есть старая традиция дарить уезжающим гостям подарки. Но при этом они считают очень невежливым, когда гость принимает дар сразу. Поэтому, как того и требуют местные обычаи, я сначала отказывался и упирался, порываясь заплатить за бензин, сколько бы он ни стоил, но минут через пять «уступил» настойчивому хозяину и согласился принять полный бак в качестве подарка.

— А ты хорошо знаешь традиции нохчей, Миша, — удивленно качает головой Исмаил, успевший зайти в бокс, пока мы с Вахой, к взаимному удовольствию, разыгрывали этот «спектакль двух актеров».

Вместо ответа я только улыбнулся и слегка кивнул, да, мол, есть такое дело. Второй раз я заставил и Исмаила, и Ваху искренне изумиться, когда, расплатившись за работу и усадив своих спутников в машину, выкатил из бокса и, вместо того чтобы сразу выехать в открытые ворота на улицу, лихо, «на пятке», развернул УАЗ на сто восемьдесят градусов и стал сдавать сквозь распахнутые створки задним ходом.

— Чего это ты вытворяешь? — поинтересовался Костылев.

— Уважение свое хозяевам показываю, — невозмутимо отвечаю я. — Обычай такой у них есть: если гостю не понравилось, как его приняли, он просто вскакивал на коня, спиной к вышедшим провожать хозяевам, и уезжал. А вот если понравилось — то он сначала разворачивал своего коня мордой к дому. Я к традициям гостеприимства отношусь серьезно.

На выезде из станицы нас тормознул часовой, но, увидев за лобовым стеклом знакомые лица, только широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Нормально так! Считай, только что пешком притопали, а назад уже на машине... Быстро прибрахлились!

— И не говори, брат! — поддерживаю шутку я. — Как говорится, это я удачно зашел!

Фыркнув двигателем, направляемый моей рукой УАЗ шустро рванул вперед. А то дел на сегодня у нас еще много: сначала какие-то бумаги в Ханкале получать, а потом еще «вещевку» и боеприпасы со склада в Комендатуре.

Ох, е-мое, все-таки хорошо, что я сначала на Червленную и Петропавловскую снаружи полюбовался, в качестве разминки и подготовки. По крайней мере, сейчас, глядя на Ханкалу, челюсть на пол не уронил, хотя очень хотелось. Если укрепления той же Червленной мне напомнили оборонительные сооружения вокруг Ханкалы, образца 2010 года, то сама Ханкала... Ну, даже не знаю, может, какой-нибудь Верден, году в четырнадцатом, одна тысяча девятьсот, разумеется. Или Линию Мажино... Или Маннергейма... Короче, даже не знаю, с чем вообще можно сравнить эту сплошную стену из ДОТов и капониров, ошетилившуюся во все стороны орудийными, минометными и пулеметными стволами. «Бесплатным бонусом» к которой прилагалось еще и примерно километровой ширины предполье, затянутое колючей проволокой и увитое спиралями «Егозы». Из-за своей просто пугающей плотности проволочные заграждения походили не на дело рук человеческих, а на сплетенную каким-то гигантским пауком-мутантом стальную паутину. Эта картина меня настолько приплющила, что, свернув с основной трассы на ведущую к воротам гравийку, я сбросил скорость, с намерением остановиться и рассмотреть все подробнее.

— Не стоит, Миш, — преувеличенно спокойным голосом говорит мне Игорь. — Там, на КПП, мальчонки без чувства юмора. Еще решат, что ты базу обстрелять решил, да долбанут из чего-нибудь в целях упреждения возможной агрессии.

— Ты серьезно?

— Ну, как сказать, из гранатометов их иногда обстреливать пытаются...

— Ладно, тогда, от греха подальше, и правда, тормозить не стоит. И на ходу полюбуюсь.

Да уж, «мальчонки» здешние действительно чувством юмора не обладали. По крайней мере — не на службе. Вышедшие к нам парнишки, совсем еще пацаны, лет девятнадцать, не больше, были серьезны, словно прокурор во время зачитывания приговора, и просто исполнены осознания важности происходящего. Один двинулся к нашему УАЗу, а второй остался на прикрытии. Причем встал грамотно: и мы все у него — как на ладони, и напарник линию огня не перекрывает. Молоток! Вот только уж больно скованные. Все с ними ясно — *salagus vulgaris*. «Салаги обыкновенные», до слез заинструментированные, своего сержанта боящиеся больше, чем всех боевиков Непримиримых Тейпов, вместе взятых, вооруженные и смертельно опасные. С такими действительно шутить не стоит.

— Здравствуйте, — взгляд у подошедшего парня пристальный, настороженный. — Из машины выходите и документы приготовьте. И за оружие хвататься не советую, на всякий случай.

Безропотно подчиняемся и выбираемся на улицу. Игорь достает из нагрудного кармана своего прыжкового костюма книжицу удостоверения и, раскрыв, протягивает часовому, но в руки при этом не отдает.

— Я Комендант Червленной, капитан Костылев. Со мною — двое гражданских. Едем в секретную часть к лейтенанту Завацкому. Проверьте списки.

В первый момент я даже не понял, о каких таких гражданских говорит Игорь. И только потом доходит, что это обо мне и Толе. Ну, собственно, а чего ты хотел, товарищ прапорщик? Или уже бывший прапорщик? С одной стороны, меня вроде как не увольняли, с другой — «из рядов» все равно исключили, в связи с гибелью. Наемники — не армия, хоть и военизированная структура. А лейтенантом здешних вооруженных сил ты сам стать не захотел. Ну, вот и все, добро пожаловать в гражданские!

Боец молча кивает, жестом показывает нам, мол, стойте тут, и уходит в бетонное нутро ДОТа, из которого только что вышел. Второй остается на месте и продолжает вполне толково «держаться» нас.

— Все в порядке, — высовывается из двери голова первого. — Подойдите все сюда,

зарегистрироваться нужно.

Раз нужно, значит, нужно. Дружно топаем в караулку и диктуем сидящему там старшине свои данные, которые он аккуратно записывает в толстый прошнурованный журнал. Да уж, блин, война не меняется!

А вот то, что я вижу по другую сторону «Великой Ханкалинской стены», от того, что я помню, отличается мало. Все та же белесая пыль дороги, что во время дождей превращается в ужасную грязь, липкую, плохо смывающуюся, метко прозванную каким-то армейским острословом «говнолином». Все те же чахлые высокие стебли осоки, этой пылью покрытые, частоколом стоящие по обочинам. И будка внутреннего КПП, полосатый шлагбаум которого перекрывал проезд на жилую территорию базы, стояла на прежнем месте. И даже стоянка для прибывшего транспорта находится там же, где и раньше, рядом с железнодорожным полотном. Клянусь, если б увидел на своем месте осетинскую шашлычную, в которой мы каждую командировку при заезде в Ханкалу офигенный, а главное, очень дешевый, шашлык лопали, — совершенно не удивился бы! А то еще и заглянул бы, по старой памяти. Но «шашлычки», к сожалению, нет, а на ее месте — невысокий холмик, из которого торчат вверх какие-то куски ржавого насквозь железа. М-да, не прошла проверку временем... А жаль.

Машину, как и в мое время, внутрь не пустили. Пришлось оставить ее на стоянке, а дальше топать пешком. А еще на КПП нам велели отсоединить от автоматов магазины. Я чуть не прослезился от приступа нахлынувшей ностальгии — будто и не покидал своего времени! Изменения вокруг — минимальные: по-прежнему все пострижено, покрашено и посыпано песочком, бордюры побелены известкой. Ясно, солдатики без дела не сидят. Наверное, правильно я сделал, что служить сюда не подался, а то замаялся бы каждому прохожему воинское приветствие отдавать. Хотя, Игорь, вон, не парится — автомат на плечо повесил и идет с непринужденной физиономией. Ему, с автоматическим оружием, козырять никому не нужно, Уставом не положено. О, как интересно, а гостевого городка с его палатками — нету. Похоже, разобрали за ненадобностью. А вот что на его месте построили — непонятно. Слишком высокий забор, не видать ничего. Хотя не так уж оно мне и нужно.

В штабной «дежурке» Игорь еще раз представился сидящему за явно пуленепробиваемым стеклом лейтенанту-«помдежу»² и уверенно направился на второй этаж. Ну, а мы с Анатолием — за ним.

В «секретке» нас встретил молодой лейтенант совсем не героической наружности, типичный штабной деятель, который в нашем присутствии явно немного робел и поглядывал на нас с Толиком с опаской. Уж не знаю, может, он тут недавно, не пообтерся еще, штабной вальяжности не набрался. А может, у наемников тут известность этакая... Ну, да, отморозки в черных банданах чего хотят, то и воротят, сам черт им не брат и никакой управы на них нету. Да и ладно, бог с ним. Боятся — значит, уважают. А то мне в прошлом откровенное пренебрежение и хамство некоторых штабных крыс очень не по душе было. Так что уж лучше пусть боятся.

К моему удивлению, мне не пришлось расписываться непонятно за что в целой куче ведомостей и журналов. Хватило одной-единственной росписи во внушительных размеров гроссбухе, после чего лейтенант выдал мне пухлый бумажный конверт, опечатанный аж пятью сургучовыми печатями. Да, серьезно все тут.

— Слушай, Игорь, я не понял, а ради чего мы вообще сюда мотались? — спрашиваю я у Костылева, когда мы идем назад к машине.

— Ага, — поддерживает меня напарник. — А главное, на кой черт вы вообще меня с собой поволокли?

— Ну, с тобой-то как раз понятно, — улыбаюсь я. — Мы прямо отсюда на склад едем, не буду ж я всякие «вкусоности», нам положенные, в одно лицо таскать?! Так что, Курсант,

² «Помдеж» — помощник дежурного.

ты с нами поехал на правах грубой подсобной силы. А вот почему эти самые карты... А в пакете ведь карты, Игорь?

— Угадал, — согласно кивает он.

— Блин, ну что мешало тебе этот пакет мне в Комендатуре отдать?

— Отсутствие твоей, Миша, подписи мешало. Карты — секретные. И ты теперь за них несешь ответственность. А то ишь, нашел дурака, расписываться в их получении буду я, а ежели ты их где проебе... эээ... потеряешь, то отвечать опять же мне. Не, так дело не пойдет!

— Ладно, убедил, поездка была необходимой, познавательной, а главное, — я подкинул на ладони конверт, — результативной. А теперь — поехали на склад за нашими ништяками, а то у меня уже лапки загребушие чешутся.

Если честно, то все обратную дорогу из Ханкалы в Червленную я внутренне готовился к жаркой схватке с каким-нибудь сидящим там кладовщиком, таким же «прапором», как и я, но, что называется, идущим по другому ведомству. Этаким типичным складским жлобом: толстым, неопрятным, с испитым одутловатым лицом и мерзким жадным характером. Готовился каждую нужную мне вещь вырывать с боем. И даже начал мысленно придумывать, каким именно образом я буду этого пасюка кошмарить. Целый монолог успел мысленно составить. Длинный, агрессивный и украшенный всевозможными шедеврами русской матерной словесности.

А вот войдя в «кондейку» складского ангара, стоящего в немаленьком внутреннем дворе Комендатуры, понял, что не ошибся только в звании кладовщика. За крепким, но изрядно облупившимся столом действительно сидел прапорщик. Молодой, лет двадцати пяти, не больше, широкоплечий, с открытым и приятным лицом. Он встал нам навстречу и протянул для пожатия руку... Левую... Потому что вместо правой у него от самого плеча висит подвернутый пустой рукав. А на груди отлично виден на фоне черной «горки» белый эмалевый крест на орденской колодке с черно-оранжевыми полосами, который не мог быть ничем, кроме ордена «Святого Георгия».

— Привет, — говорит он. — Я — Виктор, здешний «хомяк». А ты кто будешь? Судя по тому, что пришел с Игорем Васильевичем, — наш человек, но вот как-то не доводилось тут тебя раньше видеть. Новенький?

Я, представившись, пожимаю протянутую руку. Разница между реальностью и моими фантазиями настолько разительна, что я просто потерялся и не знаю, что делать. Вроде как и не в курсе никто, чего я там только что себе напредставлял и навыдумывал, но, один черт, перед парнем как-то неудобно...

— Ааа, понятно. Наслышан я о подвигах твоих, наслышан. А у нас какими судьбами? Товарищ капитан, мы что, наемников под ружье ставим?

— Не тушуйся, Миша, — ободряюще хлопает меня по спине Игорь, пока кладовщик Виктор знакомится с Толей. — Ты далеко не первый, кто тут так попадает. Небось ожидал тут увидеть какого-нибудь жирного ворюгу? Не сомневайся, в том же Армавире, где я службу начинал, так бы и было. Но здесь не Армавир и уж тем более не Ростов. На Терском Фронте ни воров, ни прочую погань не держат. А Виктор у нас в разведке служил, причем хорошо служил, да вот, как видишь, не повезло ему. К строевой он теперь, понятное дело, не годен. Но это же не повод хорошего человека со службы гнать? А тут, с одной стороны — спокойно, а с другой — должность серьезная, ответственная, так что человек сам видит и понимает, что работа его — нужная и важная. Так, Вить?

— А то! — с достоинством отзывается отставной разведчик. — Да вы тут без меня пропадете. Какие б крутые ни были, а без грамотного снабжения — один черт каюк. Так вы по делу или так, познакомиться?

— А по вопросу твоему, Виктор, — продолжает Костылев, — дело такое. Ты, надеюсь, о том, что такое секретность, не забыл еще?

— Обижаете, Игорь Василич!

— Ну, в таком случае слушай и запоминай. При нашей Комендатуре создана отдельная

разведывательно-диверсионная группа. Секретная. Из всего ее личного состава ты будешь видеть только двух этих ребят, а после того как выдашь им все необходимое — тут же забудешь не только о том, чего и сколько они взяли, но и о самом факте их визита. Ясно?

По тону Костылева сразу становится ясно, что шутки кончились и слова его стоит воспринимать предельно серьезно.

— Так точно, тащ капитан! — принимает строевую стойку кладовщик. — Понял, не дурак. Был бы дурак — не понял бы.

— Ну, вот и отлично, что понял. Тогда отвориай свои закрома, мы тебя мало-мало раскулачивать пришли.

— Да не вопрос. Непримирым хвост припалить — милое дело. Что именно нужно? Костылев вопросительно смотрит на меня.

— Ну, чего молчишь, воин? Выкладывай пожелания.

— Игорь, а не боишься? Неужто поговорку про козла в огороде не слышал? А то я ведь сейчас раскатаю жадную губу...

— Как раскатаешь, так и назад закатаешь, дело недолгое. Но обеспечивать вашу группу будем всем, в пределах разумного, конечно. Луну с неба не проси, но что есть — дадим. Главное — чтобы результат был.

— А много есть? — интересуюсь я.

— Достаточно, — в тон мне отвечает кладовщик Виктор. — Ладно, пойдемте в мои «владения». Будем обеспечивать всем необходимым в пределах разумного...

А почему бы и не пойти, если зовут? Халява — дело хорошее!

Уже минут через пятнадцать я был в последнем утверждении сильно не уверен. Потому как свалилось на нас этой самой халявы как-то уж слишком много. Группа-то наша официально состояла аж из десяти бойцов. И имущество пришлось получать на весь личный состав. Когда я увидел, как Виктор, вручив мне несколько мешков, начал шустро выкладывать на стол передо мною стопки всяких маек, футболок, трусов и рулоны портянок, я уже понял, что дело плохо. А ведь на очереди были еще сапоги и «горки» (черные — повседневные, они же — парадно-выходные, и оливковые — полевые), армейский камуфляж, летний и зимний. Маскхалаты, белые и расцветки «березка», зимние вязаные шапочки-балаклавы, береты и кепки, РПС и комплекты подсумков, плащ-палатки, кожаные портупеи и даже вязаные перчатки... И все это — в десятикратном размере. Оттаскивая к машине очередной набитый доверху мешок, я притормозил возле вышедшего на улицу подышать свежим воздухом Костылева и, сделав страшные глаза, прошипел:

— Ты чего творишь, ирод? Мне теперь со всем этим барахлом что делать? Магазин открывать и в конкуренты к Старосельцеву подаваться?

— Ты офигел, военный? — Игорь откровенно потешается над попавшим в глупую ситуацию жадным дураком, в смысле мною. — Какой магазин? Имущество казенное, подотчетное. Ты его еще и предъявишь, когда списывать будем! Так что — не быть тебе акулой бизнеса.

— Блин, Игорек, ну не смешно же! Куда я это все дену-то? Ну, ладно, по одной паре сапог и по «горке» мы с Толей себе возьмем, про запас. Белье всякое тоже пригодится, портянки опять же... Но остальное-то?! Может, не надо столько получать, а?

— Надо, Миша, надо. Есть у нас с Исмаиловым кое-какие подозрения по утечке информации. Вот и хотим мы их проверить. Так что придется тебе все получать, чтоб по всем бумажкам прошло, что группа из десяти рыл на полное вещевое довольствие поставлена. А все, что тебе не нужно, мы аккуратненько в Комендатуре складуем, в положенном твоей группе помещении. Надо будет что — придешь и возьмешь. Не бойсь, с размерами проблем не будет. Заявку я составлял, так что размеров там только два — твой и Толин.

— Что, неужели думаете, что он, — я легонько мотнул головой в сторону открытых дверей склада, — на «духов» работает?

— Кто? Витя? Да ни в жисть! Он их, если доведется, голыми зубами грызть будет. У

него к ним счеты личные. Кровник... А вот немного повыше, похоже, крыса окопалась, а то и не одна. Так что если все правильно сделаем, то точно будем знать, кто именно из службы тыла в горы информацию сливает. Так что — терпи!

— Но оружие-то, я надеюсь, нам получать не придется?

— Это почему же не придется? Где ты видел, чтоб военнослужащие из одного подразделения в другое вместе с оружием переводились? Так что и стволы получать будем, и боеприпасы.

Я только застонал, вот теперь мне окончательно стало понятно, почему Игорь настоял на том, чтобы к складу мы подъехали на УАЗе, хотя тут пешком-то и ста метров не будет. Хотя не так уж все и плохо. По крайней мере, от боеприпасов я не откажусь точно.

— Что хоть из «железа» получаем?

— Штатный комплект, — Костылев достал из кармана записную книжку. — Десять пистолетов ПМ, одна винтовка СВД, два пулемета — ПК и «ручник», семь автоматов АКМ, или АК-74, на выбор командира группы, и два подствольных гранатомета.

— А по «бесшумкам» чего?

— Вообще, вам один «Винторез» или «Вал» с оптикой на группу положен. Но на складах сейчас нет, все в уже действующих группах ОсНаза или разведки. Заказ уже оформили, ждем.

— Да ладно, это я так спросил, на всякий случай. Все равно я к ним не шибко привычный... Мне вон Сергей Сергеич из «Ратника» ПБС нашел и УСов обещал достать, так что обойдемся.

— К твоему «сто третьему» УС? Да где ж он их возьмет-то? Хотя...

— Чего «хотя»?

— Не, ничего. Не буду я чужих коммерческих тайн раскрывать. Сам у него спросишь. Если захочет — расскажет.

— Но не кидалово, по крайней мере?

— Нет, тут можешь быть спокоен, — уверенно отвечает Комендант.

И то хлеб. Ладно, постояли, поболтали, пора назад, все остальное получать. По возвращении на вещевой склад меня ждал очень приятный сюрприз. Виктор как раз вытаскивал с одной из полок перевязанный шпагатом тючок, больше всего похожий на туго скатанный «лохматый камуфляж».

— Извини, Вить, можно поближе глянуть?

— Да не вопрос! — Виктор ловко кидает мне тючок.

Развязав узелок, расправляю и встряхиваю «лохматку». В руках у меня оказывается длинная, почти до пят, накидка с капюшоном, полностью покрытая желто-коричневыми лохмотьями, здорово похожими на пожухшую траву.

— Основа из мешковины?

— Ага, а лохматы — из джутового мочала, — кивает кладовщик.

— А другая расцветка есть?

— А как же! Это ж «леший». И на лето и на зиму сменные «лохмотья». Ты сам с изнанки-то глянь — эти снимаются, а на их место можно другие привязать. Так что комбинировать можно почти любые сочетания.

— Охренеть! Ну, прямо-таки «гилли»,³ мать его!

— Чего? — явно не понял, о чем речь, Виктор.

— Да нет, ничего, — в очередной раз прикусываю слишком длинный язык я. — Это так, о своем.

— Ладно, не отвлекайся, а то до вечера возиться будем. «Туман» берете? Пользоваться умеете?

— Извини, чего берем? — не понял сразу я.

³ Гилли (ghillie) — «лохматый камуфляж», применяемый снайперами армий стран НАТО.

— Крем-краску маскировочную, — терпеливо, словно ребенку, объясняет Витя. — Рожу красить.

Ну, надо же, и это у них есть! Не ожидал, если честно. В свое время такие штуки в армии были только у снайперов-энтузиастов, и исключительно за свой счет. А тут, выходит, Родина позаботилась.

— Умею пользоваться. Берем.

Кладовщик достал из какого-то ящика пять небольших коробочек из толстого картона.

— Вот, держи, по одному комплекту на двоих. А вот зеркальца в комплект не входят, так что — на рынке покупайте.

— Ладно, разберемся, — отвечаю я, заглядывая под крышку одной из коробочек.

Внутри — пять тюбиков с краской разных цветов, примерно таких, в каких детский крем у нас продавали или какой-нибудь «Спорт» для бритья. Судя по небольшим этикеткам: белый, серый, зеленый, черный и какой-то желтовато-коричневый, глинозем, короче. Нормально. Вот и еще один пункт в программу обучения Толи добавился.

— Ну, с «тряпьем» вроде все, — объявляет Витя. — Пошли «железо» получать.

С оружием возиться долго не стали. Автоматы — не новые, но в хорошем состоянии. АКМы — так и оставили в ящиках, в которых они хранились, только из одного достали три лишних, а в освободившиеся три ячейки сложили аккуратно пистолеты и запасные магазины. Ящики в машину оттащивали мы с Толиком, а решивший-таки немного помочь Комендант отнес пулеметы и снайперскую винтовку. Подствольники выдали ГП-25, и оба в очень приличном состоянии. Скорее всего, я трофейный на хранение в Комендатуру отдам, а один из этих — Анатолию. А может, и оба заберу. Мне, если честно, все равно «двадцать пятый» намного больше «тридцатки» нравится. Отдельно Виктор выдал оптику: вполне бодрый ПСО-1 в брезентовом чехле и выдавший виды армейский полевой бинокль Б 8х30, вытертый и покоцанный. Коричневый кирзовый футляр к нему выглядит ничуть не лучше.

— Извини, Михаил, ничего другого просто нет, — удрученно развел руками Витя. — Но ты на вид не смотри, он вполне исправный.

— Бог с ним, — отвечаю я. — У меня свой есть, очень хороший. Так что — не проблема.

Да уж, похоже, не зря я в свое время жестоко наступил на горло собственной жадности и раскошелился-таки на «Винчестер». Ох, не зря!

Зато с боеприпасами не поскупились. Оказывается, на Терском Фронте «уставной» боекомплект — три сотни патронов. Так что той же автоматной «семерки» нам выдали четыре цинка да десяток картонных пачек по двадцать патронов в каждой, да плюс девятимиллиметровые для пистолетов, да винтовочные 7.62 для пулемета и снайперские для СВД... А ведь УАЗ у меня не резиновый! Одно хорошо — везти недалеко, так что забивать можно под завязку, пассажиры и пешком дойдут, если что. Когда добрались до ручных гранат и ВОГов, я поинтересовался наличием инертных выстрелов для ГП. Виктор глянул на меня с недоумением.

— Новички у нас есть, — пояснил я. — С подствольником знакомы только в теории, неплохо бы учебные стрельбы устроить, но вот расходовать на это дело боевые — жаба на смерть задавит.

— А понятно, — понимающе кивает кладовщик. — В принципе, где-то есть точно, поискать только нужно. А вам — отдельную заявку на имя Коменданта написать: так, мол, и так, в целях повышения боевой подготовки, для проведения учебных стрельб... Ля-ля-ля, три рубля... Короче, сам немаленький, как такие бумажки пишут, думаю, знаешь.

— Ага, знаю, — улыбнулся в ответ я, принимая со стола и передавая Толе цинки с ВОГами. — Хорошо, будем писать...

— Так, что там у нас осталось? — Витя вопросительно смотрит на Костылева.

— «Инженерка» всякая, — сверившись со своим блокнотом, отвечает он. — Мины и средства взрывания.

— Товарищ капитан, сразу предупреждаю — радиодетонаторов нету. Мы их годовую

норму еще в конце лета выбрали подчистую. Я пробовал дозаказать — отказ прислали.

— Да и хрен с ними, бюрократами, — махнул рукой Игорь. — Пусть своими нормами там у себя подавятся. Миша, ты как, справишься без радиодетонаторов?

— Справлюсь. Мне и дистанционных за глаза хватит. А то и просто растяжек понаставлю. А чего выдадите?

— А вот их и выдадим, — Витя с грохотом выложил на столешницу прямоугольную, слегка выгнутую (или вогнутую, это смотря с какой стороны посмотреть) пластмассовую коробку цвета хаки. На выпуклой стороне черной краской по трафарету красовалась надпись «К противнику».

Мать моя женщина! Чтоб мне провалиться, если это не МОН-50!⁴ Отлично!

— И сколько мне таких «лялек» положено?

— Для начала — восемь штук. Если сможешь, их потратив, грамотно отчитаться, — еще дадим, — улыбается Игорь.

— Только, Миша, МУВов⁵ у нас сейчас тоже нету, — виновато смотрит на меня Виктор.

— А, ерунда, — мое безоблачное детское счастье такими мелочами не разрушить. — Электрические ЭДП-Р⁶ есть?

— Разумеется.

— Ну, и отлично, а вместо МУВов я и обычные УЗРГМ⁷ вкручу. Уж этого-то добра хватает.

— Как вариант, — соглашается со мной Витя. — Раз так, значит, проблема решена, тогда получи, как говорится, и распишись.

— Ага, щаз! А провода от электродетонатора я куда втыкать буду? В ноздри?

— Ох ты ж, блин, — хлопает себя ладонью по лбу кладовщик. — Извини, что-то закрутился я с тобой совсем! Точно, про подрывную машинку-то и забыл совсем. Сейчас!

Виктор ныряет куда-то под стол и, некоторое время тихонько матерясь, с грохотом роется там в каких-то железках.

— Фу, слава богу, нашел, — довольно отдувается он, протягивая мне коричневый бакелитовый цилиндр, размером с кулак взрослого мужчины, с полупрозрачным пластиковым переключателем на одном торце и большой черной кнопкой на другом. — Держи, по ходу — крайняя оставалась.

— «Четверка»?⁸

— Она самая.

«Четверка» — это хорошо! Не самый лучший вариант, конечно, но и не тот древний и убогий «коммутатор але-барышня», при помощи которого я мост между Белгатоем и Новыми Атагами на воздух поднял. Портативная подрывная машинка ПМ-4 — штука в обращении простая, словно гвоздь, и такая же надежная.

— Эй, мил друг, а провод-то где?

— Прямо позади тебя, на второй полке в ящике.

Откинув крышку, достаю из ящика от гранатометных выстрелов новенькую катушку

⁴ МОН-50 — противопехотная осколочная мина направленного действия.

⁵ МУВ — минный взрыватель натяжного действия.

⁶ ЭДП-Р — электрический детонатор.

⁷ УЗРГМ — унифицированный запал ручной гранаты модернизированный, запал для ручных гранат Ф-1 и РГД-5.

⁸ ПМ-4 — малогабаритная подрывная машинка для инициирования.

двухжильного саперного провода СПП-2.

— Тут же полкилометра провода, Вить?

— По документам — пятьсот двадцать метров, но иногда халтурят. Так что — да, ориентируйся на пятьсот.

— Вот, теперь совсем другое дело! Где расписываться?

— Да нигде, пошутил я, вы ж секретные. Мне ж за все выданное отчитываться надо перед кем? Правильно, перед Комендантом. А сейчас он собственной персоной передо мной стоит, а недавно так и вообще приказ отдал о том, чтоб я о вас забыл, как только вы уйдете. Так что — все нормально.

— Ну, раз так, тогда всего хорошего, — пожав на прощание Виктору руку, я поднял с пола за ремни четыре громыхнувшие друг о друга брезентовые сумки с МОНками и двинулся на выход.

— Удачи вам! И, это, мешки потом верни, ладно?..

— Хорошо, — хмыкнув, отозвался я.

Нет, все-таки склад со временем «разъедает» даже самых что ни на есть боевых мужиков. Затягивает, как болото, потихоньку, незаметно, но надежно. И выходит в результате, что еще совсем недавно ты вражеских пуль не боялся, а теперь из-за десятка старых мешков переживать начал — а то вдруг не вернут. А как же их списывать-то потом? Эх, Виктор-Виктор... Ладно, не бойсь, принесу я тебе твои мешки, сегодня же принесу, как только полученное у тебя имущество пристроим.

Выделенное нам в Комендатуре помещение оказалось большой прямоугольной комнатой на первом этаже. Окон в ней не наблюдалось, зато дверь внушала уважение. Из мебели имелись металлический стеллаж во всю стену и дряхлая, облезлая казарменная табуретка, сиротливо стоящая в углу.

— Да уж, богато жить будем! — хихикнул Толя, внося внутрь сразу оба ящика с автоматными патронами.

— Да ладно тебе, Курсант. Дареному танку в дуло обычно не заглядывают, — заметил в ответ я.

Напарник снова хохотнул и, аккуратно поставив ящики один на другой в углу, рядом с табуретом, потопал к УАЗу за следующей порцией груза. Надо бы помочь парню, а то как бы не надорвался.

— Погоди немного, — притормаживает меня на пороге Костылев. — Я тебе кое-что сказать забыл.

— Слушаю внимательно, в оба уха.

— Карты ты получил? Вот, довожу тебе, что, во-первых, твоя задача — постараться, чтобы они не попали в руки противника, во-вторых, что на них запрещено наносить какую-либо информацию о расположении наших подразделений и...

— Тпру, Зорька! — довольно грубо обрываю я Игоря на полуслове. — Господин комендант, ты, часом, совсем уже в атаке не охренел?! Ты мне еще почти длинную лекцию на тему, что во время стрельбы запрещено ствол оружия себе в голову направлять! Елы-палы, герр капитан, ты не забыл, что я все-таки в разведке служил?

— Нет, ну чего ты кипешуешь? — Костылеву явно неудобно. — Просто положено провести с тобою инструктаж. Вот я и провожу, блин.

— Ааа! — издевательским голосом тяну я. — Ну раз по инструкции... Тогда будем считать, что провел. Слушай, я побежал, а то вон, судя по звукам, Толя решил в гордом одиночестве ящик с автоматами сюда допереть. Заработает мальчонка грыжу, где ж я второго такого искать буду? Да и ты, собственно, вполне мог бы помочь...

Шустренько, что называется «в темпе вальса», перетаскав и разложив на полу и на полках стеллажа почти все полученное со склада, прихватив с собою только пару «Леших», одну коробку с «Туманом», оба подствольника, сумки с минами и мешок с детонаторами, проводом и подрывной машинкой, выходим на улицу к машине. Перегрузив все в салон УАЗа, я прощаюсь с Игорем и вручаю ему стопку сложенных пустых мешков.

— Ты уж не сочти за труд, верни их парню. А то еще решит, что мы зажилили.
— Верну, не переживай.
— Ну, тогда до скорого!

— Ой, мля! Ты чего это понаделал, Ремба несчастная?!

Я валюсь на койку и начинаю в голос хохотать.

— Не. Ну, чо ты ржешь-то? Чего не так?

Вид у Толи весьма озадаченный и смущенный. Ну да, он же только что уверенно сообщил мне, что тоже прекрасно знает, как пользоваться «Туманом» и даже без каких-либо сомнений взялся это умение продемонстрировать. В результате стал похож то ли на актера, играющего на детском утреннике роль тигра, то ли на вышедшего на тропу войны команча, у которого под рукой оказалась только черная краска.

— Ты где такому научился, олух царя небесного?!

— В кино видел, — еще больше смущается Анатолий. — Хорошее кино, еще до Большой Тьмы снимали. Там у главного героя враги дочь украли, а ему велели какого-то типа грохнуть, а то, мол, убьют дочку. Ну, а он, короче, как давай этих, кто украл, валить...

Нормально, еще не хватало, чтобы мне сейчас в лицах «Коммандо» пересказали.

— Стоп, похоже, я этот фильм тоже когда-то видал! Американский, да?

— Какой, на фиг, американский?! — даже обижается напарник — Русский. «День Д» называется.

О, как, блин! Правильно, видать, говорили: «Искусство вечно», мать его!

— И чего, ты решил, что именно так, как в том фильме, и надо лицо красить?

— А что, разве нет?

— Понятно... Ладно, Курсант, слушай краткий инструктаж по маскировочному защитному окрашиванию. Начнем с самого простого. Как считаешь, на кой оно вообще нужно?

— Ну, — Толя поскреб лапицей затылок. — Наверное, чтобы лицо не видно было.

— Молодец. Правильно мыслишь. Человеческое лицо — очень хорошая мишень — светлый овал на темном фоне. Его даже ночью видно на больших расстояниях. И главная задача окрашивания — сделать его невидимым для врага, размыть его очертания, исказить их. И тогда тебя даже днем и практически в упор могут не заметить. Но вот так, как это сделал ты, ничего толкового не получится...

Отобрав у него коробку с крем-краской и отправив умыться, я начал рассказывать Толе основные правила нанесения маскировочного грима: как надо сначала закрасить светлым, «тоновым» цветом по сезону все лицо, уши, шею и даже тыльные стороны ладоней. Потом максимально затемнить самые выступающие, а значит и наиболее освещенные, части лица: лоб, нос, скулы и подбородок. И уже в последнюю очередь добавить немного линий и пятен промежуточных оттенков. Одновременно с рассказом я, усевшись за стол и поставив перед собой снятое со стены в душевой старенькое зеркало, показывал ему, как это все должно выглядеть на практике, разрисовывая свою собственную физиономию.

— Ну, как? — спросил я у него, наведя последние штрихи.

— Жуть какая-то. Рожа, как у кикиморы болотной.

— Понимаешь, Толь, нужно максимально деформировать очертания твоей физиономии, чтобы она была похожа на что угодно, но только не на человеческое лицо. Не на светлый овал, на котором четко видны два глаза, рот и нос. Вот как у меня сейчас. И еще, в природе нет прямых, симметричных линий. Именно поэтому вот эти твои «тигриные полосы» никуда не годились. Они бы сразу наблюдателю в глаза бросились. Понятно?

— Угу. Слушай, Миш, так это, выходит, нам надо где-то маленькое зеркальце надыбать. Не тащить же с собой это?

— Молоток, Курсант! На лету схватываешь! Вот этим завтра поутру и займешься. А я думать по поводу нашей вылазки буду. А пока пойду, тоже сполоснусь, нечего народ пугать.

Уже смывая над раковиной краску с лица, я слышу Толин вопрос:

— Кстати, слушай, Миш, а кто такая эта твоя Ремба?

— Не «такая», а «такой»... Да так, был когда-то давным-давно, еще до Тьмы, типан один. Такой же балбес, как и ты. Тоже думал, что сильно крутой, но со стороны в глазах понимающих людей выглядел довольно глупо.

— Да ладно тебе, я ж исправляюсь, учусь.

— Ха, попробовал бы ты не исправиться!

После этой моей фразы, звучавшей то ли предостережением, то ли прямой угрозой, Анатолий предпочел оставить эту скользкую тему и предложил пойти пообедать. Нормальный обед мы из-за суеты на складе, а потом в Комендатуре пропустили, до ужина было еще далеко, и закинуть чего-нибудь на зуб хотелось уже вполне ощутимо. Благо в свете достигнутых с Убивцем и Четвертью соглашений, кормежка нам с Толей полагалась бесплатная. Так почему бы этим нагло не воспользоваться?

После плотного перекуса я снова собрал свою «гвардию» под навесом на заднем дворе. Сегодня буду минно-подрывному делу их учить, а конкретно — работе с МОН-50. А почему, собственно, нет? Пока «учебные пособия» под рукой есть — надо пользоваться. А то еще потратятся на какое-нибудь «богоугодное» дело. Не на пальцах же объяснять потом?

— Вот, хлопцы, глядите. Это — противоположная осколочная мина направленного действия МОН-50, — я вынимаю МОНку из сумки и укладываю ее рядом с собой на лавку. — Весит она два кило, сам корпус у нее пластмассовый, а внутри — заряд взрывчатого вещества и что-то около полутысячи уже готовых поражающих элементов. Ну, они на шарики или ролики от подшипников похожи, в разных по-разному.

— А на кой такие сложности? — интересуется Шуруп.

— Да тут, Саня, все просто. Согласись, та же «эфка» рвется, как бог на душу положит? То нормально все, метров на тридцать вокруг чуть ли не траву осколками состригает, а то просто на две половинки разлетится, и кирдык. Так?

— Ну, да, — согласно мотает тот головой.

— А тут — никаких проблем: взрыв, и в сторону противника летят пятьсот уже готовых осколков. Дальность разлета этих самых шариков-роликов...

— Пятьдесят метров? — делает предположение Толя.

— Ну, вообще-то, да. Правда, официально, «пятьдесят» — это, дистанция гарантированного поражения. Хотя врать не буду, если зона поражения и меньше, то ненамного. Причем выкашивает она на этой дистанции все, в секторе чуть больше пятидесяти градусов по горизонту и на высоту от пятнадцати сантиметров до четырех метров.

— Чего по горизонту? — почти в один голос спрашивают Сашка и Толя.

— Так, понятно, а еще говорили, что в школе учились хорошо... Короче, для простоты, глядите: тут сверху что-то вроде прицела есть, вот в него смотрите, все, что сквозь него видите, — на пятьдесят метров вперед будет в зоне поражения.

Передаю мину парням. Те по очереди, прищурив один глаз, разглядывают двор сквозь прицел. Шуруп с уважением присвистывает.

— Ладно, поигрались и будет. Поехали дальше. По обе стороны от прицела есть гнезда для взрывателя или электродетонатора. В общем, эту штуку можно использовать и как обычную растяжку, тогда надо вот в это гнездо, — я показываю пальцем на закрытое коричневой пластмассовой пробкой отверстие, — вкрутить МУВ или обычный запал от РГД или Ф-1. А можно сделать ее управляемой, тогда сюда вкручивается такой электродетонатор.

Я снова лезу в сумку и достаю из нее один из полученных на складе детонаторов ЭДП-Р.

— Видите, обычный электродетонатор, тот же ЭДП или ЭКД, например, — это просто такой блестящий металлический «карандаш», из которого торчат два проводочка. ЭДП-Р от него немного отличается. Сами поглядите.

Так же, как и мину, я пускаю детонатор по рукам.

— Видите, у него на конце этакий набалдашник с резьбой внизу? Это специальная

втулка, и благодаря ей он в гнездо не просто вставляется, а вкручивается. Потом детонатор при помощи саперного провода, его я сюда не взял, там ничего особенного: обычный, двухжильный, здорово на «полевку»⁹ похож, подключают к подрывной машинке. Например, вот к такой.

Я достаю «четверку» и подбрасываю ее на ладони.

— Мы ее взводим, — я привожу ПМку в боевое положение. — А когда противник попадает в зону поражения, делаем так.

Сильно бью раскрытой ладонью по кнопке. Машинка послушно щелкает.

— Все, парни! Ваш враг лежит на земле, по самые уши набитый сталью.

— Лихо! — подытоживает молчавший до того Коваль.

— А то, — соглашаюсь я. — Теперь глядите. Устанавливается мина вот так.

Я раскладываю находившиеся до того в транспортировочном положении ножки и ставлю мину на землю.

— Вот таким вот образом втыкаете ножки поглубже в грунт. По технике безопасности нужно находиться метрах в тридцати позади мины, не ближе, но на самом деле — пятнадцати вполне достаточно, если в полный рост не стоять, летящие назад обломки корпуса не ловить. Но это не единственный вариант. Видите, тут на дне еще одно гнездо с резьбой? В комплекте есть еще и струбцина, навроде столярной. Это гнездо как раз для нее. А потом, уже этой струбциной можно закрепить мину где угодно: хоть на дереве, хоть на дверном косяке... Короче, куда фантазии хватит.

— Слушай, Миш, а я слышал, что у турков вроде тоже такие есть? — спрашивает вдруг Артем. — Наши, кто на Украине с ними воевал, рассказывали. Какое-то название чудное, на турецкое не похожее совсем. На «к» как-то...

— «Клеймор», скорее всего.

— Точно, «Клеймор»!

— Это не турецкие мины, парни, а американские. По всем параметрам — один в один, как наша МОН, разве что струбцины нету и весит чуть-чуть меньше.

— Странное какое-то название, а что означает, не знаешь? — интересуется Толя.

— То и значит. Клеймор — это у древних шотландцев меч такой был. Двуручный. Длина у него чуть не полтора метра была. В общем, такой дурой хороший фехтовальщик парой взмахов мог перед собой чуть ли не поляну в толпе врагов расчистить. Ничего не напоминает?

Парни, представили картинку, дружно засмеялись. Действительно, похоже.

— Ладно, хлопцы, смотрю — смеркается уже... Занятие закончено, все свободны. Завтра тренировок не будет, у нас с Анатолием дела, так что — по личному плану. Но советую занятия совсем не забрасывать, а то получится, как с этими беднягами из Охранной Роты...

— Да уж, наслышаны, — хохотнул Шуруп. — Их сегодня чуть не до обеда гоняли, как незнамо кого. В казарму чуть не ползком возвращались.

— И я о том же, спорт забрасывать не стоит, а то потом может выйти боком. Все, давайте, ребята, отдыхайте. Толя, а ты — за мной.

— Понял, Миш. Чем заниматься будем?

— «Леших» обживать. Нет в бою ничего хуже, чем не подогнанная непривычная снаряга. В самый неподходящий момент обязательно или зацепишься чем-нибудь, или запнешься обо что-то. Так что привыкать будем, заодно и переделаем их слегка, а то они больше под совсем уж позднюю осень сейчас «заточены». Надо будет зелени добавить.

Следующий час я и Толя, под моим же чутким руководством, сидим себе на койке в моей комнате и, болтая о всяких пустяках, неспешно отвязываем с маскировочных накидок лишние серые, желтые и коричневатые лохматы, заменяя их зелеными. Работа, в принципе,

⁹ «Полевка» — полевой телефонный кабель.

несложная, но долгая и, прямо скажем, нудноватая. Хотя для себя стараемся, так что можно и потерпеть.

— Ну, что, мне кажется — куда лучше, чем было? — я встряхнул своего «лешего» и разглядываю его, держа перед собой на вытянутых руках. — А, Курсант, как считаешь?

— Намного, — соглашается тот. — Теперь, думаю, если в таком на пустыре возле рынка залечь в бурьяне — хрен кто заметит.

— Это точно. Особенно, если перед этим рожу «Туманом» размалевать и слегка по земле покататься, чтобы на «лешего» всякий мусор налип — листья опавшие, веточки разные...

— Слушай, командир, а я вот не понял, чего этот «леший» чудной такой? Балахон балахоном, в нем ведь ни бежать, ни даже идти толком не получится? Неужели нельзя было куртку со штанами сделать?

— Да тут такое дело, Толя... Он для этого просто не предназначен. В нем не ходят и уж тем более не бегают. В «лешем» только лежат, в крайнем случае — ползают. А насчет штанов... Есть и такие костюмы, типа комбинезонов, но накидки все же лучше. Вот представь, лежишь ты, за врагом издалека наблюдаешь, а тут вдруг — раз, мимо «бородатый» топает. Ну, я не знаю, часовой обход делает или просто до ветру отошел. Ты, понятное дело, замер. Лежишь, не шевелишься. Только если на тебе эти самые куртка и брюки, то со стороны ты сильно похож на холмик, который своими очертаниями напоминает фигуру лежащего человека. В темноте — может, и прокатит. А если светло? А под накидкой ты просто похож на большую бесформенную кочку. Помнишь, что я тебе про главную цель маскировки говорил?

— Размыть очертания, исказить их до неузнаваемости, — четко отвечает Толя.

— Пять баллов! Толковый ученик мне попался, — гордо подбоченясь, заявляю я. — Главное, чтобы не зазнался, а то отвинтят ему башку, он и «мяу» вякнуть не успеет.

Напарник только улыбается в ответ и демонстрирует мне внушительных размеров кукиш.

— Не дожدهшься!

— Нью-нью, — хмыкаю я и трагическим голосом, с тоскливыми подвываниями затагиваю:

А не спешите нас хоронить,
А у нас еще здесь дела!
У нас дома — детей мал-мала,
Да и просто хотелось пожить!

— Да ну тебя, на фиг! — делает вид, что обиделся, Толик. — Все б ему каркать да настроение людям портить.

— Ой, да ладно, тоже мне, цаца какая. Настроение ему испортили. Сейчас как поставлю в упор лежа, и будешь мне тут «землю толкать», пока оно назад не поднимется.

— Командир, спокойно! — Толя примиряющим жестом выставляет перед собой раскрытые ладони. — Виноват, был не прав, уже осознал и готов искупить кровью!

— То-то же... А то ишь, моду взяли, на начальство дуться. Здесь тебе не тут! Я из тебя, Курсант, еще сделаю настоящего бойца Рабочее-Крестьянской Красной Армии и быстро научу чистить сапоги с вечера, а утром одевать их на свежую голову!

— Ладно, пойду я, — вытирает выступившие от хохота слезы Толик. — Надо еще свою «сбрую» проверить.

— Это правильно. Да, вот еще что, держи, — я протягиваю ему один из «казенных» подствольников. — Он получше и поновее твоего трофейного будет. Так что принимай и владей! Только почистить хорошенько не забудь. Там, если внутри хоть немного этого чертова «серидола» останется — запросто может не выстрелить.

— Сделаем, командир, — кивает Толя. — А сам чем заниматься будешь?

— За карту сяду, буду думать, как наши с тобой задницы в проблемы не втравить.

— А как же?.. — Толя изображает в воздухе этаким неопределенный жест, соорив при этом игривую физиономию.

— Настя сегодня на ночном дежурстве, так что романтика отменяется. Так, все, вали отсель, любопытная твоя рожа! Не буди в командире зверя.

Толя выпучивает глаза в притворном испуге и пытается пулей выскочить за дверь, но запинается о порог и с грохотом растягивается на полу в коридоре, оглашая окрестности громким матом. Ой, балбес!!!

Когда, от души наматерившись и подобрав с пола ГП и «лешего», Толя, слегка прихрамывая на ушибленную при падении ногу, все-таки уходит, я расстилаю на столе полученную в Ханкале карту. Хорошенько обдумав ситуацию, я решаю на выход ее с собой не брать. На память вроде не жалуюсь, да и края тамошние мне хорошо знакомы. Как ни крути, всего два месяца назад я там немало кругов по лесам-горам намотал во время спецопераций. Хотя какие, на фиг, «два месяца»? Тридцать лет почти — не хочешь?! Нет, надо завязывать с этими абстрактными размышлениями, а то точно с ума сойду. Лучше делом займись, милейший. Делом!

Над картой просидел до глубокой ночи, даже на ужин не пошел. Так бы и остался голодным, если бы Толик, добрая душа, не притащил мне тарелку тушеной картошки с мясом, пару больших ломтей хлеба и кружку пива. Зато в голове начал вырисовываться какой-никакой план действий. А значит — не зря сидел.

Поутру, после завтрака я отправил Курсанта на рынок за маленьким зеркалом. Сначала сам собирался идти с ним вместе, но передумал, вдруг вспомнив о том, что к свежееотремонтированной машине у меня нет ни домкрата, ни даже набора гаечных ключей, не говоря уже о кувалде, без которой вообще к ремонту отечественной техники приступать — и думать не стоит. На мое счастье, проснувшись «жаба» быстро напомнила мне, бестолковому, что вовсе не обязательно платить деньги за то, что можно с наглой физиономией вытребовать у непосредственного начальства. Опять же, в Комендатуру мне в любом случае нужно было зайти и забрать давно обещанный комплект «хендс фри» для Толиной «Дэу». Гарнитуру к станции мне Игорь выдал практически сразу, только связистам по внутреннему телефону позвонил, и уже через пару минут ее принес молодой парнишка, весь какой-то растрепанный, мятый, с неопрятной шевелюрой, но в форме и с сержантскими погонами.

— А, — только отмахнулся на мой вопрошающий взгляд Костылев, когда парень удалился. — Техперсонал, чего ты хотел? Пытался их к порядку приучить — да все без толку. А на «губу» каждый раз сажать — хлопотно, да и работать вместо них некому.

Припомнив многочисленных известных мне представителей этого «племени», всевозможных сисадминов и прочих технических гениев, я понимающе кивнул.

А вот из-за инструментов мы чуть не поругались, причем хорошо так, можно сказать — самозабвенно. После примерно десяти минут ора и взаимных упреков в скупердяйстве Костылев сдался и, черкнув несколько строк на вырванном из блокнота листе, велел мне проваливать в гараж Комендатуры и передать там записку старшему технику.

— И если ты, рожа наглая, думаешь, что я еще и заправлять твой тарантас буду — то хрен ты угадал! Понял?! — неслось мне вслед, когда я уже закрывал дверь в кабинет Команданта снаружи.

Любопытство, как известно, не порок, и, забравшись на водительское сиденье УАЗа, я достал из кармана блокнотный листок и прочел:

«Семеныч, выдай ему из резерва малый ЗИП для УАЗа и набор инструментов. Домкрат, набор ключей, насос, ну, короче, что положено. Только, будь другом, выдай новое». Ниже следовали дата и подпись.

Ну, вот, и не нужно денег тратить. А то, что поорали немного друг на друга, так это ничего, у друзей и не такое бывает. Вот притащу я ему данные по Ца-Ведено — враз

успокоится. А пока надо в это самое автохозяйство ехать. Как говаривал один комедийный киношный негодяй: «Куй железо, не отходя от кассы!»

Старший техник Семеныч, оказавшийся пожилым сухоньким и подвижным мужичком с серьезной проседью в некогда черных волосах и внимательными серыми глазами, прочел записку и поглядел на меня с нескрываемым уважением.

— Долго выклянчивал?

— Какое там! — я только рукой махнул. — Орали друг на друга, как полоумные, чуть не подрались. Так что, можно сказать, — зубами выгрыз.

— Силен! — покачав головой, протянул в ответ тот, причем уважения ко мне у него явно прибавилось. — Ну, если такой пробивной, айда за мной.

«Малый ЗИП» оказался неожиданно большим: кроме винтового домкрата, ножного насоса, небольшой кувалды, монтировки и ящика с инструментом (рожковыми, накидными и торцевыми ключами, отвертками, пассатижами и трещоткой), мне вручили еще комплект свечей, ремень генератора, бензошланг и еще целую кучу каких-то прокладок, болтов, гаек, хомутов и прочей мелочевки в небольшом мешке. Переносить все это богатство в «собачник» УАЗа мне пришлось в два захода. Помимо всего этого я еще вытребовал небольшую катушку медной проволоки и канистру моторного масла. Уж раз назвали пробивным — надо, блин, соответствовать!

Из гаража я поехал на рынок за продуктами. Можно, конечно, было и Толе наказ дать, но лучше самому. Надежнее. Там закупился хорошо прокопченным говяжьим балыком, почти таким же, что взял в свое время как трофей с убитых «волчат» и тонким пресным лавашем. Взял на двоих, причем с запасом. Кто знает, возможно, что за сутки-двое не управимся, а сидеть в засаде да пустым брюхом урчать — удовольствие, мягко говоря, ниже среднего. Уже совсем было собрался ехать назад, как вдруг вспомнил, что забыл выпросить на складе толстой лески для растяжек. И кладовщик Витя с Игорем не напомнили. А ведь может пригодиться. Леску беру у того же мужика, у которого покупал в свое время изоленту и спички. Среди всего прочего вдруг замечаю на прилавке довольно аккуратно сработанный мультитул.¹⁰ Не «Лезерман», конечно, но, судя по всему, — вполне приличная штука, уж всяко лучше того китайского барахла, которым в мое время все магазины завалены были. Взять, что ли? На секунду просыпается «жаба» и напоминает, что и нож, и плоскогубцы у меня есть. Но здравый смысл, подсказывающий, что возможность иметь под рукой компактный и многофункциональный инструмент дорогого стоит, одерживает верх. В конце концов, на бинокль я тоже потратился, но, поглядев, что могли выдать мне на складе, понял, что не прогадал.

— Заинтересовался? — ловит мой сфокусировавшийся на прилавке взгляд продавец. — Хорошая штука! Харьковский машиностроительный завод!

Он со значением поднимает палец. Видимо, этот факт должен мне указать на хорошее качество. Пусть так. Я киваю и понимающе чмокаю губами, ну, да, мол, как же, как же, знаем.

— Смотри, — продолжает продавец, беря мультитул в руки и поочередно демонстрируя мне все, что включает в себя изделие харьковских мастеров. — Нож есть, кусачки, пассатижи, плоскогубцы, две отвертки — крестовая и обычная, открывалка для консервных банок и эта хрень, блин, забыл как называется, кончики проводов зачищать... И всего-то восемь рублей серебром.

Ну, насчет «всего-то» он, конечно, погорячился, после непродолжительного, но эмоционального торга сошлись на шести и я стал счастливым обладателем весьма полезного в быту инструмента, который, кстати, при установке тех же мин или растяжек очень даже

¹⁰ Мультитул — многофункциональный инструмент, обычно в виде складных пассатижей с полыми ручками, в которых спрятаны (с внутренней или внешней стороны) дополнительные инструменты (лезвие ножа, шило, пила, отвертка, ножницы и т. п.). Отличается от перочинного ножа с миниатюрными плоскогубцами увеличенной головкой пассатижей, которая в корпус не прячется.

пригодиться может.

Вернувшись в «Псарню», я отыскал Толю, который уже давно справился с важной и ответственной миссией по приобретению зеркала и сидел у себя в комнате, неизвестно по какому кругу вычищая автомат и ГП. Спустившись в трактир, мы с ним плотно пообедали, и я объявил отбой до семи часов вечера, попросив Кузьму стукнуть в назначенное время мне в дверь на всякий случай, если я сам не проснусь. Выспаться надо как следует, потому как ночью нам спать не придется.

Разбудил меня Четверть. М-да, что-то сбиваться начал мой «биологический будильник». Надо будет на рынке механический покупать. А то неудобно каждый раз Кузьму такими просьбами напрягать. Быстренько ополоснув лицо, я начинаю собираться. Новую, казенную, «горку» и уже забитую запасными магазинами, ВОГами и гранатами РПС — на себя. «Лешего», свитер, бинокль, коробку с «Туманом», сухой паек и флягу с водой — в РД. Туда же убираю небольшой планшет из толстой кожи с несколькими листами бумаги и свинцовым карандашом, в Ца-Ведено пригодится — схему укреплений рисовать и пометки разные делать. Память, оно, конечно, хорошо, но записать и зарисовать — как-то надежнее. Немного посомневался насчет мин, но, поразмыслив, решил обе МОН-ки взять с собой. Вес невеликий, да и тащить не мне. Но уж лучше их с собой туда и назад балластом протаскать, чем понадобятся они — а нету.

Собравшись сам, иду к Толе. Он тоже уже собран и готов к выдвижению. Протягиваю ему сумку с двумя минами.

— На, Курсант, держи, с собой возьмем на всякий случай. А то вдруг война — а мы уставшие... В смысле, ни одной мины с собою... Непорядок!

Тот с улыбкой принимает у меня сумку, взвешивает ее на руке, кивает и перекидывает широкий брезентовый ремень через плечо.

— Не вопрос, командир. Везят они немного, а вот шухера ими при случае можно надеть — мама дорогая. Ну, что, присядем на дорожку?

Присев буквально на несколько секунд: Толя на свою кровать, я — на табурет у стола, поднимаемся и идем во двор к машине.

На Аргунском КПП нет ни Аслана, ни кого-то из знакомых нам ребят — не их смена, выходные у парней. Вместо Умарова — серьезный, можно даже сказать угрюмый, парняга лет двадцати пяти. Представился Сергеем, позывной — Кондрат. Объяснять ему, к счастью, ничего не нужно — ему и Аслан о нас рассказывал, и из дежурной части Комендатуры сегодня звонили, предупреждали.

— Что, парни, прямо сейчас пойдете или подождете часок, пока стемнеет?

— Знаешь Сергей, да мы, собственно, у тебя помощи попросить хотели, — отвечаю я.

— Что нужно? — интересуется он.

— Ты вот что скажи: вы как, вообще патрулирование вдоль периметра проводите?

— Разумеется.

— Часто?

— Три-четыре раза за день.

— В одно и то же время?

— За идиотов нас не держи, наемник! — ухмыляется он. — Конечно же нет, на кой ляд нам так подставляться?!

— Вот это хорошо, — продолжаю развивать свою мысль я. — Тут, понимаешь, какое дело. Если мы все время будем через ворота туда-сюда шастать, то можем и примелькаться. А оно нам никуда не впилося, понимаешь? Вот я и подумал: а что, если ты во время патрулирования где-нибудь в укромном местечке притормозишь и нас быстренько скинешь, а потом, по моему сигналу, через пару дней там же и подберешь?

— А что, — почесав в затылке соглашается Сергей. — Мысль толковая. Можно даже и не останавливаться, просто скорость сбросить, а вы соскочите. В потемках, да издалека, даже если кто наблюдать будет, и то, скорее всего, не заметит.

— Или так, — одобрительно киваю я.

— Ну, значит, так и порешили. Забирайтесь в «буханку», минут через десять выдвигаемся.

Из машины, того самого УАЗа-«буханки» с большим самодельным люком для пулеметчика в крыше, мы вывалились на ходу неподалеку от густо заросших кустарником развалин Цоцин-Юрта. Микроавтобус и пылившая по проселку метрах в тридцати перед ним инкассаторская «Нива» прибавили скорости и укатили дальше вдоль периметра, а мы с Толей короткими перебежками добрались до руин ближайшего дома и укрылись среди выкрошившихся кирпичных стен и рухнувших стропил крыши. В свете последних лучей уходящего за горы солнца я раскрасил «Туманом» сначала напарника, а потом и себя, а когда солнце окончательно зашло, повел Курсанта в сторону Герменчука. Один раз я тут уже гулял, дорогу знаю, так чего ж велосипед изобретать? По уже проложенному маршруту можно дойти до Серженя, а там просто еще выше в горы поднимемся и по ним на Ца-Ведено вдоль хребта выйдем.

Бог на свете все-таки есть, и он точно на нашей стороне! Ночь выдалась — будто на заказ: идеально круглая, сияющая, словно галогеновый фонарь, луна заливала ярким, но каким-то мертвым светом окрестности. Тени — резкие и бездонные, словно их черной тушью нарисовали. Слышал или читал когда-то такой эпитет — «волчье солнышко». Очень точно сказано. Как раз про такую луну. Если бы такая луна светила в ту ночь, когда мы с Толей вырезали блокпост у моста, я бы никогда не решился на нападение. Это было бы все равно, что посреди бела дня в атаку идти. Но мы с Толей сегодня ни на кого нападать не собираемся. А вот по развалинам при таком освещении пробираться — одно удовольствие. Нет, конечно, об осторожности забывать и внаглую маршировать по дороге или обочине не стоит, но зато и ногу поломать, в какую-нибудь яму провалившись или о грудку кирпичей запнувшись, тоже риска нет. Так и крадемся с напарником, скрытые густой тенью и быстро перебегая освещенные участки. До Сержень-Юрта добирались всего на час дольше, чем я в прошлый раз, а ведь тогда день на дворе был! На южной окраине Серженя я объявил почти часовой привал — передохнуть перед восхождением не помешает, и, резко взяв вправо, не спеша потопали в гору: хребет хоть и невысокий, метров триста, но зато весьма крутой. Идти сразу стало куда труднее. Кроны деревьев, с сильно пожелтевшей и покрасневшей, но так и не облетевшей до конца листвой закрыли от нас луну. В почти полной темноте даже по хорошо утопанной тропинке ходить надо осторожно, а про крутой горный склон с торчащими из земли валунами и корнями деревьев и говорить нечего. Но нам снова повезло, на хребет поднялись без происшествий, а уже почти на самом его гребне наткнулись на старую кабанью тропу, ведущую в нужном нам направлении. И даже несмотря на это оставшиеся восемь-десять километров дались нам едва ли не тяжелее, чем весь предыдущий путь. Приметный, с двумя минаретами силуэт мечети, стоящей на северной окраине Ца-Ведено, я разглядел уже в серой утренней хмари, сквозь густые клубы сползающего с хребта в ущелье тумана.

— Все, Толян, приехали, — шепчу я на ухо замершего по моему сигналу напарника. — Мечеть видишь?

Тот согласно кивает.

— Это Ца-Ведено и есть. Так что раскатываем «лохматки», подновляем друг другу разводы на физиономиях и начинаем себе толковые позиции искать, чтоб нам было видно все, а вот нас никто не видел.

Устроившую меня «лежку» отыскивали примерно через час, когда над Эртен-Кортом уже зарозовело от первых лучей встающего солнца небо. Накрывшись «лешими», мы с напарником залегли в небольшой, заросшей чахлым кустарником ложбинке между двух каменных россыпей почти на самом краю обрыва. Идеальной, конечно, позицию не назвать — возле того же моста было куда удобнее, а тут — и до позиций противника намного дальше, метров четыреста пятьдесят-пятьсот, и растущие чуть ниже по склону деревья немного обзор перекрывают. Но есть и положительные стороны: во-первых, обрыв, на

котором мы с Толей залегли, метров на триста выше расположившегося в ущелье под нами Ца-Ведено, и если не все селение, то уж, по крайней мере, его северную половину мы видим почти как на ладони. Во-вторых, те самые деревья, что частично закрывают нам обзор, точно так же скрывают нашу позицию от глаз часовых И, наконец, в-третьих, я сразу присмотрел от нашей позиции как минимум три пути отхода, так, чисто на всякий случай.

Расположились с максимально возможными в таких условиях удобствами... Хотя какие уж тут удобства? Острый камень в брюхо не давит — и то счастье. Слегка перекусили, и я, как более опытный и подготовленный, объявив для Толи «отбой», расчехлил бинокль, достал фотоаппарат, сразу отключив вспышку (еще не хватало ею на всю округу сверкнуть, выдав позицию всем желающим), и приступил к наблюдению.

Вопреки убеждениям большинства, служба у разведчика по большей части ни фига не захватывающая и не интересная. Нет, бывают, конечно, и короткие кровавые сшибки, когда группа неожиданно сталкивается с противником во время движения. Бывают и лихие отрывы от погони, когда разведчик, будто матерый заяц, петляя и запутывая след, уходит от своры «гончих»-преследователей. Бывают бесшабашные походы за «языками», когда разведчик похож уже не на зайца, а на какого-нибудь хищника кошачьей породы, бесшумно крадущегося в темноте, а потом наносящего один-единственный, но точный, выверенный до миллиметра удар и, словно тень, растворяющегося со своей добычей в ночи. Бывают и засады, когда в один миг мирная, безмятежно шуршащая листьями на легком ветерке «зеленка» вдруг обрушивается на врага настоящим шквалом огня и свинца. Да, все это бывает, но очень редко — либо когда без этого просто не обойтись, либо если группа совершила ошибку. Все остальное время разведчик, невидимый и неслышимый, лежит и смотрит, смотрит и запоминает. Такая у него работа, нудная, тяжелая и внешне совсем не героическая. А все остальное — это так, бесплатно прилегающий к ней приятный бонус.

И вот уже почти четыре часа я «гляжу внимательно — в оба глаза, слушаю внимательно — в оба уха». Общую схему оборонительных сооружений северной окраины селения я уже зарисовал, теперь прикидываю примерный численный состав гарнизона, маршруты патрулей, график смены караулов и общий морально-психологический настрой в банде. Пока результат неутешительный: это вам не кучка развиздяев на блокпосту у моста. Тут у ребят все серьезно: высокая, метра три, стена из дикого камня с бойницами для стрелков, пара огневых точек с ПК, в которых постоянно дежурят часовые. Справа от ворот, похожих на те, что были в Червленной или Петропавловской, но раза этак в три меньше, под арку едва-едва грузовик типа армейского «Урала» или «КамАЗа» втиснется — аккуратный капонир, сейчас, правда, пустующий. Судя по габаритам — под БМП или БТР, для танка явно маловат будет. За время наблюдения видел две смены караульных, каждые два часа, точно, хоть будильник по ним сверяй. На посту не спят, шмаль не курят и даже насваем не закидываются. Прямо не банда, а регулярное воинское подразделение. Да уж, вот если б я таких потревожить попытался — давно бы в яме гнил. Но, к счастью, у меня сейчас задача совершенно другая. В очередной раз бросив взгляд на циферблат своих «Командирских», расталкиваю Толю, вручаю ему бинокль и планшет с набросками и записями. Все, Курсант, теперь твоя очередь, а командир — баиньки, но ежели вдруг что экстренное, то буди не раздумывая. Ну, ЦэУ¹¹ отданы, теперь можно свернуться клубочком под «лохматкой» и слегка вздремнуть.

Ничего экстраординарного за время моего сна не приключилось. Уже вполне компетентный в вопросе Толя точно успел вычислить график и маршрут двух караульных групп, заметил в момент пересменки очень неплохо замаскированный снайперский «секрет», расположенный буквально на сто метров ниже нас и, к счастью, здорово левее. Еще вот такого соседства нам только и не хватало для полного счастья и душевного спокойствия. И то, и другое он аккуратно зарисовал на начатой мною схеме. Еще к КПП со стороны большого Ведено подъезжал какой-то тип на автомобиле. Толя смог сфотографировать и

¹¹ ЦэУ, ЦУ — ценное указание.

самого типа, и его автотранспортное средство. Забрав у него фотоаппарат, я решил взглянуть на гостя и его «стального коня». Машине место явно было на съемочной площадке очередной части «Безумного Макса» — кустарный и явно кое-как сляпанный на базе «Жигулей»-«классики» двухместный багги, серьезный человек на такой рухляди точно ездить не будет. Да и внешность приехавшего была достаточно красноречива — никто, звать никак. Но сам факт наличия у него хоть и убогого, но все ж таки автотранспорта и то, что обращались с ним местные довольно уважительно, говорил об одном: хоть и «шестерка», но на серьезных людей мечущаяся. Скорее всего — посыльный, причем со срочным донесением, обычное мог бы и конный привезти. Эх, вот бы заглянуть в ту сумку, которую он, по словам Толи, здешнему командиру или какому-то начальнику передал! Кстати, сам момент передачи Курсант тоже заснять умудрился. Качество, правда, никакое, на такой дистанции уже никакой зум не спасает, но кое-что разглядеть можно.

В общем, пролежали мы на том обрыве до самой темноты. Окончательно определились с количеством Непримирих в селе — человек тридцать-тридцать пять, или по-простому — пехотный взвод. Три автомашины — две полумертвые «Нивы» и один относительно неплохо сохранившийся УАЗ. Кстати, искалеченные останки угробленного мною «Ровера» — тут же, в небольшом закутке рядом с проржавевшим ангаром. А вот в ангаре, судя по отпечаткам траков в засохшей грязи и часовому у ворот, — та самая неопределенная, но точно гусеничная, единица бронетехники, для которой капонир сложен. Есть у меня подозрение, что большего мы уже не узнаем. Ну, тогда пора и честь знать!

И снова с погодой нам повезло. На этот раз к вечеру стянуло плотные тучи, а из ущелья вверх полз густой грязно-серый туман. Видимость — метров на десять вперед от силы. Да только нам, назад по уже знакомому маршруту возвращающимся, больше и не надо. А вот часовые у ворот и «духовский» снайпер в своем «секрете» могут до посинения в эту непроницаемую пелену свои буркалы паять, один черт, дальше своего носа ничего не увидят.

— Все, Толян, мы молодцы, — прошептал я в самое ухо напарнику, когда мы, сначала ползком, а потом крадучись, согнувшись в три погибели, отошли метров на двести от нашей «лежки». — Сворачиваем «леших», и — дай бог ноги!

— Погоди, командир, — трагическим шепотом взмолился тот. — Мне по-большому приперло — сил нет! И так уже часа три терплю.

— Нет, Курсант, вот умеешь же ты любимому начальнику свинью подложить, а. Лучше пока забей там себе небольшой чопик, не бойсь, не надолго и дуй за мной, буду учить тебя оправляться на вражеской территории, не оставляя при этом следов.

Спускаться вниз сразу я не рискнул. Видимость, конечно, никакая, но вот зато со слышимостью в тумане — все в порядке. Еще не хватало выдать свое присутствие треском неудачно попавшейся под ногу ветки или грохотом не вовремя скатившегося камня. По той же звериной тропе мы в быстром темпе ушли на пару километров назад, и когда Толя, догнав меня, изобразил глазами уж совсем нечеловеческие страдания, начали по моей команде спускаться вниз, к дороге и ущелью, по самому краю которого она проходила. А на дне ущелья, не такого уж и обрывистого, со вполне проходимыми склонами, поросшими акацией, гремела камешками моя старая знакомая — речушка со странным названием Хулхулау.

— Значит так, Толя, заходишь в реку примерно по середину голени, разворачиваешься лицом к течению, присаживаешься и делаешь свое грязное дело, — напутствую я уже поскуливающего от нетерпения напарника.

— Миш, ну вот на хрена опять всякие умности придумывать? Почему именно лицом к течению? — пыхтит влезающий в воду Анатолий.

— А сам прикинь! — глумливо ухмыляюсь я.

Повертевшись и так, и этак, Толя убеждается, что при любом другом способе посадки он просто рискует изгваздаться в собственном... в собственных отходах жизнедеятельности. С тяжким вздохом он садится так, как я и сказал.

— Запомни навсегда главное правило из двух пунктов, Курсант. Во-первых, командир прав всегда. Во-вторых, если командир не прав, то подчиненный должен глядеть пункт первый. Ладно, пойду, отойду немного. И тебя смущать не буду, и покараулю заодно.

Слегка поразмыслив, я решил, что выбираться назад, на горный склон, нам не обязательно и дальше можно совершенно спокойно идти по ущелью вдоль реки, вниз по течению. Прижмемся поближе к левой стороне, там растительность погуще, уже даже не кусты, а вполне себе деревья, да так и дотопаем до самого Сержень-Юрта. Ну, может, не до самого, но уж до развалин пионерлагеря — точно. Сказано — сделано. Путь продолжаем по ущелью, вдоль русла реки, которая своим плеском и перестуком камней на дне, полностью скрывает звуки наших шагов. И ведь наверняка так бы и ушли назад, тихо и спокойно, да только в Беное понесла меня нелегкая из ущелья вверх. Захотелось, понимаешь, еще раз на нашу базу поглядеть. Поглядел, мля...

С окаменевшей рожей и стиснутыми кулаками я замер над разоренной могилой. Нет, эти уроды не выкопали кости и не раскидали их вокруг, может — нечем копать было, может — просто лень. Но на то, чтобы своротить, разломать на части крест и наложить сверху на холм несколько вонючих куч, у боевиков хватило и силенок, и большой фантазии. Толя стоит чуть позади молчаливой тенью. Мне кажется, он уже по контексту догадался, что это за место и как я себя сейчас чувствую. А когда я, немного успокоившись и взяв себя в руки, поворачиваюсь к нему, напарник задает только один вопрос:

— Домой мы, похоже, пойдем чуть-чуть позже?

Я только молча киваю в ответ, подбираю кусок доски и начинаю очищать могилу. Толик же отходит к развалинам бани и начинает выбирать там относительно крепкие и длинные деревянные. Вдвоем справились быстро: сколоченный ржавыми скобами новый крест выглядит ничуть не хуже, чем старый.

— Жаль, ненадолго, — вздыхает Анатолий.

— А мы им «слегка намекнем», что трогать тут ничего не стоит.

— Думаешь, поймут?

— Ну, это будет зависеть от того, насколько убедительно намекнем. Все, спускаемся в ущелье и предельно осторожно выдвигаемся назад.

— Да ты никак Ца-Ведено громить собрался? — смотрит на меня квадратными глазами напарник.

— Не, Толя, — усмехаюсь я. — Помирать нам с тобою еще рано, я тут кое-что другое замыслил. Как думаешь, тот черт, что сумку с донесением привез, когда назад поедет?

— Не, командир, чем больше я тебя узнаю, тем больше убеждаюсь, что ты псих! — восхищенно заявляет Толик, когда я объясняю ему смысл своей задумки.

А план и впрямь больше похож на безумную авантюру. Устроить засаду на вражеского курьера на четырехкилометровом отрезке дороги от Ведено до Ца-Ведено — это не просто риск, это черт знает что! Но именно поэтому может проскочить. Думаю, подобной наглости от нас просто не ждут. Правда, от трофеев придется отказаться, на их сбор у нас не будет ни секунды времени — успеть бы ноги унести. Но это не очень-то и страшно. Мы сейчас на «государевой службе», так что с голоду не помрем. Опять же, для начала надо отсюда живыми слинять.

Выбранное мною для засады место могло бы быть просто идеальным: мост через узенькое, но глубокое ущелье, зажатое с двух сторон горными кручами. Все как на ладони, противнику просто некуда деваться. Но, как в том глупом анекдоте: «Есть нюансы».... Совсем рядом, чуть ли не в пределах видимости, сразу два населенных пункта, в которых стоят вражеские гарнизоны. Вариант действий только один — куснуть побольнее и бежать со всех ног. Вот подготовкой этого самого «укуса» мы с Толей сейчас и занимаемся. Обе МОН-50 настроены на управляемый взрыв и уже прикручены струбцинками к чахлым деревцам на обочине так, чтобы при подрыве крест-накрест выкосить осколками небольшой «пятачок» перед мостом, на котором все действие и развернется. Кроме того, по обеим

сторонам дороги я еще и десяток растяжек поставил (хорошо гранат мы с запасом набрали), в тех самых местах, которые бы сам попытался использовать как укрытия, если бы напали тут на меня. Об одном я сейчас жалею — что не взял с собой помимо МОНов еще и тротила килограммов этак пять. Мостик-то — хлипенький совсем, ему пятикилограммового фугаса хватило бы за глаза. И тогда со стороны большого Ведено до нас никто уже не добрался бы. Да и МОНов можно было не две, а штучки четыре прихватить, такая мясорубка б получилась — загляденье. Но Толя все ж таки не верблюд, да и невозможно все заранее предусмотреть. Так что, как говорила моя бабушка: «Имаемо, що имаемо...»

— Значит, так, Курсант, сейчас выбираешь себе позицию так, чтобы вот по этой площадке бить удобно было, маскируешься и ждешь команды, — инструктирую я Толика. — Основная цель — тот посыльный, но если вдруг появится что-то другое, не менее «жирное», я подам команду. Запомни главное — надо уделывать исключительно автоматическим огнем, край — парой ВОГов их подогреть. А все те «изгибистости», что я там понаставил, это для тех, кто первым на выручку примчится. Подлетят, встанут, попытаются сообразить, что тут случилось. Вот тут-то мы их и приложим от всей широкой русской души. Сначала — МОНЫ, потом «давим» автоматическим и из подствольных. Они начнут позиции искать — а там растяжки. Короче, как сказал герой одной неплохой книжки: «Счастье всем — даром, и пусть никто не уйдет обиженным». Когда закончим со второй группой, у нас будет небольшая фора по времени, боевики, услышав звуки боя, решат, что это их кунаки нас с тобой на куски пластают. Вот в этот момент бегом производим видеосъемку, режем «бошки», оставляем мой «нарек» и сваливаем на максимально возможной скорости. Да, вот еще что, надо постараться хотя бы одну машину уберечь, а лучше — парочку, они нам пригодятся, чтобы мост перекрыть вместо баррикады, а то вдруг из большого Ведено тоже кто на огонек заглянет? Хотя сомневаюсь, Ца-Ведено для большого — все равно что оборонительный рубеж, крепостные ворота и стена в одном лице. Там же и гарнизон постоянной готовности... Но все равно, исключать ничего нельзя.

— Толково придумано, командир. Жаль только, что почти ничего, кроме «волчьих голов», затрофеить не получится...

— Ну, придумано не мною, схема старая, называется — двойная засада. А на счет трофеев — покойнику всякие «цапки» ни к чему. А нас тут только скорость спасти сможет. Не успеем со всех «волчьих головы» срезать — просто сфотографируем всехдохлых Непримиримых общим планом. Костылев обещал, что такие фото тоже вполне за доказательство сойдут, только оформлять сложнее будет. Но уж лучше с бумажками возиться, чем пулю в брюхо ухватить. Так, все, давай бегом на позицию, маскируйся и рацию слушай внимательно!

Нет, все-таки «чуйка» — великое дело. Я спокойно пропустил мимо следующий в Ца-Ведено обоз из десятка тяжело груженных какими-то ящиками, коробками, мешками и тюками телег. Потом велел не трогать четверых очень неплохо вооруженных и хорошо одетых верховых, направлявшихся в сторону Ведено. Зато в начале одиннадцатого мы дождались: давешний «багги» возвращался, да еще и в сопровождении десятка конных джигитов. Хм, ведь в Ца-Ведено один прикатил, а назад — с такой охраной. Неспроста!

— Курсант — Чужому, первым делом бей по всадникам, старайся не зацепить лошадей, — шепчу я, а чуткие ларингофоны ловят колебания моих голосовых связок.

— На хрена? — едва разбираю я в наушнике шепот напарника.

— Не тупи, мертвая лошадь — укрытие, почти бруствер, живая — полтонны паники, копыт и зубов.

— Принял!

— Тогда по моей команде. Я с головы колонны — ты с хвоста.

Я уже упоминал когда-то, что стрельба длинными очередями нужна только для подавления воли противника, чтобы у него, слышащего, как сверху, справа и слева звонко чирикает его смерть, даже мысли не возникло высунуть свой нос из-за укрытия. А вот если твой враг перед тобой весь, как на стрельбище, то длинные очереди ни к чему. В такой

ситуации стрелять надо короткими прицельными очередями по два-три патрона. И если удача на твоей стороне, если враг не ждет подвоха, твой напарник — хороший стрелок, а цели вы заранее распределили, то... То тогда враги слишком быстро кончаются, ты еще и вкуса кровавой потехи не разобрал, а стрелять уже и не в кого. Только бьется в конвульсиях, громко и жалобно крича, сорвавшая растяжку и теперь агонизирующая на обочине лошадь. Остальные, потеряв седоков, поднимая облака пыли, несутся в сторону Ведено. Причем, как я успел заметить, к смерти, по меньшей мере, трех Непримиримых мы с Толей руки не приложили. Кто там рассказывал, что лошадь на упавшего на землю всадника не наступит? Эти не просто наступили — промчались всем табуном, круша грудные клетки и растапывая черепа. Да уж, хреновая смерть, уж лучше от пули...

— Толян, снимай и башкой вертеть не забывай! — команду я и ссыпаюсь с небольшим оползнем вниз. Главное сейчас — не напороться на свою же растяжку, вот хохма-то будет! Подскакиваю к залитой кровью, но все еще исправно фырчащей двигателем машине. Одним движением ножа срезаю с мертвого посыльного туго набитую какими-то бумагами сумку. Смотреть — нет времени, все позже! А пока — в ранец ее! Еще один взмах лезвием, и запачканный густой черной кровью рукав с ощерившимся золотоглазым волком летит в РД, следом за сумкой. Практически обезглавленное тело водителя — из кабины долой. Хорошо еще, что пулями его назад, на прикрытый ржавым кожухом двигатель отбросило, на водительском сиденье крови нет. Разгоняю чудо постапокалиптического автопрома и, почти проехав мост, резко выворачиваю руль влево и бью по тормозам. «Багги» накрепко застревает между бетонными блоками, выполняющими функции перил. Нормально, вот и готова импровизированная баррикада. Так, стоп, а что это за ящик в багажнике? Гранаты? Эх, жаль не тротил!!! Но два десятка «эфок» — тоже неплохо. Мост ими, конечно, не обвалить, но зато можно сделать «маленький приятный сюрприз» тем, кто попытается эту баррикаду с места сдвинуть. Вкручиваю запалы во все гранаты, а потом, словно при установке растяжки, почти до конца вытаскиваю шпильки предохранительной чеки. Сильное сотрясение или рывок и — адиос, мучачос! Из одной Ф-1 я «колечко» выдергиваю совсем, а предохранительную скобу прижимаю сверху гранатным ящиком. Задумка — простая, как мычание: тот, кто попытается убрать машину с моста, просто обязан будет ее сильно дернуть. От рывка ящик, не слишком-то устойчиво стоящий сверху на «эфке», точно свалится, освобождая зажатую скобу. Что получим в результате? Почти одновременный взрыв двух десятков оборонительных гранат. По совокупности — почти что осколочная авиабомба! Думаю, Непримиримым понравится! У меня за спиной размеренно и хлестко бьют одиночные: Толя не только снимает дело рук наших, но еще и проводит «контроль».

Бегом возвращаюсь к месту устроенного нами побоища и собираюсь продолжить охоту за «волчьими головами», но меня останавливает предупреждение напарника:

— Движение от Ца-Ведено!

Ох, елки, чуть не увлекся! Шурша мелкой галькой и пару раз оскользнувшись, избегаю вверх по склону и ныряю под своего «лешего». Магазин в автомате — сменить, ВОГ загнать в подствольник, подрывную машинку привести в боевое положение. Ну, все, господа, я снова вооружен и смертельно опасен.

И все-таки я слегка просчитался. Тревожные группы с обеих сторон подъехали к мосту почти одновременно. Зато дальше все идет — как по нотам: две «Нивы» из Ца-Ведено вплотную подъезжают к «пяточку», на котором кучей лежат трупы, едва не наехав на залитые кровью тела. Ай, молодцы! В сектор поражения МОН-50 вы, мои хорошие, уже попали. Четверо боевиков, чуть не на ходу выскочившие из машин, изображают боевое охранение, присев на одно колено возле своих авто и повернув стволы автоматов в сторону гор. Еще четверо — начинают осматривать трупы, видимо, пытаясь понять, что же тут случилось. На веденской стороне моста — вообще цирк, с джигитовкой и клоунадой.

Тамошняя «ман-группа»¹² — вся верхами. И сейчас сразу трое джигитов собираются выдернуть застрявший «багги» своими лошадаками. Нью-ню, бог в помощь!!!

Бахает знатно, я на несколько секунд даже теряю слух. Славные веденские джигиты вместе со своими коняшками теперь годятся разве что на колбасу: разметало их просто в мелкие клочья. Бандиты из Ца-Ведено, похоже, не пострадали, корпуса «Нив» приняли на себя большую часть осколков, но вот контузило их, судя по всему, серьезно. Несмотря на это они вполне грамотно занимают оборону. Нет, ребята, извините, воевать с вами мне сегодня что-то не хочется. Раскрытой ладонью я сильно бью по кнопке пээмки. Еще два взрыва — и поражающие элементы МОНОк с визгом разлетаются и с влажным чпоканьем входят в живые тела и трупы или бесполезно дырявят корпуса и без того уже не подлежащих восстановлению «Нив» и «багги». Удивительно, но даже после этого на залитом кровью и заваленном клочьями мяса и человеческими внутренностями «пятак» еще есть живые. Трое. Вернее — двое, потому что третий судорожно дергает ногами в предсмертных конвульсиях. А вот оставшаяся парочка: лысый бородач с залитым кровью лицом и длинноволосый амбал с зеленой повязкой с сурой из Корана, перехватывающей лоб, очень грамотно дали по длинной очереди наугад, но в нашу сторону (на меня даже срезанная пулей ветка акации шлепнулась), и рывком ушли на противоположную обочину, видимо, намереваясь скатиться в ущелье. И все бы могло у них получиться, да вот только один поганец, по имени Миша Тюкалов, поставил на пути их отхода несколько растяжек. Два взрыва, протяжный, захлебывающийся крик... Похоже, все.

— Толя, продолжай снимать и «пасти» ситуацию! Я — вниз!

Ох, мать!!! Уж на что я привычный, но тут даже меня замутило: и вид, и запах — куда там скотобойне. Бегом, стараясь не сильно испачкаться, а главное — не приведи бог, не поскользнуться и не рухнуть, перемещаюсь от одного тела к другому, срезая шевроны-«бошки». Так, на ту сторону моста и в пропасть — не полезу, черт с ним, на фото все будет. А пока надо вот еще что сделать... Идея, правда, не совсем моя, в одной хорошей книжке когда-то подсмотрел, но, думаю, к ситуации вполне применимо...

Когда через пятнадцать минут к месту побоища прибыл окруженный толпой охранников амир Ведено, то ему передали перепачканный кровью лист плотной бумаги, который был прилеплен к радиатору одной из «Нив». На нем крупными буквами, серым свинцовым карандашом по-русски было написано:

«Еще раз тронете могилу в Беное — сложу из голов ваших шакалов пирамиду, свиной кровью ее оболую, и у каждой изо рта отрезанный хер торчать будет. В таком виде их не то что в Джанну¹³ не пустят, но и из Джаханнама¹⁴ Иблис¹⁵ пинками выгонит. Хватит мертвых позорить!!!».

— Главное, держи левый фланг и тыл, Толян, не дай им нас обойти! — шепчу я, глядя, как четверо «цифровых» бородачей грамотно, прикрывая друг друга, подбираются к развалинам кошары, в которой занял оборону Курсант. — Это не основная группа, мы их махом перемелем, если тормозить не будем. Но начинать только по моей команде.

Эх, елки, а ведь так все хорошо начиналось! От Ца-Ведено ушли чисто. Но по старому пути возвращаться было нельзя, и я, припомнив свои многочисленные «хождения по мукам» в здешних горах в 2010-м, повел наш с Толей «победоносный отряд» на запад. Перевалим через невысокий, всего километровый, хребет Керкендук, обойдем с севера Хатуни и выйдем

¹² «Мангруппа» — маневренная группа, подразделение, постоянно находящаяся в боевой готовности.

¹³ Джанна — рай у мусульман.

¹⁴ Джаханнам — ад у мусульман.

¹⁵ Иблис — в исламе тоже, что и Сатана в христианстве: ангел, восставший против Аллаха.

прямо к Агиштам. Эта деревушка, судя по словам Костылева, уже много лет как брошена, зато от нее, вдоль дороги или просто по течению узенькой речки Басс, рукой подать до Шали. Ну, а уж от Шали-то мы до Аргуна как-нибудь доберемся. Ага, блин, раскатал губу, наивный чукотский юноша!

Обнаружил преследование чисто случайно, чего уж врать-то. Просто в очередной раз подала сигнал тревоги моя многоопытная «пятая точка», и я решил перестраховаться. Перевалив через Керкендук, мы с Толей не стали спускаться вниз, к Агиштам, как сначала и планировали, а двинули «верхами» почти вдоль гребня, сливающегося в этом месте с Керкендуком хребта Маштан. Идти, разумеется, было куда труднее, зато во время очередного привала, обозревая окрестности в бинокль, я засек сразу три группы по пять-шесть человек, что широким веером, держа между собою дистанцию, прочесывали местность внизу, направлением от Хатуней и Тевзаны на Агишты. Вот, мля! Пошли бы мы так, как собирались, — уже бой вели бы, причем в окружении. Ой, как хреново! Скомандовав подъем, я повел напарника в сторону Шали напрямую, через горы. Но и противник у нас был явно не лыком шит — вцепились нам в загривок, как бульдоги.

И откуда они вообще нарисовались-то?! Не скажу, что настоящие профи, но уровнем куда выше, чем обычные боевики. Ладно, шустрые, ладно — выносливые. Главная проблема — явно тактически грамотные. Обложили нас со всех сторон и гонят, как волков. Причем, судя по всему, с координацией совместных действий и радиосвязью у них тоже все нормально. И еще одно я для себя подметил — одинаково экипированные: на всех цифровой камуфляж. Издалека видно плохо, но больше всего похоже на местную версию американского «диджитал грин» — в таком воевала грузинская армия в 2008 году в Осетии, а потом в таком же щеголяла вся чеченская милиция. Единообразие — это плохо! Значит, это не банда, а регулярное подразделение, ну, или, как минимум, его подобие. Одно радует — без собачек идут, что, если вдуматься — не так уж странно: кавказец — это вам не немецкая овчарка, характер у него тяжелый, дрессировке поддающийся плохо.

Вот сторожа из них выходят отличные, у них эта «опция», можно сказать, от природы заложена, а во всем остальном — пожалуйста бриться. Так что придется вам, ребята, обойтись без чутких собачьих носов, а значит — шансы у нас приличные. Хорошо еще, что я сам в такие игры не первый год играю, а то давно схарчили бы нас с Курсантом эти резкие ребята даже без собак, они и так гонят нас, как хорошие гончие. Но легкой победы им не будет, я тоже воробушек стреляный: петляю, словно старый, матерый заяц. Следы путаю, кругами вожу, «мелкими пакостями» развлекаюсь. Уже почти всю леску извел на ложные растяжки. Пусть время теряют и подлунки ищут. Столько времени и сил потратят, а вместо результата — пшик. А чтобы уж совсем пацанов не обижать, я на каждые три-четыре фальшивки ставлю одну настоящую. Не, ну а что? Нечего расслабляться! Так что, судя по паре прогремевших некоторое время назад вдалеке взрывов, — счет снова в нашу пользу. Кроме растяжек, мы с Толей устроили преследователям несколько контрзасад на наиболее удобных для обороны рубежах. И нам приятно, и прыти у вражин явно поубавилось. Вот только леска на исходе и гранат осталось всего три штуки. Да и патронов все меньше... Одним словом, надо устроить маленькую охоту на охотников. Не то чтобы мы такие отмороженные и кровожадные, но просто на тех «подкожных запасах», что у нас с Толей остались, мы до Аргуна точно не прорвемся, ну, разве что в штыковую атаку пойдем. И старая, почти завалившаяся кошара на склоне почти идеально вписывается в мой план. А вот это — совсем здорово! Чуть в стороне от груды кирпичей, судя по всему — бывшего домика смотрителя, наблюдается маленькое вонючее болотце. Раньше это был, скорее всего, искусственный пруд, причем не родниковый, потому и загнил давно без ухода. А пересохнуть совсем ему дожди не давали. Ни камыш, ни осока в этой вонючей черной жиже давно не растут, только густо плавают по поверхности какие-то полусгнившие стебли да торчат травянистые кочки. А чем не вариант?!

— Толя, занимай оборону в кошаре и смотри, чтоб они нас с тобой слева и с тылу не обошли. Хотя вряд ли, они по большей части отстали, за нами, похоже, только одна группа

идет. То ли самые настырные, то ли самые толковые. Вот и глянем, что за гуси. Как я начну — подключайся.

— А ты куда? — интересуется выбирающий позицию напарник.

— Я? В засаду! — с ухмылкой раскатав «лохматку», я поднимаю над головой автомат, с разбегу запрыгиваю почти в самую середину болотистой лужи, погрузившись в стоячую тухлую «воду» почти по грудь. Нет, конечно, можно было зайти и не спеша, без опаски налететь на яму, или просто в последний момент выяснить, что болотце слишком глубокое. Но тогда позади меня на поверхности этого «водоема» останется настоящий «кильватерный след» из потревоженной гнилой травы и взбаламученной грязи. Почти как позади атомного ледокола во льдах Арктики. Нет, не пойдет, слишком заметно! Стараясь не макнуть «калаш» в вонючую жижу (конечно, его надежность давно стала легендой, но, как сказал персонаж одной комедии: «Не искушай, орел, без нужды...»), накрываюсь сверху уже успевшим изрядно запахаться «лешим».

— Ну, Курсант, как со стороны смотрится?

— Почти нормально, только присядь еще чуть-чуть и левый ближний ко мне край накладки завернулся, ты его или разверни, или притопи малость.

— Все, понял, давай, дуй на позицию и ушами там не хлопай.

И вот она, ожидаемая нами группа: двигаются толково, можно даже сказать, красиво. Но это их не спасет — они как цель рассматривают кошару, на оставшееся слева болотце даже не взглянули. А зря... Толя, как и было условлено, молчит, огня не открывает, хотя представляю, чего ему это стоит: четыре мишени, словно на стрельбище. Стреляй — не хочу. Но что-то мне не нравится, снова мой «вещун» свербит под крышкой черепа.

— Толя, — чуть слышно шепчу я в микрофон станции. — Эти четверо — мои. На них не отвлекайся, паси тылы. Там подляна какая-то, задницей чую.

Когда между четверкой боевиков и кошарой остается не больше полусотни метров, я, слегка приподнявшись, откидываю край «лохматки» и открываю огонь. Ай, и правда, до чего же шустрые черти! И ведь бил по ним не то что с фланга, почти в спину, и дистанция короткая, и на точность стрельбы я никогда не жаловался... Однако двое успели открыть ответный огонь. Правда, не прицельно, почти наугад, да и пострелять долго я им не дал. Но грязь вокруг меня взметнулась неслабым таким количеством фонтанчиков, причем в непосредственной близости от меня. Но, слава богу, не зацепило.

А вот позади кошары явно что-то не так: сначала слышна какая-то команда, причем, если я не ослышался, — на английском, потом несколько коротких очередей, хлопок подствольника, взрыв, длинная, на полмагазина, очередь — и тишина.

— Толян, ты там как?

— Хреново, но живой...

С чавканьем и хлюпаньем выскакиваю из болота и бросаюсь к кошаре. Видок у меня, наверное, в этот момент тот еще: облепленная грязью и гнилыми стеблями травы лохматая фигура, с которой потоком стекает бурая вонючая жижа. Просто водяной какой-то, ей-богу.

Анатолий сидит на обломке бетонной балки, прислонившись спиной к стене. Лицо и грудь густо залиты кровью. Твою ж мать!!!

— Толя, что такое?

— А, херня, — вяло отмахивается тот. — Кусок кожи со лба содрало осколком, похоже. Крови полно, а раны-то и нету. У тебя воды не осталось, рожу сполоснуть? А то я свою всю давно выхлебал.

— Этих сколько было?

— Двое, обоих наглухо.

— Так, раз все хорошо — не тормози! Времени у нас в обрез! Держи воду. Стрептоцид и бинт есть?

Толя кивает.

— Тогда смоешь кровь, порошком рану засыплешь, повязку наложишь — и рвем когти. А я пока жмуrows ошмонаю.

Ой, мама дорогая, а покойнички-то непростые. У всех на рукавах вместо ставших уже привычными «бошек» — очень хорошо выполненный шеврон: мускулистый мужик, с задранной к луне волчьей головой. И надпись на чеченском — «Пам». Угу, «Оборотень», значит? Нью-нью... Да уж, вряд ли бандиты, скорее — группа по борьбе с диверсантами, вроде фашистских егерей или советского СМЕРШа. Похоже, пропавшие в последнее время группы разведки и ОсНаза — их рук дело. Режу шевроны и обнаруженные на шеях жетоны на кожаных ремешках, из подсумков вытаскиваю магазины и гранаты, сфотографировать тоже не помешает, но это уже Курсант пусть занимается, когда с перевязкой закончит.

Обобрав «своих», бегу вокруг кошары к Толиным. И замираю как вкопанный. Нормальный такой сюрприз!

— Толя, ты закончил?!

— Угу.

— Тогда мухой с фотоаппаратом сюда! Да шевелись ты, муха сонная!

Фотографировать тут действительно есть что. Кроме трупа обычного, хотя и слишком хорошо экипированного для бандита боевика, лежит труп... Ну, даже не знаю... Афрочеченца, наверное. Одним словом, лежит на камушках самый что ни на есть обыкновенный негр. Возраст установить сложно — Толя пальнул из подствольника, не сообразив, что дистанция для постановки ВОГа на боевой взвод маловата. Зато попал удачно. Вот и лежит бедный негрила почти без головы — только шея да нижняя челюсть уцелели, остальное — в клочья. Но, судя по рукам, — уже не молод был мужик, далеко не молод, лет пятидесяти, как минимум. Но при этом сохранил очень приличную для своих лет физическую форму: плечи широкие, шея мощная. И бицепс, когда я отхватываю левый рукав, вполне внушительный. Да еще и татуировка USMC на плече никаких сомнений не оставляет. Похоже — инструктор, бывший американский морской пехотинец. Эх, родной, далековато тебя занесло от Форта Брэгг, или где там вас дрессировали...¹⁶ Да и хрен с тобою, за что боролся, на то и напоролся! А вот автоматик у тебя, дружок, зачетный. Вернее, сам-то автомат — обычный АКМ, но вот «обвес» на нем — песня с припевом: настоящий, еще довоенный, но в отличном состоянии TDI¹⁷ — приклад, пистолетная рукоять, цевье со штурмовой рукояткой, даже оптический прицел имеется. А где ж ты, братское сердце, коллиматор-то «посеял»? Или в ваш «чепок»¹⁸ батареек не завезли? Хотя черт бы с ним, с коллиматором! Где б я сам на него батареи брал? А оптика, чего ей будет? Не роняй, гвозди ей не забивай, и будет все в ажуре! Нет, мимо такого пройти... «На это я пойти не могу!» Значит — автомат забираю с собой. Тяжело, конечно, но оставить такое — «жаба» точно не подпишет. Она мне до сих пор «Лендровер» не простила! А чего у тебя, братское сердце, еще имеется? Я не то что сильно жадный, просто любопытный — до жути. Ага, на шее, кроме чеченского, еще и пара стандартных американских «dog tags»¹⁹ из нержавеющей стали. Можно почитать и выяснить, кем ты был, да только времени нет, так что — потом, на досуге. На голени — заводские пластиковые ножны с торчащей из них наборной кожаной рукоятью и тяжелым наконечником. Тяну рукоять вверх, обнажая длинный матовый клинок. Ух, ты! Настоящий морпеховский Ка-Бар! Помнится, с таким Шварценеггер Хищника по джунглям

¹⁶ Михаил сильно ошибается, в Форте Брэгг, «проживает» элита американских ВДВ — «Зеленые береты» и «Рейнджеры». Морская пехота же обучается на совсем других базах — в Квантико, Кемп-Пендлтон или Кемп-Леджен.

¹⁷ TDI — известная израильская фирма-производитель тактического «обвеса» для стрелкового оружия, в том числе и российских образцов.

¹⁸ «Чепок» (армейск. сленг) — магазинчик при воинской части, почти что «Тысяча мелочей», продается все — от пряников до гуталина.

¹⁹ Dog tags — личные идентификационные жетоны военнослужащих армии США.

гонял в одноименном фильме. Никогда бы не подумал, что доведется в руках подержать! А что у тебя еще есть? Так, кобура. А в ней отличный американский «Кольт 1911»... Был... Пока не словил сразу несколько тяжелых чугунных осколков практически в упор... Ой, мля, как обидно!!! Что ж я невезучий такой?! Сначала «Лендровер», теперь еще это. Нет, точно теперь неделю спать от расстройства не смогу, а может, даже и кушать. Погнали дальше — бинокль в чехле. Ну, с этим сразу все понятно. Встречи с осколками Ф-1 даже железный «Кольт» не выдержал, куда уж до него обрезиненному пластику покойного «Льюпольда»: из пробитого кордурного чехла достаю разбитый корпус и высыпаю кучку стеклянного крошева. Зато в качестве компенсации за все предыдущие расстройства мне достается радиостанция. Да не простая. Куда уж там простеньким пластиковым «портативкам»... Настоящая американская Falcon ELEC, причем новой (ну, на 2010 год новой) модели AN-PRC-152. Да не одна «труба с антенной», подвешенная к РПС, как и у меня, на спине за левым плечом, но еще и с каким-то дополнительным блоком в «мародерке» на поясице. Мамочка моя! Я ж такие станции только в кино да на картинках видел. Эта «красавица» — не просто радиостанция, в ней «приблуд» всяких — мама не горюй! Батарея заряд до недели держит, а радиус приема — не меньше пятидесяти километров, правда, на равнине. Но и в горах, думаю — не меньше тридцати. Блин, да она разве что кофе по утрам не варит и колыбельные на ночь не поет! Была еще и «говорилка», ну, типа «хендс-фри», но с ней в момент попадания Толиного ВОГа в голову американского морпеха приключилась «маленькая неприятность». И остался от «говорилки» только испачканный кровью витой проводок. Да и бог с ним! И так трофеем просто цены нет! Беру, даже если придется ради этого грызть заработать... Была у американца при себе и карта, но, к сожалению — «правильная». Именно такая и должна быть у настоящего разведчика — никакой информации о своих. Да вдобавок еще и все надписи на турецком. Но это и не важно, все равно забираю.

Краем глаза замечаю, что Толян начал осматривать уже «ошкуренных» мною боевиков по второму кругу.

— Толян, ты чего?

— Да ничего, командир, воду ищу. Твоей-то только и хватило, что рожу слегка ополоснуть, а пить-то охота.

С этими словами он снимает с пояса одного из мертвых оборотней флягу и трясет ею возле уха, а потом разочарованно отбрасывает в сторону.

— Тьфу, твою мать, и у этого пустая. Да что ж вы, сволочи, такие незапасливые-то все были?!

Наконец у третьего по счету «оборотня» он находит почти полную фляжку и со счастливой рожей припадает к горлышку.

— Ай, хорошо!

— Рад, что тебе понравилось, а теперь давай тут все снимай в темпе, и сваливаем, — команду я.

Толя быстро фотографирует мертвых «оборотней», особенно подробно — их чернокожего «чифа»²⁰ и его татуировку. А потом распахиваем трофеи по подсумкам и РД, а все, что не можем унести: и автоматы, и пистолеты, и даже «разгрузки» и РПС — не мудрствуя лукаво, зашвыриваем в болотце, предварительно погнув и поломав возвратные пружины, повынимав затворные рамы и повытряхивав из них затворы. Если так сильно нужно — пусть лезут да ищут. Сотворив Непримирым очередную пакость, со всех ног бросаемся на восток в сторону Сержень-Юрта. Вообще, я поначалу хотел трупы «Оборотней» заминировать, благо — гранат снова хватало, но потом решил, что подобная «шалость» после предложения не глумиться над трупами может быть местными неправильно понята.

²⁰ Чиф — (англ. *chief*) — вождь, командир.

— Мишаня, я что-то не въехал, на кой черт мы назад-то возвращаемся? Нам же Шали проскочить и на Аргун рвать надо.

— Именно, Толя, именно. Ты видел, кто на нас охоту устроил? Думаю, они этот наш рывок к Аргуну уже давно просчитали. И выставили или прямо сейчас выставляют у нас на пути заслоны. Так что в Белгатое, Шали и Герменчуге нас уже точно ждут, да и между ними по-любому «секретов» понаставят. Ближе к Аргуну, конечно, не сунутся, можно и нашим патрулям на глаза попасться, а те, не будь дураки, минометы вызовут, и — пишите письма мелким почерком. Так что напролом, изображая танковую дивизию, мы с тобою не попрем. Как умные, обойдем по большой дуге, от Серженя по руслу Хулхулау спустимся аж до самого Цоцин-Юрта. А оттуда нас парни с КПП на своей «бронне» подхватят.

— Думаешь, прокатит? — в голос Толи звучат нотки сомнения.

— Стопроцентную гарантию требуй в сберегательной кассе! — весело огрызнулся я. — Единственное сомнение у меня вызывают Автуры, но там вроде, как и в Шали, — никого нету, так что должны проскочить, особенно если дурить и наглеть не будем, а потихонечку, по зарослям в русле... Кстати, ранетый... Ты давай, бросай тут красного командира Щорса изображать! Тоже мне: «Голова обвязана, кровь на рукаве...» Ну-ка, бандану поверх повязки аккуратно повяжи, а лучше — еще и капюшон «горки» сверху накинь. А то демаскируешь нас своими бинтами конкретно!

Про Щорса Толя явно не понял, по лицу вижу, но общий смысл явно уловил.

— Понял, сделаю! А насчет маршрута... Ох, командир, твои бы слова, да богу в уши!

В очередной раз убеждаюсь в справедливости поговорки, гласящей, что разведчика, как и волка — кормят и спасают исключительно ноги. Не зря, ох не зря я и сам бегать начал, и Толю гонял как проклятого. Только благодаря этим пробежкам мы еще и двигаемся: взмокшие, взмыленные, словно загнанные лошади, с хрипом и нитями слюны, повисшими на подбородках, но бежим, а не валяемся обессиленными тушками. Судя по всему, нам опять повезло: противник, похоже, действительно решил, что мы напрямую рванули к Аргунскому КПП. Ну, и хорошо, можете нас там ждать до морковкина заговенья! А мы, как завещал великий Ленин, пойдем другим путем! Одно хреново, Аргунское КПП как точку выхода мы засветили по полной программе, надо искать другие варианты. Ладно, это когда вернемся, с Костылевым и Исмагиловым обсудим. Главное — вернуться.

В ущелье, по которому текла Хулхулау, мы буквально вкатились. Кубарем. Сил стоять вертикально просто не было. Толя на четвереньках пополз к реке — фляги наши давно опустели.

— А ну, стоять, Курсант! Ты что, совсем с ума сошел? Вчерашнюю ночь забыл или думаешь, ты единственный, кто эту речушку вместо туалета использует? Да и вообще, она столько всякой грязи с гор тащит... Только дизентерии твоей мне для полного счастья не хватает!

— Не могу, командир! — хрипит пересохшим голосом напарник. — Просто помру сейчас!

— Тебе, воин, помирать еще приказа не было!!! — приглушенным голосом рявкнул я. — Успокойся, тут рядом родник есть, из него пить точно можно. А пока — просто умойся, голову и шею намочи — легче будет.

Минут через двадцать мы действительно нашли памятный мне родник, напились, поновой наполнили фляги, а я еще и сменил Толе повязку: наспех накрученные им бинты уже начали расползаться, напоминая неряшливую чалму.

— Все, Толя, подъем. Знаю — отдохнуть очень хочется, но нельзя. Пошли!

До Цоцин-Юрта добрались только к закату: уставшие, как сволочи, со сбитыми о камни ногами, Толя вообще здорово ослаб — рана на голове поначалу сильно кровила. Мимо Автуров пробирались с особой осторожностью, и не зря. Село хоть и оказалось брошенным, но сторожевой пост Непримиримых в нем был. На наше счастье — не из «Оборотней», а из бойцов местного тейпа. Службу несли бдительно (еще бы, после всего того «тарарама с блинами», что мы устроили), но опыта все равно не хватило. Проскользнули мы мимо них по

зарослям разросшегося в русле реки орешника, осторожно и аккуратно, ни одна ветка не шелохнулась. Ну, а потом стало совсем просто — по глубокому руслу вышли прямо на окраины Цоцина, добрались до знакомых по началу пути развалин и стали вызывать «эвакуационную группу». Какой там у Сергея позывной-то?

— Кондрат — Чужому, Кондрат — Чужому, прием.

— На связи Кондрат.

— Мы на месте, можно забирать. Только будьте осторожнее.

— Да мы уже в курсе, скоро будем, ждите.

Забрали нас красиво: кроме уже знакомых «буханки» и «Нивы», пришлепала еще, грохоча траками, БМП-«копейка». Вот это я понимаю — почет и уважение.

— Вы там чего натворили? — пытается выпытать у меня подробности рейда Сергей, когда мы уже добрались до КПП и каждый занялся своим делом: я — чаи гоняю, а Толя — в уголке шипит, как помойный котяра: протяжно, с чувством и с жалобными подвываниями — ему здешний санинструктор швы на рассеченную голову накладывает. Хороший шрам вышел, на восемь стежков, удивительно, что совсем скальп не сняло!

— А с чего ты решил, что мы чего-то натворили? — прикидываюсь дурачком я.

— Да ну тебя, — обижается тот. — Да тут с самого утра беготня и суета: говорят, Ханкалинская РЭБ какой-то уж совсем необыкновенный радиоперехват сделала — вся ОВГ на уши встала. По всем КПП вдоль границы с Непримиримыми — усиление. «Броню» пригнали, пехоту, на крупные блоки — по взводу, на мелкие — по два отделения. На самые большие: к нам, в Гудермес и в Пригородное — вообще ОсНаз. Рожи у всех серьезные, бегают как заведенные, а что почем — фиг его знает... Ну, я и решил, что не иначе ваша работа.

— Ну, брат, даже не знаю, что и сказать... Мы вроде как ничего особенного и не сделали... Так, пошалили малость, и то, — я киваю в сторону Толи, которого уже заштопал фельдшер и теперь, обработав шов зеленкой, аккуратно накладывает новую повязку, — сами нарвались. Вон, видишь, младшему моему уже и лоб зеленкой намазали.²¹

В ответ Толя корчит противную физиономию и показывает мне очень неприличный жест, который можно перевести примерно как «не дожدهшься».

— Так что, — будто не заметив хамского поведения подчиненного, продолжаю я, — наверное, просто совпадение.

— Ну-ну, пускай совпадение, — понимающе кивает Сергей. — Не дурак, про военную тайну как-то слышал краем уха.

— Вот и ладушки! — довольно хлопаю я ладонями по коленям. — Значит, тогда поедем мы. Домой пора, правда, Курсант?

— Угу, — соглашается тот, но от кивка воздерживается. Головушка, видимо, все-таки «бо-бо».

— Ну, раз «угу», тогда грузись в машину и поехали.

В Червленной я сразу направился не в «Псарню», а в Комендатуру. Было у меня такое чувство, глубоко внутри, что там нас ждут, ведь о возвращении нашем из Аргуна наверняка сообщили. Не ошибся. И Костылев, и Исмагилов были на месте. Глянув на забинтованную голову и испачканную кровью «горку» Толи, тут же вызвали врача и отправили Курсанта в больницу. На его уверения, что фельдшер в Аргуне уже все сделал, никто внимания не обратил, мол, знаем мы тех фельдшеров... Я только и успел у него фотоаппарат отобрать. Все остальные «вещдоки», включая сумку, снятую с посыльного, все равно у меня в РД лежат.

— Ну, чего встал, как столб, присаживайся! — гостеприимно указывает на мой

²¹ «Намазали лоб зеленкой» (уголовн. жаргон) — приготовили к расстрелу или даже расстреляли.

любимый стул Комендант.

— Да, боюсь, испачкаю, — кокетничаю я.

По правде сказать, большая часть болотной грязи с меня стекла и осыпалась еще на пути к Сержень-Юрту, а оставшуюся я смыл в Хулхулау. А «горка» с тех пор уже и просохнуть успела. Но видок у меня — один черт, совсем непрезентабельный.

— Да ладно, ерунда! Если что стоящего добыл — мыть не заставим, уборщицу позовем.

— Ну, если только! — с фальшивым облегчением соглашаюсь я.

Процесс демонстрации результатов «прогулки» затянулся до глубокой ночи. Сначала я отчитывался по результатам наблюдений, демонстрировал свои наброски и записи, потом переносил результаты на принесенную Исмагиловым «крупномасштабку». Потом рассказал о засаде и причинах, на ее организацию побудивших. Оба офицера в один голос обозвали меня «контуженным идиотом»... Ну, не только, я вообще много нового интересного о себе узнал, словарный запас у господ офицеров оказался богатый. Но когда я вывел на экран ноутбука этой самой засады результаты: сначала первого, а потом и второго этапа, да еще и достал из ранца сумку посыльного... Исмагилов, только заглянув в нее и наскоро пробежав глазами пару листов, уже было собрался мчаться «по неотложным делам». Да, видно, непростая сумочка оказалась! Но удрать я «особисту» не дал, сообщив, что и дальше для него будет кое-что интересное. И действительно, стоило мне начать рассказ о необычайно тактически грамотной группе, в одинаковом камуфляже, что чуть не взяла нас с напарником «к ногтю», он подобрался, словно взявшая след ищейка.

— А какие-нибудь еще особые приметы у них были?

— А то! — с видом доброго Дедушки Мороза я выложил из РД на стол шесть рукавов с необычными шевронами и шесть жетонов с надписями на чеченском.

— Это что ж за новая банда такая объявилась? — изумленно выдохнул Олег. — Ни разу еще таких шевронов не видел.

— Я вообще сомневаюсь, что это банда, товарищ майор.

— Это почему же? — заинтересовался Олег.

— А потому, — тут я вывел на экран сначала фото обезглавленного командира группы, а потом — татуировки у него на плече, — что командиром у них был самый что ни на есть настоящий афронегр, да еще и ветеран United States Marine Corps.²² Что-то сомневаюсь я, что среди Непримиримых таких много... Да еще и с вот таким вот автоматом, — я снова щелкаю по стрелочке ноутбука, одно за другим демонстрируя фото, на которых в разных ракурсах был запечатлен трофейный АКМ, который мне пришлось-таки сдать на входе в Комендатуру.

— Предупреждаю сразу — «обвес» не отдам. Это мой трофей, честно захваченный, а вам и фотографий хватит!

— Ладно, не кипешуй, как в том старом анекдоте: «Твой лось, твой», — хохотнул Костылев. — Это все?

— Э, нет, — делаю хитрую рожу я и достаю из ранца Falcon.

У господ офицеров глаза натурально вылазят из орбит, а челюсти с дробным грохотом рушатся на столешницу.

— Рабочая? — выдыхает Исмагилов.

— А то, разве что гарнитуру оторвало, но это так, мелочи.

— Небось тоже себе оставить хочешь? — с тоской стонет Олег, а в глазах его плещется многовековая скорбь всего великого татарского народа, незаслуженно обижаемого жадными «урысами».

— Ну ты еще заплачь, товарищ майор! — улыбаюсь я. — Да на кой оно мне сдалось? Я со своим-то «Кенвудом» никак до конца не разберусь. А эту — до конца жизни не освою. Да

²² United States Marine Corps — Корпус Морской Пехоты Соединенных Штатов.

и «прошивка», опять же... Так что готов уступить, разумеется, за достойную плату.

— Да кто б сомневался, скотина ты меркантильная! — в голос хохочет Костылев, пока Исмагилов прибирает к рукам внезапно свалившееся на него счастье. — А по деньгам — не обидим, обещаю. Такая, как мне кажется, да еще и полностью исправная, как минимум на сотню золотом «тянет», если не больше. Но это зависит от того, чего там в дополнительном носимом блоке имеется. Короче, в связь передадим, те поглядят и окончательную цену назовут.

— Ешь твою налево! — перебивает Игоря обычно сдержанный и вежливый Исмагилов. — Миша, ты, вообще, в курсе, что ты сегодня сделал?

— Предполагаю, что добыл наконец так нужные вам доказательства оказываемой Турцией военной помощи Непримирым. И это еще не считая радиостанции и содержимого сумки, на которые у тебя, Олежек, аж слюни потекли, как у собачки Павлова. Ну, и немного личное благосостояние поправил... Кстати, господин капитан, мне вот интересно, нам за убиенных «духов» как заплатят? По количеству шевронов или по числу сфотографированных «голов»?

— Ну, ты и циник, Тюкалов! — изумляется Костылев.

— А чего вы хотели, господа?! Наемник — грязный наймит, не брезгующий ничем ради собственной выгоды, — ехидным тоном выдаю я. — Опять же, Курсант вон пострадалши... На компресс бы надо...

— Да ну тебя, клоун! — фыркнув, отмахивается Игорь. — Чудом жив остался, а все туда же — балагурить.

— А ты, Игорек, классиков перечти, из тех, что Великую Отечественную прошли, а потом книги о ней написали: Казакевича там, Васильева... Разведчики всю жизнь такими были. Чего киснуть, если в любую секунду можно ласты склеить? Ну, так и радуйся жизни, пока можешь. Так что там по финансовому вопросу?

— Не переживай, не обидим. Ведомость оформим по количеству заваленных духов. Плюс — за сведения об обороне Ца-Ведено — премия, плюс — за данные об этих «Оборотнях», да и за негрилу этого — тоже. Опять же, по результатам работы с документами из сумки. Короче, помимо денег — сверлите дырки. Как минимум — по «Отваге», а если в сумке что важное — то и по «Георгию». Лично представления писать буду.

— Круто! — присвистываю я.

— Не свисти, денег не будет! — обрывает Костылев. — Не все так хорошо. Разворошили вы это змеиное кубло не слабо, так что надо вам обоим на время исчезнуть. Тут через два дня большой конвой на Ростов идет. Охраны из числа военных, как я считаю, — Комендант заговорщицки подмигивает мне, — в сложившейся обстановке — недостаточно. Мною принято решение о привлечении к этому делу на контрактной основе нескольких наиболее надежных и подготовленных бойцов из отряда Кости Убивца. Намек понят? Чтоб через два дня духу вашего тут не было. Завтра после обеда зайди, и по деньгам вопрос решим, и еще по разным мелочам. Вопросы, жалобы, предложения?!

Я, словно новобранец, подрываюсь со стула и, вытянувшись по стойке «смирно», рапортую:

— Никак нет! Разрешите в ужасе съе...ся?!

— А вот хрен-то там! — суровым голосом отвечает Игорь. — А письменный отчет в трех экземплярах за тебя Пушкин будет писать, Александр Сергеевич?

— Серьезно — в трех? — я с испугом смотрю на свои «Командирские», показывающие уже почти два ночи.

— Нет, насчет трех я пошутил, — улыбается Костылев. — Но отчет все равно нужно написать. Максимально подробный и полный. Обо всем. Сам понимаешь, бюрократия — превыше всего. Все должно быть написано, пронумеровано, подшито к делу, прошнуровано и опечатано. Так что — приступай.

Еще почти два часа спустя я наконец разгибаюсь над столом и откладываю ручку и тоненькую стопку исписанных листов бумаги.

— Все, готово! Ну, теперь-то я могу бежать?

— В ужасе!!! — шутливо рывкает Костылев, и мы дружно хохочем.

Однако смех смехом, а мне и впрямь пора, пойду, отниму у медиков Толяна — и в «Псарню»: баиньки.

По дороге к «Псарне» я тонко намекнул напарнику, что расписывать парням наш героизм во всех подробностях не стоит. Мы теперь, получается, «на службе государевой», а где именно по ходу этой службы начинается «государева тайна» — шайтан его знает. Так что лучше и не рисковать. Сходили почти (тут я кивнул на перебинтованную Толину голову) удачно, задачу выполнили, а что трофеев нет, так уходили на рысях, опять же, и без них денег приподняли достаточно. Ну, а что из свидетельств наших «великих деяний» Убивцу и Четверти отдать, для демонстрации купцам — это уже мне решать. Но, думаю, про «Оборотней» им знать ни к чему. Хватит и фотографий двойной засады. Благо там такая бойня, что непривычного человека и вывернуть может.

В гостинице уже все спали, вышедший на мой настойчивый стук Кузьма недовольно морщился и протирал заспанные глаза пудовыми кулачищами, но, увидев, кого именно «черт принес в такое время», в мгновение ока переменялся.

— Вернулись?! Ну, слава богу! Не зря Зина вчера целый день свечки Николаю-угоднику ставила! А с Толей что?

— Да нормально все, — успокаиваю я хозяина «Псарни». — Царапина, хоть и глубокая. Опять же, ты ж знаешь нашего Анатолия, его безмозглая голова и сквозное ранение переживет без особого вреда организму.

— Да ну тебя, командир! — бурчит Толя, протискиваясь мимо меня в трактир. — Кузьма, а у тебя с вечера покушать ничего не осталось?

— Как всегда! — улыбаюсь я. — Кто про что, а наш «желудок» — про жратву! А кто по дороге в Червленную в машине все мясо сточил?

— Да чего там было-то, этого мяса? — почти искренне возмущается Курсант.

— Ладно вам, мужики, — обрывает наш спор Четверть. — Сейчас соображу вам по-быстрому. Картошечки, там, отварю, котлеток пожарю, как раз на завтрашний обед фарш готов — весь вечер с Зинулей крутили... А хотите, так просто яишенки с колбасой сгоношу? И молока?

— Нет, — отрицательно мотаю головой я. — Толе лучше чаю горячего, с сахаром или с вареньем. Есть варенье?

— А то, — даже обижается трактирщик. — Айвовое, персиковое, черешневое, яблочное...

— Тогда — которое послаще. Ему сейчас гемоглобин повышать надо. Рана у Толяна хоть и фуфловая, но крови он потерял многовато..

— Ну, вот и ладно! Давайте, парни, проходите, садитесь, а я быстренько, — суется Кузьма выглядел очень необычно, но не смешно, а как-то... Даже не знаю... Будто отец, дождавшийся наконец долго плутавших где-то сыновей... Хороший он все-таки мужик!

Пока Четверть гремел сковородками на кухне, мы с Толей сели обсуждать результаты нашей вылазки.

— Гляди, Толя, расклад у нас такой: сначала мы привалили курьера и десять бойцов конвоя, итого одиннадцать. Потом — трое верховых из Ведено и восемь человек на «Нивах» из Ца-Ведено. Это уже двадцать два. Да шестеро «Оборотней». Всего выходит — двадцать восемь. Это по самой скромной ставке — пять монет золотом и тридцать серебром. За американскую станцию нам Комендант минимум сотню золотом обещал — это вообще деньги бешеные. Да плюс премия за документы и план обороны Ца-Ведено... Опять же, надеюсь, за «Оборотней», а особенно за командира их, накинута побольше, чем за обыкновенных боевиков... Так что, чувствую, нищими мы себя в ближайшее время чувствовать не будем. Скорее наоборот, надо будет выдумывать, куда деньги девать.

— А чего там думать? — беспечно отмахивается Толя. — Оставить немного на житье-

быть, а остальное — в Моздок отвезти да в банк положить, под проценты. И нехай капают, на старость.

Вот ты ж, блин, опять я чуть не пролетел! А ведь полтора месяца тут живу, но на мелочах всяких продолжаю прокалываться, как пацан. Казалось бы, ну чего проще: есть лишние деньги — неси в банк. Но здесь за все время я ни одного банка не увидел и как-то подсознательно их вообще из реалий здешней жизни вычеркнул. И совершенно напрасно.

— И что, действительно на пенсию откладывать собрался?

— Не, — смущается напарник. — У меня просто семья в Ростове: мама, две сестренки младшие. Батя-то еще в Крыму погиб. Им, конечно, пенсию за него платят, да и маманя работает пока, на «Сельмаше». Но все равно — денег мало. Сам понимаешь, две девки когда растут — это как в яму деньги выкидывать... Вот, думаю, подзаработать да им помочь.

— Ну, что ж, дело хорошее, правильное, — одобрительно киваю я. — Слушай, Толя, у меня к тебе дело важное есть... По поводу шмота убитого тобой негра...

— Нож не отдам, даже и не уговаривай! — мгновенно реагирует Толя и даже забинтованной головой начинает трясти отрицательно, но сразу же кривится от боли.

Тут я вспомнил, как Курсант замирал перед витриной с ножами в лавке Старосельцева, какое у него при этом было лицо, и чуть не заржал в голос. Да уж, Ка-Бар у этого ножевого маньяка только у мертвого отнимут!

— Не, Толь, я про автомат, вернее, про все те «приблуды», что на него понавешаны. Вот хочешь — верь, хочешь — нет, но этот чертов комплект «обвеса» — можно сказать, хрустальная мечта боевой юности...

— Так и забирай! — великодушно машет рукой Анатолий, сообразивший, что я не посягаю на его Ка-Бар. — Но тогда по снаряге я тебе ничего не должен, лады? Думаю, весь этот «пластик» хороших денег стоит.

— Идет, напарник. Значит — в расчете!

Тут Кузьма притащил с кухни на большом деревянном подносе тяжеленную чугунную сковороду со шкворчащей и хлопающей пузырьками яичницей с копченой колбасой, несколько здоровенных ломтей черного хлеба, открытую солонку и большой пучок зеленого лука. И нам сразу стало не до разговоров.

— Рубайте, хлопчики! — в этот момент Четверть еще больше стал похож на любящего и заботливого отца. — А я сейчас еще молочка и чаю с вареньем принесу. Приятного аппетита.

— Мугум! — в один голос ответили мы. Ну, да, с набитым ртом произнести что-либо более членораздельное точно не получилось бы.

Проснулся я только к обеду. Хотя почему «только»? Учитывая, что легли мы ближе к утру, то я проспал скорее мало, чем много. Толю беспокоить не стал, пусть отсыпается, сил набирается. Он же организм молодой, растущий... Пострадавший, опять же. А я — старенький, мне от жизни уже много и не надо, как там у классика: «Я уже скромнее стал в желаньях...» Ну, да, желаний мало, а вот дел — выше горла. Первым делом я сходил вниз и пообедал. Котлеты действительно удались, не зря Кузьма с Зиной вчера весь вечер фарш крутили. Потом я снова поднялся к себе и при помощи мультитула сноровисто «ободрал» трофейный АКМ, а потом с нескрываемым удовольствием стал переставлять «обвес» на свой «сто третий». Ей-ей, не соврал я Толе ни на грамм: на самом деле мечтал о таком с тех пор, как случайно увидел в Интернете фотографии бойцов то ли «Блеквотера», то ли «Ириниса»²³ в Ираке. Это была любовь с первого взгляда. Но, к сожалению — безответная. Привезенный в Россию полный комплект «обвеса» с оптикой и коллиматором стоил примерно три-четыре мои месячные зарплаты. Вырвать такой кусок из своего бюджета я был

²³ «Блеквотер», «Иринис» — частные военные компании, фактически — небольшие армии, состоящие целиком из наемников, выполняющих боевые задачи по контракту с государствами, крупными корпорациями и даже частными лицами.

не готов. Так и оставалась мечта мечтою вплоть до вчерашнего дня. Нет, все-таки я, определенно, везунчик!

Закончив с автоматом, я запрыгнул в УАЗ и направился в Комендатуру. Финансовые вопросы — это очень серьезно, их на потом откладывать никогда не стоит.

— А вот и он! — с улыбкой приветствовал меня Игорь. — Небось прямо из койки за деньгами прискакал? Умыться-то хоть успел?

— Обижаешь! Еще и поел, и немного по хозяйству позанимался...

— Это какое ж у тебя хозяйство?! У тебя ж, кроме оружия да машины, и нету ничего... Голодранец, блин, а еще в зятя набивается.

— Вот по тому хозяйству, что есть, по тому и занимался. А за голодранца ты, господин капитан, мог бы свободно и в табло ухватить. Одно останавливает: будущего тестя метелить как-то неудобно, совесть не позволяет.

— Славно поговорили, — хохотнул Костылев. — По-семейному... Ладно, шутки в сторону, присаживайся и слушай.

— Весь внимание! — отрапортовал я, приземлившись на свой любимый стул.

Ну, если вкратце, то сложилось для нас с Толей все более чем удачно. Снятый с американского инструктора Falcon связисты из СБ оценили аж в сто двадцать золотых и еще с утра под усиленной охраной увезли его в Ханкалу в службу РЭБ. Ну, как говорится, бог в помощь, лишь бы на пользу. За боевиков, уничтоженных нами на мосту у Ца-Ведено, премию нам начислили по стандартному тарифу, за пятерых «Оборотней» — по двойному, а за чернокожего инструктора выдали аж два рубля золотом. Да уж, похоже, американские морпехи в этом сезоне дороги! За схему укреплений премия вышла по одному золотому на брата. А за сумку, снятую с курьера, нам пока вообще ничего не дали. Олег сразу же, еще ночью, увез ее в Ханкалу, и пока от него — ни слуху ни духу. Да и ладно, нам не к спеху. И без того сумма получилась какая-то малореальная — сто тридцать рублей золотом и двадцать — серебром. Охренеть!

— Ну, что, господин капитан? И кто теперь голодранец? — подпустил ехидную шпильку я.

— Не пуши хвост, павлин! Тебе эти деньги еще с напарником делить. Кстати, деньги как получать будешь? Лично мне кажется, что такую кучу золота в мешке таскать — не совсем разумно.

— А какие есть варианты?

— Ну, это зависит от того, что ты с этими деньгами делать думаешь.

— Да мы с Толей, собственно, подумывали большую часть в банк положить, когда в Моздоке будем.

— Тогда советую взять немного наличкой, а остальное — чеками государственного банка. Их в любом банке Югороссии и на наличные разменяют, и в качестве вклада примут. Удобно.

Я прикинул, сколько у нас с Курсантом денег осталось после предыдущей «прогулки». Результат меня вполне удовлетворил. Правда, нам еще в Ростов ехать. А там «Псарни» нет и кормить-поить бесплатно никто не будет, да и за жилье платить придется. Хотя, может, и не придется, если у Курсанта дома остановимся... Но в любом случае готовым надо быть ко всему.

— Тогда, Игорек, давай сделаем так: сто золотых возьму двумя чеками по пятьдесят, их-то мы в банк и положим. А остальное — давай «налом». Нам ехать далеко, расходы предстоят немалые.

— Это верно, потому как назад вам можно будет не раньше, чем к Новому году, пускай тут все это вами поднятое «бурление говн» малость уляжется. Ладно, с этим решили, сейчас в финчасть спустимся, все получишь. Но это еще не все, вот, держи.

С этими словами Игорь выложил на стол две темно-бордовые книжицы с золотым тиснением «Служба Безопасности Югороссийской Республики» и гербом. По очереди открыв обе, я узнаю, что отныне являюсь лейтенантом СБ в должности старшего

оперуполномоченного Управления по борьбе с терроризмом по Терскому Фронту, а вот Толя теперь — младший опер и сержант. А еще я вдруг выяснил, что у напарника моего есть отчество — Андреевич, и фамилия — Коломийцев. Вот так и бывает, уже полтора месяца общаемся, а все по имени да по позывному... В оба удостоверения вклеены наши фотографии в черной форме и при погонах.

— А вот этого я не понял! Что за на фиг?!

— Понимаешь, Миша, это тут, на Терском Фронте, да еще, разве, на северных границах наемники — уважаемые люди. А в столице — чуть ли не бандиты, хоть и в законе.

— Ага, «федеральное бандформирование», — заржал я, вспомнив похожую историю времен Второй чеченской кампании.²⁴

— Угу, типа того. А с этими ксивами вы — крутые, словно вареные яйца, опера с Терского Фронта. Имеющие, к слову, право свободного ношения, а в случае необходимости — и применения огнестрельного оружия. Не хухры-мухры. Кроме того, если вы наемники, так и зарабатывайте, чем можете, а если сотрудники СБ в служебной командировке — это и оклад, и командировочные. Правда, работать придется, но мы вас как инструкторов по боевой и физической подготовке проведем, так что — ничего сложного. Продолжите ваши с Толиком тренировки, но в компании тамошних сотрудников СБ. Опять же, в столице про здешние края всякие страшные истории ходят, так что наших там уважают и немного побаиваются. Совсем борзеть я вам, конечно, не советую, но и прогибаться под тамошних не нужно. Ведите себя достойно и со всеми на равных, даже с подполковниками-полковниками. Они — штафирки тыловые, а вы — крутые бойцы, только что с передовой. Ясно?

— А то!

Блин, а вот такой подход к вопросу меня откровенно радует. Непонятно только, откуда они наши с Толей фотографии достали, да еще и в здешней форме? Задаю Игорю этот вопрос.

— Ну, ты даешь, пришелец из прошлого! — удивленно мотает головой тот. — А что, у вас про программу «Фотошоп» не слыхали? Твое фото взяли из личного дела, напарника твоего — из паспорта, он ведь его на регистрацию сдавал, когда только-только сюда из Ростова приехал, мы и отсканировали. Стандартная практика. Ну а форму с нужными погонями в «Фотошопе» подставили. И все...

— Хм, что-то я, и правда, туплю последнее время. Тогда еще вопрос: до Ростова путь неблизкий, как насчет УАЗ наш заправить?

— Ой, как же ты мне надоел со жлобством своим, Тюкалов! Да заправят твой агрегат, успокойся. И по дороге дозаправлять будут, он же включен в состав конвоя колонны. А вот по Ростову кататься будешь за свои кровные.

— Ладно, и на том спасибо! А заправлять где?

— Послезавтра в пять утра, при формировании колонны, в гараже заправишь. Семеныча не забыл еще? Вот с ним все и порешаешь.

— Ну, если больше ничего нет, — я встаю со стула, — то побегу. Времени на сборы все меньше, а дел еще полно.

— Ну, давай, беги... Да, кстати, наградные на вас обоих я сегодня утром в Ханкалу отправил. На «Георгиев». Можно было, конечно, и по «Мужеству» попробовать, но их в Ростове утверждают. А «Святой Георгий» — это наш орден, казачий, его правами Генерал-Губернатора дают. Так что, думаю, недельки через две-три — утвердят.

— А что, кроме Терского Фронта, «Георгием» нигде не награждают?

— Нет, не положено им, могут, конечно, наградить и ненашенского, но — только за подвиг, совершенный на территории Фронта, и только приказом Генерал-Губернатора. Так что награда эта довольно редкая и очень уважаемая. Не посрамите!

²⁴ Абсолютно реальный случай: командир одного из свежесформированных подразделений гантамировского ополчения в 1999 году bravо доложил перед строем то ли Шаманову, то ли Трошеву: «Федеральное законное бандформирование построено!» Бывает, занесло мужика, зарпортовался.

Я вскакиваю, принимаю образцовую строевую стойку и совершенно серьезно отвечаю:

— Есть!

— Ладно, завязывай во фрунт тянуться, верю. — Костылев явно доволен произведенным эффектом. — Пошли к нашим «финикам», деньги заберешь... Да, чуть не забыл! Обязательно по комплекту формы себе оборудуйте, и летней, и зимней. Чтоб шеврон, погоны — все как надо. Это тут вы ходите, в чем попало, а в столице придется соответствовать.

— Ладно, — тяжело вздохнул я. — Вот так и знал, что каким-нибудь подвохом все закончится!

Из Комендатуры я завернул к Сергею Сергеевичу в «Ратник».

— О, Михаил! А вот и вы, — оружейник, как всегда, лучится радушием. Нет, с таким внешним видом и характером надо не автоматами-пистолетами, а мороженым торговать, ей-богу!

— День добрый, Сергей Сергеич. Ну, что, порадуете меня чем-нибудь? А то скоро покину я вас, надолго...

— Вот это плохо! — серьезно отвечает тот. — Такого поставщика терять — убыток магазину. Но раз такое дело... Принимайте свой заказ.

С этими словами хозяин «Ратника» выложил на прилавок ПБС и пять стандартных пачек автоматных патронов 7.62 по двадцать штук в каждой.

— За глушитель — золотой. За патроны — по пятнадцать серебром за пачку.

Однако! За золотой рубль в этом же магазине можно новый «семьдесят четвертый» приобрести. А обычные 7.62x39 — пять рублей за пачку стоят. Вот она, монополия в самом страшном ее проявлении! Но, судя по лицу продавца, «торг тут неуместен». Значит — будем брать!

— Послушайте, Сергей Сергеич, ну, может, хоть сейчас-то откройте тайну: где ж вы все это раздобыли? — интересуюсь я, выложив требуемую сумму на прилавок.

— Да ради бога, Миша... Сам корпус ПБС-1 я раздобыл у одного знакомого кладовщика из Ханкалы. Он у него лет уже десять валялся в сейфе: на фиг не нужен, но выкинуть — жалко. Мой мастер, Валерий Борисович, я вам о нем рассказывал, его вычистил, заново заворонил, словом, привел в порядок. Образец обтюратора он тоже сам сделал, аккуратно, вручную.

А уже по этому лекалу мне ребята из Моздока, есть там одна фирмочка — занимается фигурным литьем по пластику и резине, таких наделали целую кучу. Сложнее всего было с патронами, тут Борисычу снова помозговать пришлось... Но справился. Пулю взял от патрона 7.62x54, винтовочного, благо там номенклатура обширная, есть из чего выбирать. Выбрал самую подходящую по весу — почти двенадцать грамм, новую навеску пороха сам определил, и вот результат! Даже не сомневайтесь, молодой человек, работает как часики, я непроверенный товар покупателю втюхивать не стану! Но если сомневаетесь, вот, возьмите еще одну пачку бесплатно, на стрельбище сходите, отстреляете. Не понравится — все назад заберу и деньги верну. Идет?

— Ну, даже не знаю, Сергей Сергеич, не то чтобы я вам не доверял. Но все ж таки не носовой платок покупаю. От этого моя жизнь может зависеть. Поэтому — не откажусь!

Забрав еще одну пачку патронов, еще раз поблагодарив продавца и попросив передать благодарность загадочному Валерию Борисовичу, которого ни разу не видел, я прямиком рванул сперва к Карташову — договориться об использовании стрельбища, а потом и на само стрельбище. А по дороге, крутя «баранку», внезапно сообразил, что только что своими руками подарил милейшему Сергею Сергеевичу еще одну статью доходов: технология изготовления обтюраторов и патронов УС уже отработана, а сам корпус ПБС — так это просто металлическая труба... Ну, может, не совсем простая труба, с небольшими «изгибистостями»... Но любой толковый слесарь в своей мастерской такие клепать на раз-два сможет. Чует мое сердце, через месяц, а то и раньше в «Ратнике» можно будет купить ПБС на любой автомат.

Приехав на стрельбище и отстреляв три десятка патронов, сначала одиночными, потом — короткими очередями, остался вполне доволен. Разумеется, полной бесшумности не было. Так ее и у штатных-то глушителей никогда особенно не наблюдалось. Даже всем известная «бесшумная» ВСС «Винторез» при выстреле издает звук, по громкости сравнимый с хлопком пробки шампанского. А ведь над ней целая толпа специалистов работала. А тут — кустарь-самоучка... Чуть ли не на коленке... А результат, в общем-то, тот же. А, как известно, если разницы нет, то зачем платить больше?

А оставшихся патронов мне как раз хватит на три магазина. Буду их отдельно от остальных носить, не в подсумках, а в «мародерке», чтобы, если что, не перепутать случайно. Кстати, к вопросу о птицах, под ПБС надо бы тоже какой-нибудь чехол найти. Не в кармане же его таскать? Значит, надо ехать к Старосельцеву.

Тимофей Владимирович встретил меня, как всегда, радушно. А вот Оксана, едва увидев в дверях, фыркнула и, резко развернувшись, исчезла в подсобке.

— Обиделась... — только и развел руками старик.

— Ну, старина, извини! Я не только ничего не обещал, но и поползновений никаких не делал. А уж чего она сама там себе навывдумывала — так я в этом не виноват. Опять же, ну, маленькая она для меня, ей-богу!

— А Настя, значит, не маленькая? — ехидно интересуется вредный дед.

— Насте скоро двадцать, а Оксанке давно ли шестнадцать стукнуло?

Возразить Старосельцеву нечего, и он только разводит руками.

— А этот, Толька твой, что за человек?

Вот, блин, такого вопроса я точно не ожидал, даже растерялся.

— Да как тебе сказать. Нормальный мальчишка, хоть и шалопай. И Оксана ему вроде как нравится. Но я его предупредил: не дай боже что — придавлю, как кутенка, своими руками.

В ответ Владимирыч только кивнул, но явно какую-то там себе зарубочку на память поставил.

— Ладно, Мишань, чего купить-то хотел? Ты ж теперь вроде экипированный аж по самые ноздри?

Нет, я возможностям и осведомленности «сарафанного радио» удивляться не перестану, наверное, никогда!

— Да вот под такую вот «трубу», — я достал из глубокого кармана брюк «горки» ПБС, — надо чехольчик подобрать на РПС. Цвет — «олива».

— Да помню я твою «систему», чай не склеротик еще! — сварливо отзывается дед Тимоха. — Так, погоди, что-то похожее у меня было.

С тихим бубнением он закапывается куда-то под прилавок и через пару минут выныривает из таинственных недр с каким-то подсумком в руках.

— Вот, Миша, глянь. Это из комплекта для стационарной охраны объектов... Для ВОХРа, короче, поясной подсумок для большого фонаря. Ну-ка, примерим...

Да уж, вот что называется «глаз-алмаз»: глушитель вошел в чехол почти как влитой, ну, может, самую малость внутри болтался. Но люфт точно не больше пары сантиметров был, так это, наоборот, хорошо — вынимать удобнее будет. Зато по длине — просто идеально.

— Ага, — удовлетворенно улыбается Старосельцев, — как под него шился! А где ж ты такой игрушкой разжился-то, Мишаня? Я таких, считай, года с двадцать пятого, наверное, и не видал.

— Ничего, Тимофей Владимирович, думаю, скоро еще увидишь.

Отдав три серебряных рубля за подсумок и распрощавшись со Старосельцевым, выдвигаюсь к конечной точке своего сегодняшнего маршрута — гаражу Комендатуры. Там у меня дело было самое что ни на есть шкурное — максимально подготовить свой горячо любимый УАЗ к любым возможным в пути неожиданностям и неприятностям. Разговор со старшим техником у нас вышел долгий и обстоятельный. Если вам когда-нибудь расскажут об армейском зампотехе или старшем технике, у которого где-нибудь в далеких закутках

склада не притырены «лишние», нигде не числящиеся ЗИПы, запчасти, инструменты, бочки с горючим и прочие железяки, которые он по своему желанию и для своей выгоды может использовать в любой момент, — не верьте. Таких просто нет. Но при этом есть две разновидности этих граждан — хорошие и плохие специалисты. У плохих все это — банально своровано и первая же непьющая и не берущая на лапу ревизия такого деятеля возьмет за цугундер и отправит под суд за хищение и превышение полномочий. У хороших — вся отчетность будет бить копейка в копейку, литр в литр, грамм в грамм, но излишки все равно будут. По волшебству, наверное... Степаныч явно относился к числу хороших специалистов. Плохого, учитывая специфику Терского Фронта, давно не то чтобы посадили, а скорее просто расстреляли бы. Степаныч же умудрялся и гараж, и всю вверенную ему технику содержать в образцовом порядке, и все команды и приказы командования выполнять точно и в срок, но и себя не забывал. Что лично мне было весьма на руку. Гараж я покинул пешком и «облегченным» на две золотые монеты. Зато к завтрашнему вечеру на моей «ласточке» гарантированно появятся бронированные вставки в полу, дверях и спинках сидений, ячейки с четырьмя патронными коробами-«двухсотками» к ПК под задним сиденьем, так, чисто на всякий случай (правда, без пулеметных лент и патронов, но это уже из другой оперы). А в «собачнике», борта которого тоже будут изнутри обшиты тонкими бронелистами, сделают крепления для четырех запасных двадцатилитровых канистр под бензин (канистры в комплект входят, а вот за бензин придется доплатить отдельно). Нет, приятно все-таки иметь дело с профессионалом!

А солнце меж тем уже уверенно клонилось к закату. К счастью, дел у меня почти не осталось. Разве что, вернувшись в «Псарню», отыскать там Убивца и передать ему флешку от фотоаппарата, предварительно удалив с нее фотографии «Оборотней» и их чернокожего командира-инструктора. Это купцам видеть точно ни к чему. А Исмагилов на свой ноутбук эти фото все равно еще прошлой ночью скопировал. Так что у кого надо, снимки уже есть, а мне они не сильно-то и нужны, не такая уж «добрая» это память. Все вышеозначенное я и сделал сразу после возвращения в гостиницу, которую уже давно про себя называю домом. Костя поблагодарил и пообещал вернуть флеш-карту уже завтра утром. Оказывается, он уже успел договориться о встрече с «заинтересованными лицами» утром, пока я отсыпался после трудов праведных, и сегодня поздно вечером они собираются в доме одного из купцов.

— Со мною прогуляться не хочешь? — предлагает Костя.

— Нет, ни к чему это. Им не моя рожа нужна, а результаты нашей, заметь, именно нашей, а не моей деятельности. Все это вытворяют не конкретные Миша и Толя, а героические парни из твоего отряда. А которые именно — неважно. У тебя все на такое способны. Просекаешь?

— А то! — соглашается тот. — Ведь нанимать-то, ежели что, тоже весь отряд будут, ну, на крайняк, его часть, а не просто двух отморожков.

— Вот именно. Опять же, ты в курсе, что нас с Толей Костылев с Исмагиловым отсель убирают на пару месяцев от греха? А то уж больно нездоровые шевеления вокруг наших персон начались.

— Да в курсе. Комендант звонил пару часов назад Кузьме, а тот мне рассказал. Обидно, с одной стороны, но в целом — правильно. Опять же, еще недели две, и в горах вам все равно делать будет нечего. А дел вы таких наворочали, что этого «имиджу» нам, думаю, до весны за глаза хватит. Сегодня-то кадры стоящие?

— Угу, — хохотнул я. — На всякий случай пару ведерок или тазиков в совещательной комнате приготовь, для особо впечатлительных, чтоб ковры не портить...

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Просто разделочный цех на скотобойне. Ей-богу, не хотели, само получилось!

— Нью-нью, — скептически хмыкнул Убивец. — Так я и поверил... Белые и пушистые Миша с Толей... Ха-ха три раза. Ладно, спасибо за флешку, побежал я. А ты на ужин топай живее. Сегодня бараньи ребрышки, остынут — не такие вкусные будут.

Перекусив вместе с уже проснувшимся и приведшим себя в порядок напарником и впрямь чудо какими вкусными бараньими ребрышками с острым соусом, я оставил Толю в компании Шурупа, Коваля и нескольких кружек пива, а сам двинулся на задний двор, чистить автомат. Мой вчерашний инструктаж Толик явно понял и за ужином на вопросы наемников о прошедшей операции отвечал охотно, с шутками-прибаутками, но без особой конкретики. Да, сходили удачно, повоевали малость, а трофеев не принесли, потому как задача другая была. А за ее выполнение деньги платят, вот и не стали лишнего жадничать. Молодец, парень, учиться не болтать больше, чем необходимо.

А когда на улице уже совсем стемнело, я пошел в гости. К кому, думаю, объяснять не надо. Солнце мое голубоглазое сейчас мне и так наверняка разгон устроит за то, что я уже сутки как вернулся, а к ней только зашел. Ну, да ладно, от нее я и не такое с радостью стерплю!

Ошибиться в предположениях было неожиданно приятно. Никаких упреков, никаких претензий, просто прижалась ко мне ласково, а на враз ставшие какими-то путанными и неубедительными объяснения о множестве самых разных и срочных дел, на которые и ушел весь день, только молча кивнула. Вот что значит — дочь боевого офицера! Все понимает. Повезло мне с ней, ох, повезло! А потом мы снова сидели обнявшись в беседке, ее голова доверчиво лежала у меня на плече, и говорили о чем-то, не помню толком о чем, но на душе от этого разговора становилось светло и радостно. Как же мне хорошо рядом с ней!

— А ты правда скоро уедешь? — спросила вдруг она.

— Отец сказал? Да, малыш, придется, хоть и очень не хочется. Но сама понимаешь — служба военная, она такая...

— Так ведь ты невоенный.

— А вот это, солнышко мое, вопрос очень сложный. С одной стороны — наемник, а с другой, — тут я демонстрирую ей служебное удостоверение, которое специально таскаю в кармане, чтобы слегка пообтрепалось и не выглядело слишком новым, — ажно цельный лейтенант СБ, «страшный опер» по борьбе с терроризмом... Вот так вот...

— И надолго? — в голосе Насти слышна нешуточная грусть.

— К Новому году вернусь точно. Так что можешь смело заказывать новогодний подарок! Чего желаешь?

— Ой, ну ты спросил! А чего еще может желать Настенька из дальних стран? Разумеется — цветочек аленький.

— Э, нет, не пойдет! — грозно восклицаю я. — К тем цветочкам обычно в нагрузку идут всякие неведомые чудища, в которых Настеньки вечно влюбляются. Нет! Я конкурентов не потерплю!

— Глупый, — смеется она своим дивным смехом и нежно целует меня в ухо. — Чудище у меня уже есть. А вот цветочка к нему почему-то не прилагалось. Непорядок!

— Понял, — киваю я. — Будем устранять недостатки и восстанавливать комплектность!

Думаю, так бы и сидели мы вдвоем до поздней ночи несмотря на довольно прохладную погоду, но тут вышел из дома Игорь и разрушил нашу идиллию. Негодяйская он все-таки рожа!

Следующий день у нас с Курсантом был посвящен хозяйственным заботам: мы приводили себя в порядок перед поездкой. Сначала я вручил ему удостоверение.

— И что это все значит? — удивленно пялится в ксиву он.

— Это значит — добро пожаловать в органы, сынок! В Ростов мы с тобой едем не непонятными, а потому подозрительными «вольными стрелками», а вполне уважаемыми операми СБ. Крутыми, вооруженными и очень опасными. Да еще и получающими заработную плату и командировочные. Или ты думаешь, все два месяца у матери на шее сидеть?

Услышав про зарплату, Толик мгновенно смирился со скоропалительным зачислением

«в ряды» и даже повеселел. А я наконец выбрал время и дошел до местной парикмахерской, где подстригся под самую короткую насадку, оставив от отросшего за полтора месяца и ставшего довольно неопрятным «ежика» ровно два миллиметра растительности. Толяну легче, он свой череп каждые двое суток опасной бритвой до зеркального блеска полирует, Котовский, блин. Я пока не настолько крут. Бриться «опаской», периодически правя ее на кожаном ремне, уже пробую потихоньку, ведь жиллетовские лезвия, что у меня с собой в «мыльнорыльных» были, — не вечны, а готовиться нужно заранее. Так что лицо побрить, отделившись всего двумя-тремя порезами, я уже вполне в состоянии, но вот чтоб самому себе голову скоблить — нет уж, увольте! Я лучше парикмахеру денег отдам, не обеднею.

Потом, решив не озадачивать всякой ерундой Зину, мы выклянчили у нее две лохани, две одежные щетки и большой кусок вонючего, зато ядреного хозяйственного мыла. Со всем этим «богатством» ушли на задний двор, где и устроили грандиозную постирушку, отстирав от въевшейся грязи, копоты и пороховой гари и «горки», и РПС, и ранцы, и вообще все, что в тот момент под руку подвернулось. Потом, развесив вещи на веревках, снова пошли к Зинаиде, на этот раз за утюгом и гладильной доской. Правда, когда я выяснил, что электрического утюга у хозяйки «Псарни» нет, а есть только древнее чугунное чудовище на углях, то не стал рисковать и попросил ее отгладить выданные нам на складе черные прыжковые костюмы. А пока она занималась с нашей «формой номер четыре», мы с Толей дружно пришивали шевроны и крепили погоны на «форму номер пять».²⁵ А когда Зина принесла отутюженные костюмы, то повторили процедуру и с ними.

Потом я учил Толю правильно «отбивать» береты, чтобы они выглядели головными уборами бойцов спецназа, а не непонятной формы тряпками, зачем-то натянутыми на голову.

Хорошо еще, что выданные нам на складе береты были так называемыми «формованными», без швов. Если б они оказались такими, как раньше выдавали в Российской армии, то их пришлось бы еще и ушивать, уж больно были огромные и уродливые. А тут обошлись «малой кровью» — всего-то пару часов просидели голыми по пояс (чтоб одежду не мочить), в сырых беретах, с которых вода так и текла, на головах, ожидая, пока «изделие» окончательно высохнет, сохранив приданную ему форму. Зато результат был — просто загляденье! Не стыдно будет в люди выйти!

— Блин, напарник, — вдруг хлопнул себя ладонью по лбу я. — Ну, ладно я вчера закрутился-завертелся и забыл, но ты-то сам чего молчишь?!

С этими словами я выкладываю на стол пятнадцать золотых, десять серебряных рублей и банковский чек. У Толи при виде суммы удивленно ползут вверх брови.

— Вот, брат, твоя половина премии. И не надо удивляться, нам за одну только америкосовскую рацию сто двадцать золотых отвалили. Это, кстати, еще не все — за сумку с документами пока ничего не дали. Обещали позже, когда выяснят, насколько там ценные сведения были. Кроме того, друг мой, мы с тобой без пяти минут, хотя скорее — без двух недель, кавалеры ордена «Святого Георгия Победоносца». Так что поздравляю, будешь там гулять по набережной Дона весь из себя Георгиевский кавалер, гроза женских сердец.

— Да ну тебя, — смущенно отзывается Толя, но по его простодушному лицу видно, что новость о награде ошеломила парня не меньше, чем куча денег в качестве премиальных.

— Так, ладно, подбери челюсть и деньги и пошли дальше готовиться.

— А чего делать-то будем?

— Для начала надо проверить, как там поживает наш трофейный пулемет, потом переснарядить ленты для него так, чтобы вышло четыре по двести патронов, но перед тем как ты этим займешься, сбегай к Убивцу, попроси у него взаймы еще ленту на сотню, с патронами. Вернемся — отдадим.

²⁵ «Форма номер четыре» — уставной летний комплект форменного армейского оборудования. «Форма номер пять» — уставной зимний комплект форменного армейского оборудования.

— Блин, Миша, почти «штуцер»²⁶ патронов только для ПК! Мы с тобой что, на войну едем?

— Дружище, на нас с тобою начали охоту такие зверюги, что тебе, молодому-неопытному, лучше даже и не знать, что такие монстры и на свете-то бывают. Но мы мало того, что о них узнали, мы им крепко напинали задницу. И теперь они хотят отомстить. И пока хоть один из них жив или пока живы мы, война уже не прекратится. Будь к этому готов. Так что ты пока разберись с пулеметом и патронами к нему, а я мотанусь в Комендатуру, пару цинков автоматных патронов прихвачу, пистолетных патронов коробки по две, ВОГов у нас своих еще полцинка, ручных гранат по десятку на нос. Мины брать не будем, это уже явно лишнее.

— Да уж, — заржав, согласился Толя. — Противопехотная МОН-50 на Большой Садовой²⁷ явно будет выглядеть неуместно! Ладно, пойду у Кости ленту поклянчу. Коробку просить?

— Нет, Толь, патронный короб-«сотка» у нас есть, только лента нужна и патроны. А как с этим закончим — будем вещи собирать. Всякие там майки-футболки-трусы-портянки, «мыльнорыльные», короче, личные вещи из расчета на пару месяцев «автономки». Ну, не совсем «автономки», конечно, если припрет — можно будет что-то и в Ростове купить. Но, как мне кажется, глупо будет тратить там деньги на то, что отсюда можно забрать бесплатно. Ладно, давай сперва сходим, пообедаем, а потом — каждый по своей программе.

Перекусив чем бог послал, я отправил Толю к Убивцу, а сам двинул к Степанычу в гараж, забирать УАЗ.

Пожилой старший техник сделал все, как и обещал, в лучшем виде. Дополнительные бронелисты были аккуратно приклепаны, канистры в «собачнике» — закреплены в простеньких, но надежных держателях: не трясутся, не болтаются, но достаются легко. И ячейки под патронные короба сделаны толково — даже если понадобится снять турель и поставить на место заднее сиденье, они мешаться не будут.

— Только предупреждаю сразу, — говорит мне Семеныч, — машина стала почти на двести пятьдесят килограммов тяжелее и жрать будет литров двадцать на сотню, не меньше, хотя движок у тебя тут что надо, и регулировал его мастер — золотые руки. Но ничего не поделаешь... Зато дополнительная защита и увеличенный запас хода.

— Да ладно, что ж я, по-твоему, ничего не понимаю? — отвечаю я. — За все надо платить. И за дополнительные удобства тоже.

— Ну, вот и хорошо, раз понимаешь! — оживляется тот. — Я вот тут еще что сказать хотел: пока работал, запустил нос в твой ЗИП...

— Погоди, — удивляюсь я, — а чего ты там не видел? Ты ж мне его сам выдавал!

— Так-то оно так, да только выдавал я то, что было приказано. А сейчас предлагаю то, что тебе на самом деле понадобится может.

— И что же это? — во мне проснулся искренний интерес — похоже, ушлый дед хочет предложить мне что-то стоящее.

— А сам погляди. Насос ножной я тебе выдал? Выдал! Новый, чин-чинарем. А вот сколько ты им такое колесище накачивать будешь, ты подумал? Это ж не велосипед, блин! Тут компрессор автомобильный нужен! В прикуриватель воткнул, и стой себе, семечки грызи — шелухой поплеывай... Или домкрат. Ты что, серьезно собираешься стандартным домкратом своего лифтованного монстра приподымать? Как соберешься — меня позвать не забудь, я поржать приду, а то цирк шапито не заезжал давно...

— Ладно тебе, хорош глумиться, — притормаживаю я развеселившегося старшего техника. — Предложить чего хочешь, так не стесняйся!

²⁶ «Штуцер» (армейск. сленг) — производное от слова «штука», т. е. «тысяча».

²⁷ Большая Садовая — центральная улица Ростова-на-Дону.

— Да есть одна штука... Реечный домкрат называется. До Тьмы такие были, в основном заграничные — «Хай-Джеками» назывались, сейчас в Ростове делают на «Сельмаше». Небольшими, правда, партиями, но кому нужно — достать могут.

— И сколько ты за всю эту красоту хочешь?

— Нуууу, — задумался ненадолго Степаныч. — Скажем — два рубля золотом.

— Сколько?!

— Ладно, полтора, но только из уважения к тебе!

— А может, давай так: рубль, и я возвращаю тебе ножной насос и обычный домкрат?

— Блин, без ножа режешь, — задумчиво скребет в затылке он. — Ладно, по рукам! Сейчас все принесу.

Прибарахлившись, еду из гаража в Комендатуру. Там я получил у дежурного ключи от нашей комнаты, забрал из нее деревянный ящик с двумя цинками патронов к автомату и четыре пачки пистолетных, по шестнадцать штук в каждой. Гранат у нас и трофейных, лежащих в моем гостиничном номере, вполне хватало.

Одним словом, долгая и нудная, с многократными перепроверками — все ли взяли, ничего ли не забыли — процедура сборов продолжалась аж до вечера. В конце концов все собранные и уложенные в два ранца и баул вещи мы сложили в углу моей комнаты, автоматы с подствольниками пристроили рядом, а чистую, отглаженную и обшитую форму СБ, в отдельном новом мешке, выпрошенном у Кузьмы, аккуратно положили сверху, чтобы не помялась. Заднее сиденье из УАЗа вынули и убрали в сарай, в котором обычно отрабатывали «тактику». Снятый тент аккуратно свернули и уложили в «собачнике» — это пока еще днем относительно тепло, а вот еще неделя-другая, и первый снег может выпасть. Зато смонтировали в специальном гнезде в полу опору для пулеметной турели, а к ней и саму турель привинтили. Пулемет на вертлюге закрепим завтра, и вещи тогда же в машину перенесем.

— Ладно, Толян, пошли-ка на ужин, а то я сегодня замотался как проклятый и готов хоть корову целиком сожрать!

Толя, который сам покушать вообще ни разу не любит, встретил мое предложение с нескрываемым энтузиазмом. Умывшись, мы спустились в обеденный зал и обнаружили там весь отряд Убивца в полном составе, сидящим за накрытыми столами. А вот штатских в зале не было совсем.

— Просто там снаружи на двери табличка: «Извините, сегодня спецобслуживание, ждем вас завтра!» — ответил на незадачный вопрос Четверть. — А сегодня тут посиделки только для своих.

— Точно, — поддержал его Костя, — сегодня мы провожаем в дальний рейд двух боевых друзей и по этому поводу устраиваем маленький сабантуй. Так что, парни, располагайтесь, сегодня мы пьем за то, чтоб дорога у вас легкая была!

Скажу честно, вечеринка удалась! В связи с нашим ранним отъездом пили все умеренно, чтобы не травить душу нам двоим, к спиртному после пары кружек пива вообще не прикасавшимся. Зато в плане покушать стол был весьма богатым, хоть и без особых изысков, что называется — по-деревенски: много всевозможных солений и салатов, напоминающих продаваемые в мое время на всех рынках под видом корейских, посыпанные зеленью люля-кебабы, толстые телячьи стейки, жареная речная рыба. Рис с овощами, мелкая, целиком обжаренная в масле до золотистой корочки картошка, домашняя лапша, соусы всякие — аджика, там, сметанно-чесночный...

— М-да, — сыто обвел я глазами все это великолепие, отвалившись от стола минут через тридцать. — Вот это я понимаю — стол! Разве что пельменей нету.

— Попросил бы, сделал бы я тебе пельменей, — с достоинством отвечает Кузьма. — Хоть из четырех сортов мяса сразу. А теперь уже — обломись. Не успею.

— А и ничего, — непринужденно машу рукой в ответ я. — Будет лишний повод вернуться.

— Это точно! — не упустил возможности поддеть командира Курсант. — Этот ради

тарелки пельменей из Ростова сюда бегом добежит!

— Уж чья б корова мычала! — шутливо огрызаюсь я, грозя наглецу кулаком, но ответ мой почти не слышен за громовым взрывом хохота.

— Ладно, ребята, хорошо тут с вами, но мне еще кое-куда наведаться надо...

Народ к моему уходу относится с пониманием и одобрением: все ж таки не на три дня уезжаю, с девушкой попрощаться надо обязательно. А то не поймет. Выйдя из «Псарни», я быстрым шагом направился к дому Костылевых...

Нет, не было у нас с Настей ничего эдакого в тот вечер. И то, что отец совсем рядом, в доме, не способствовало, да и в целом по поведению девушки я понял, что она пока просто не готова... И не стал даже и пытаться перейти к решительным действиям. Мы просто снова просидели до полуночи в беседке, целуясь и болтая о всякой чепухе. А потом я шел домой с припухшими от поцелуев губами и каким-то сладко-щемящим ощущением под сердцем. Как школьник, честное слово!

Без двадцати пять утра мы с напарником, закинув вещи и оружие в УАЗ, поставили пулемет с присоединенной коробкой-«соткой» на вертлюгу и выехали в сторону гаража, перед которым уже формировалась колонна. Вернее — ее сторожевая часть. Отправить сразу четыре десятка грузовиков Ханкала себе позволить не могла, поэтому «КамАЗы»-«шаланды» дожидались нас на автобазе в Моздоке. А вот выделенные на их охрану шесть БТР-80, четыре «Урала», с установленными в кузовах ЗУ-23, и два УАЗа, один — «Хантер» старшего колонны, а второй — наш, собирались и заправлялись горючим именно здесь. Пользуясь занятостью Степаныча, которого буквально рвали на части все и сразу, я слегка «наехал» на молоденького младшего сержанта-заправщика, и тот безропотно залил мне бензином помимо полного бака еще и все четыре запасные канистры. Понимаю, нехорошо, но: хочешь жить — умей вертеться. Именно в этот момент меня и отловил невесть откуда взявшийся Костылев. Неодобрительно покачав головой на мое наглое самоуправство, он только вздохнул и вручил мне тонкий незапечатанный бумажный конверт.

— Это ваши с Толей командировочные предписания. Зарегистрируете в Ростове в Управлении общественного порядка СБ, оригиналы останутся у них в кадрах, копии всегда надо будет носить с собой вместе с удостоверением, на случай проверки комендантским патрулем. Да, с колонной вы идете только до самого Ростова-на-Дону. В городе разделитесь: колонна пойдет на Военвед,²⁸ а вы — сразу в СБ на Большую Садовую. Толя, думаю, адрес знает.

— Знаю, — соглашается напарник. — Недалеко от перекрестка с Буденновским, ну, где центральный универмаг. И железнодорожный вокзал рядышком.

— Ну, если знаешь, тогда счастливого пути вам, парни! Шифротелеграмму по вам мы в Ростовское Управление СБ уже отправили, так что тамошний начальник, генерал-майор Стеценко, и его зам по спецподразделениям, полковник Григорьев, о вас в курсе. Так что не переживайте, вас там и встретят, и определят.

Ровно в пять, взрыкивая дизелями БТРов и «Уралов» и воняя выхлопом и непрогоревшей соляркой, мы трогаемся в путь. Толя, надевший мой бронежилет и «Алтын», сразу же после того, как наш УАЗ проходит сквозь ворота КПП, встает к пулемету. Да, колонна у нас «зубастая» и поживиться в ней явно нечем, скорее — связавшись с нею, можно огрести немало проблем, но я слишком хорошо помню, какие сюрпризы могут преподнести Мертвые Земли. Но вокруг все спокойно. То ли Непримиримые решили сегодня обойти эти края стороной, то ли действительно не рискнули связываться с такой силой. Когда колонна поравнялась с местом гибели экипажа Дорожной Стражи на окраине Алпатово, я надавливаю ладонью на клаксон и долго его не отпускаю. Ко мне почти сразу же присоединяются все

²⁸ Военвед — район в северной части Ростова-на-Дону, где рядом с военным аэродромом расположено множество войсковых частей и военных складов.

остальные водители. Спите спокойно, братишки, мы помним о вас и будем за вас мстить!

А вот КПП «Ищерское» почти не изменился. Разве что проволочные заграждения, уходящие вдаль в обе стороны от него, стали гуще и выше да сеть траншей вокруг двухэтажного здания блокпоста выглядит не канавками для водостока, а полноценными оборонительными сооружениями. Ну, и конечно, люди. Никаких сонных лиц, никаких неторопливо-вальжных движений. Парни теперь тут служат резкие и явно матерые, не раз в бою бывавшие. Плакат с Медведевым до этих времен, разумеется, не дожил, а вот непонятный парус-звезда так и стоит на прежнем месте. Правда, надпись на нем теперь другая — «Терской Фронт». Еще одно отличие от прежних времен я увидел, проехав еще километр: там, слева от трассы, в окружении мощных бетонных капониров расположилась как минимум батарея 120-миллиметровых «Саней».²⁹ А что? Все по уму, местность перед КПП наверняка давно поделена на сектора и пристреляна, и тот псих, что решится штурмовать «Ищерское» со стороны Мертвых Земель, очень быстро полетит мелкими фрагментами в разные стороны. «Сани» — штука серьезная, если работает батарея с опытным расчетом — шансов у противника практически нет.

И пригороды Моздока, до которых мы доехали уже часам к девяти утра, изменились мало. Уцелели даже две непонятно что символизирующие гипсовые статуи на повороте в Веселое: то ли комсомолец с комсомолкой, то ли молодые колхозник и колхозница, все такие же идиотско-жизнерадостные, разве что облупились совсем и теперь не грязно-белые, а просто серые. Наша колонна, объехав по окраинам Троицкое, проскакивает через железнодорожный переезд и еще через несколько минут выезжает на заставленный грузовиками «пятак» перед ЦОУ.³⁰ Как же все знакомо, мама дорогая! Даже кафешка «Встреча» стоит на том же месте. С трудом подавляю в себе желание пойти и поискать там, на стене, слева и выше дверного косяка, свой «червонец».³¹

Разумеется, не обошлось без столь привычной в армии неразберихи и бардака: нас ждали несколько позже, еще не все «КамАЗы» были заправлены, не на все были выданы номера...

— Номера? Погоди, какие номера? — буквально ловлю за рукав я пролетавшего мимо майора, руководившего всем этим бедламом на колесах.

— А вы не в курсе? Вот, мля... — далее майор выдает такую витиеватую и заковыристую конструкцию, что даже я заслушался, чего уж говорить о Толике.

— На территории Терского Фронта автомобильные номера не ввели пока, не до того, — пускается в объяснения майор-майор-матерщинник. — А вот на всей остальной территории Югороссии номерные знаки на машине — обязательны. Вот и выдаем всем выезжающим с Фронта временные. Гражданские за ними в отделы СБ ходят, получают. А военным — прямо тут.

— Ну, тогда и нам выдай, коли уж мы тебя поймали! — смеюсь я.

— Да без проблем, — майор вытаскивает из солидных размеров брезентовой сумки на боку пару черных номерных знаков, связанных между собой бечевкой, на которых белым шрифтом нанесен номер: «11–16 ТФ».

— Так, кто из вас хозяин машины? Командировочное предписание свое гони!

Взяв в руки мое предписание и достав из кармана ручку, майор некоторое время с сомнением оглядывает мой тюнингованный до неузнаваемости внедорожник, видимо,

²⁹ «Сани» — 120-мм миномет российского производства.

³⁰ ЦОУ — Центр обеспечения и управления Группировкой российских войск в СКР.

³¹ На самом деле рядом с автостоянкой ЦОУ в Моздоке стоит маленькое кафе-вагончик «Встреча», где все стены оклеены десятирублевыми купюрами с автографами подразделений и отдельных бойцов, прибывающих в Чечню и убывающих из нее. Традиция! Есть среди них и мой.

пытаясь определить его изначальную модель. Потом, махнув рукой на это бесполезное занятие, прямо на капоте УАЗа вписывает в графу «Автотранспортное средство»: УАЗ-вездеход, гос. номер «11-16 ТФ».

— Когда возвращаться будете, снова к нам заезжайте — сдадите, — сообщает майор мне, перенося данные из моего удостоверения в толстенный гроссбух, вытащенный из недр все той же сумки, и исчезает в клубах пыли и выхлопных газов.

— Интересно, Миш, тут весь этот бардак надолго? — задумчиво обращается ко мне Толя.

— Думаешь, успеем ли до банка? Считаю — вполне! Опять же банк тут, если я все правильно помню, должен быть минутах в пяти езды.

Я не уточняю, что тот банк, о котором я помню, существовал тридцать лет назад. Просто банки — это не палатки со жвачкой и сникерсами, они с места на место переезжают редко. Быстро прикрутив номера (я — передний, Толя — задний), мы снова садимся в машину, и я гоню к ДОСу,³² где некогда располагалось отделение Сбербанка.

Интуиция меня снова не подвела. Банк стоял на прежнем месте и выглядел почти так же, разве что вывеска над входными дверями поменялась: вместо «Сбербанк» теперь висела «Государственный банк Югоросийской Республики». Хотя мне-то какая разница, лишь бы деньги приняли. Вклады мы с Толей решили делать по очереди, чтобы не оставлять на улице без присмотра УАЗ с пулеметом и вещами. Первым в гостеприимно распахнутые двери вошел я.

Похоже, девушки-кассирши, увидев сквозь большие витринные окна подъехавший к банку внедорожник с ПК на турели, а потом — вооруженного до зубов посетителя, серьезно напугались. Да и охранник, смотревшийся на моем фоне довольно жалко со своим ПМом, выглядел не лучше. Но когда выяснилось, что ограбления сегодня не будет, девчушка-операционистка сразу ожила, бойко объяснила мне правила приема вкладов у граждан, шустренько отстучала данные из моего служебного удостоверения на клавиатуре своей непонятной (то ли кассовый аппарат, то ли компьютер) машины, приняла у меня банковский чек и еще пару минут спустя выдала мне сберкнижку. Совершенно обычную, синевато-серую, с зеленоватого цвета листочками внутри. Только логотип на обложке был тот же, что и на вывеске над дверью.

— Снять или положить деньги можно в любом отделении нашего банка при наличии любого удостоверения личности государственного образца. Распишитесь здесь и здесь, — она подала мне два бланка стандартного договора о приеме вклада.

— До свидания, приходите к нам еще! — с почти искренней улыбкой прощепетала она на прощание.

— Давай, Толик, твоя очередь, там ничего сложного, — сказал я напарнику, подходя к машине.

Еще через пятнадцать минут мы снова вернулись к ЦОУ, где продолжался тот самый, хрестоматийный, «пожар в бардаке во время наводнения» со всеобщей беготней, суетой и матерщиной, в которой, впрочем, мы с Толей никакого участия не принимали. Однако ничто не вечно под луной, и примерно через час колонна все-таки тронулась в путь. Я с наглой рожей пристроился вторым, аккуратно между «Хантером» старшего колонны и первым из БТРов сопровождения, а то что-то вообще не климатит мне в открытой машине поднятую грузовиками да бронетранспортерами пыль глотать.

Ну, что ж, прощай Терской Фронт, до скорой встречи! И здравствуй, Югоросийская Республика. Не пройдет и двух суток, как мы будем в твоей столице, столь-граде Ростове-на-Дону. Почему так долго? Ну, вы и спросили! Да, согласен, расстояние от Моздока до Ростова, прямо скажем — не впечатляет: километров семьсот, нет, скорее — шестьсот пятьдесят. На хорошей легковушке, да с толковым водителем за рулем — часов семь-восемь

³² ДОС — дома офицерского состава, район Моздока, неподалеку от ЦОУ.

пути. Откуда ж двое суток-то? А тут надо принимать во внимание особенности движения армейских колонн. Во-первых, им запрещено двигаться в темное время суток. То есть пробили часы восемнадцать ноль-ноль, все — «стоп колеса» до утра. Во-вторых, это одиночке на легковой машине хорошо — втопил педаль в пол и гляди, как километровые столбы по обочинам мелькают. А вот скорость армейской колонны определяется скоростью самой медленной в ней машины. Так что может она ехать и на шестидесяти, а то и ползти на сорока километрах в час. А уж если кто закипит, пробьет колесо или, не приведи боже, движок у кого «клина словит» — все, пиши пропало! Вся колонна выстроится вдоль обочины, оцетинится стволами автоматов часовых и будет стоять, пока не починят сломавшееся. Именно для таких случаев и входят в состав любой колонны, помимо «брони» охранения, еще и минимум пара «Уралов»-ремлетучек. Вот отсюда и получается, что двое суток на шесть с половиной сотен километров марша для армейской колонны — не такой уж плохой результат.

Дорога после Моздока была уже совсем не такой, как на Терском Фронте. Была она какой-то... мирной, что ли? По ней хоть и редко, но проезжали нам навстречу (обгонять-то явно не решались) гражданские легковушки, в основном «классика» российского, а то и советского еще автопрома разной степени дряхлости. Ничего, в общем-то, странного: все навороченные иномарки с их набитыми электроникой «потрохами» разом погорели в момент первых же ядерных взрывов. Электромагнитный импульс, господа, еще никто не отменял. А от него даже современные линкоры и авианосцы не шибко-то защищены были, что уж там про всякие «Мерседесы» да «Тойоты» говорить... Вот и катается народ на том, что еще ездить может. Латает без конца и катается. Но не все так плохо: вездеходы, вон, уже свои на «Ростсельмаше» делать начали, глядишь, лет через сорок и до автомобилей премиум-класса дорастут, кто знает... Одним словом, километров через сто пятьдесят я даже разрешил Курсанту снять «броню» и, оставив в покое пулемет, пересесть на переднее пассажирское сиденье, держа, правда, автомат под рукой. Во избежание...

С грузовиками нам повезло: шли ходко, движение не тормозили и ломаться вроде не собирались.

Остановились только один раз и по совершенно уважительной причине. Как сказал некий безымянный, но прославившийся своей мудростью солдат: «Война войной, а обед — по распорядку». Вот на обед-то мы всей колонной дружно и встали на берегу речки Кума, неподалеку от села Левокумка, под Минеральными Водами. Первые несколько секунд я с откровенной завистью разглядывал водителей и бойцов охраны, достававших из кабин сумки и корзинки с домашней снедью. Но тут во всей красе проявился хозяйственный характер Анатолия. Тот недолго порылся среди наших вещей и извлек на свет божий вполне приличных размеров сидор, из которого, стоило только развязать лямки на горловине, одуряюще пахнуло едой.

— Зина передала, сказала, что сами мы один фиг не допетрим, — заговорщицки подмигнул Курсант.

В сидоре оказались аккуратно завернутые в толстую оберточную бумагу здоровенная жареная курица, полтора десятка вареных яиц, вареная же картошка в мундире, каравай хлеба и шмат соленого сала в чистой тряпице. Харч богов, едрена мать! Особенно если под слегка нагретый, но все равно очень вкусный квас из больших стеклянных бутылок. Нет, таким женщинам, как Зинаида, нужно памятники ставить! Перекусившие и довольные мы снова забрались в машину, причем Курсант, имевший весьма посредственный водительский опыт, уговорил меня пустить его за руль. А почему бы и нет, в конце концов? Ехать в колонне несложно: знай, держи скорость да двигайся точно за ведущим... Ребенок справится!

В общем, до Ставрополя мы к вечеру все-таки доехали. Правда, в сам город так и не попали, нашу колонну завернули вправо от трассы на второстепенную дорогу километрах в десяти от окраин и разместили на ночевку на территории располагавшейся там мотострелковой дивизии. Похоже, подобные гости тут были не в новинку: военные

регулирующие из здешней роты РРД и КС³³ в белых касках и портупеях быстро загнали нашу колонну на большой асфальтированный плац, а самих нас разместили на ночевку в стоящей здесь же одноэтажной казарме. Вполне, кстати, приличной: койки одноярусные, матрацы на них новые, постельное белье свежее, в душевой — и горячая, и холодная вода. Чего еще для счастья на временной стоянке нужно? Разве что перекусить!

Вот тут, врать не буду, дела были похуже: до Четверти и Зинаиды с их кулинарными изысками здешние повара явно не дотягивали. Хотя чего требовать от солдатской-то столовки? Ну, да мы не привередливые...

Переночевав у гостеприимных военных, долив до верху бензобаки, на следующее утро, обойдя Ставрополь по объездной, двинулись дальше. И вот тут-то и начались у нас всякие мелкие, но досадные неприятности: сначала начало гореть сцепление на одном из «Уралов»-тачанок, потом, чуть не вылетел с трассы «КамАЗ», у которого отказали тормоза. Времени на исправление этих поломок ушло немало, хотя чинили совместными силами.

Одним словом, когда мы наконец объехали по Восточному шоссе Батайск и направились в сторону Ворошиловского моста через Дон, солнце уже клонилось к закату, но город, за счет того что правый берег намного выше левого, виден был издалека. Сразу бросаются в глаза горящие золотом купола какого-то храма.

— Это что? — спросил я у нервно ерзающего на пассажирском сиденье Толи.

— Это? Ростовский кафедральный собор, — ответил он с такой гордостью, как будто лично, собственными руками, этот собор выстроил. — Красивый. Там еще городской Центральный рынок рядом. Вообще, рынков в городе полно, но этот самый большой, на нем найти можно почти все.

— Учтем, — кивнул я.

Так, за разговорами о прекрасном и доехали мы до «визитной карточки» Ростова-на-Дону, памятной мне еще по временам Союза, когда ее изображение часто на разных посвященных Гражданской войне открытках печатали. Правда, сейчас я осознал, что открытка — это совсем не то! Памятник Тачанке впечатлял: четверка бронзовых озверевших коней явно неслась, ничего не разбирая на своем пути, готовая смести любую преграду. Трое мужиков в бричке были под стать своим скакунам: могучие, несокрушимые и свирепые. Да уж, блин, такие, пожалуй, и впрямь могли какого угодно врага в бараний рог скрутить. Именно они и были «от тайги до Британских морей», всерьез, без шуток. Сильный памятник!

Вот возле Тачанки, вернее, у КПП ГАИ, там расположенного, мы с колонной и расстались. Они остались, сначала решая по радиостанции какие-то вопросы с размещением на Военведе, а потом вообще отправили туда «Хантер» со старшим, в качестве «парламентера». А мы поехали дальше. Нас ждали в Управлении общественного порядка СБ по Ростову-на-Дону. По крайней мере, надеюсь, что ждали.

— А это что за водоем справа?

— Гребной канал.

— Небось летом от купальщиков не протолкнуться?

— Хватает, конечно, но, вообще, народ тут купаться не любит...

— Что так? Вроде место хорошее, — недоумеваю я.

— Да в конце прошлого века, до Тьмы еще, большие бандитские войны были, слышал?

— Ну, так, краем уха, — улыбнулся я, прекрасно помнящий «лихие девяностые». Ну, да, малиновые слаксы, кожаные куртки, пудовые цепи и перстни-«гайки» на «реальных пацанах»... Такое поди забудь.

— Так, говорят, в то время тут до фи́га народа в тазиках потопили. Понимаешь?

— Чего уж непонятного? Берут бедолагу, ставят в таз, а сверху — несколько лопат бетона. И все, ушел клиент на дно с цементным якорем... Поганая смерть...

— Во-во, — соглашается Толя. — Вот из-за таких и считается — дурное место. Хотя

³³ РРД и КС — рота регулировки дорожного движения и комендантской службы.

нашим многим по фигу, и тут барахтаются. Нас, ростовских, вообще ничем не проймешь!

А вот Ворошиловский мост, по которому мы переезжали Дон, меня откровенно напугал. На каком именно честном слове держалась эта конструкция, лично для меня так и осталось загадкой. Латаный-перелатаный, причем в разное время, разными материалами и разного уровня профессионализма мастерами. Просто мозаика какая-то, а не мост, ей-богу!

— Толик, а что мост-то такой угребищный?

— Ай, командир, не спрашивай!!! Говорят, прямо перед Тьмой другой мост через Дон строили, вон гляди, — он ткнул пальцем влево, и я увидел вдалеке торчащие из реки опорные быки и куски каких-то железобетонных конструкций. — А когда от взрывов земля-то ходуном заходила, так новый целиком в воду и рухнул. Потом долго еще в нескольких местах для прохода судов фарватер от обломков чистили. А это угребище, — он ткнул пальцем в проносящиеся мимо секции ограждения моста, — устояло. И стоит до сих пор. А на новый пока средств собрать не могут — сам понимаешь, страна четыре войны пережила, не было лишних денег... Вот, похоже, и будем кататься по этому, пока он совсем не развалится.

— Главное, чтобы он прямо сейчас у нас под задницами не развалился! — натужно шучу я.

— Да нам тут рядом, командир, — успокаивает меня Толя, глядя на то, как я с тревогой посматриваю на часы. — Сейчас немного вверх по Ворошиловскому, а там, на Советской — увидишь, короче, такая площадь с памятником — влево по Большой Садовой, там еще чуть-чуть, и на месте.

— Погоди, Толя, куда наверх? Дорога под уклон идет!

— А, понял, извини, — смущается напарник. — Это просто у нас говорят тут так. Все, что от набережной, — вверх, все, что к ней, — вниз.

— Догнал! Типа, местный народный фольклор. Запомню.

Площадь Советов, которую, по словам Толи, весь Ростов называл Советской, или просто «Кони», пропустить и впрямь было трудно. Во-первых, на площадь выходило фасадом белоснежное здание Администрации Президента Югороссии. Симпатичное такое, в стиле сталинского классицизма... А может, сталинского барокко... Или ампира... Короче, не разбираюсь я в этих стилях, просто видно, что в конце сороковых — начале пятидесятых построено, Толя сказал, что раньше тут располагалась областная администрация. Ну, да, а как стал Ростов столицей, так и уровень администрации вырос сразу. И памятник на Советской тоже был. И тоже по мотивам Гражданской войны: всадник с шашкой наголо, пехотинец с винтовкой, прижавшийся к стремяни кавалериста, и матрос, пытающийся метнуть гранату из положения «лежа». Наверное, символизирует единство родов войск. А может — еще чего, не знаю. Кстати, свое второе, лошадиное прозвище площадь именно из-за этого памятника получила, очень уж на его барельефах коней, впряженных в тачанки, много. А во-вторых, с противоположной стороны площади виднелось здание банка: красивое, явно еще дореволюционной постройки, со всякими бронзовыми фигурами на фронтоне: двуглавым орлом под тяжелой короной, еще какими-то человечками, скорее всего Меркурием и еще кем-нибудь из этой же братии, и надписью: «Контора Государственного Банка».

— Слышь, Толя, вот куда нам надо было свои деньги сдавать. Гляди, как солидно!

Напарник только хихикнул в ответ.

А еще перед банком был фонтан. Я бы даже сказал — фонтанище. Мраморное, кажется, кольцо парапета, бронзовые львы на постаментах. Нет, серьезно, словно снова в Питер вернулся!

Свернув на Большую Садовую, мы проехали мимо городской администрации, и вот тут я понял, что погорячился, решив, что Президентская Администрация на Советов — красивое здание. Ничего подобного! А вот городская администрация, больше на дворец похожая, была действительно красива. Я такие здания разве что в Питере видел. Интересно, а почему их эти

ухари из Президентской отсюда не переселили? Думаю, только потому, что этот дворец, несмотря на всю свою красоту, размерами маловат.

Потом был парк, вернее, его жалкие остатки, которые, впрочем, явно последнее время усиленно и вполне успешно приводили в порядок: высаживали молодые деревца и кусты на месте выкорчеванных пней, по-новой размечали и разбивали клумбы, выкладывали серой брусчаткой дорожки и аллеи.

— Это парк имени Горького, — подсказал Толя. — В начале Большой Тьмы его чуть было весь на дрова не извели, но потом с нефтью и мазутом легче стало, ТЭЦ по-новой запустили... Теперь вот восстанавливают.

А еще перед входом в парк я увидел памятник Ленину. Вот уж, правда: «Жил, жив и будет жить»!

Еще через два квартала мы подъехали наконец к бывшему зданию ГУВД по Ростовской области: мощной, сталинской постройки пятиэтажке. Чем-то она напоминала дом на Лубянке в Москве. Такое же монументальное строение, никаких колонн и балкончиков, никаких украшательств, только шершавые панели из серого камня. Внушительно, ничего не скажешь. Раньше в соседнем здании, по словам Толи, располагалось Управление ФСБ. Но в Югоросийской Республике Служба Безопасности выполняла одновременно функции и МВД, и ФСБ. А что, может, и правильно? При Лаврентии Палыче НКВД тоже за двоих горбатился, и ничего, вроде справлялся. А потом от разделения НКВД на КГБ и МВД лично я особого толка так и не припоминаю. Только и делали две эти конторы, что друг другу пакостили по мелочи да чуть что «хозяину» на «смежников» стучали. На кой такое разделение нужно между структурами, единственная функция которых — защита интересов государства и его граждан? Не знаю...

У могучих двустворчатых дверей, деревянных, но обшитых квадратными листами полированной меди понижу, стоял в карауле совсем еще молодой сержантик в фуражке и почти такой же, как и у нас, форме, разве что не черного, а темно-серого цвета и с другим шевроном, отсюда не разобрать с каким, с «Кедром» на плече.

— Товарищ сержант! — голосом не признающего споры и неподчинение человека рывкаю я. — Принимаете машину под охрану, и не дай бог из нее что пропадет!!!

Вообще-то, формы сотрудников СБ на нас сейчас нет и похожи мы, наверное, черт знает на кого, но номера УАЗа с буквами «ТФ», командирский рык и наглая морда делают свое дело. Единственное, на что у него хватает смелости, так это, поглядывая с интересом на мой «козырный» АК-103, потребовать для проверки наши удостоверения. Которые ему и были тут же продемонстрированы. Молодец, перепугаться, может, и перепугался, но службу свою знает. Прочтя и проникнувшись, сержант принимает строевую стойку и четко отвечает:

— Есть!

— Молодец, сынок, — искренне хвалю его я и поднимаюсь по ступеням к дверям, возле которых на стене висит мраморная табличка: «Служба Безопасности Югоросийской Республики. Управление общественного порядка по Ростову-на-Дону и Ростовской области». И эмблема — щит и меч. Кстати, у сержанта на шевроне — такая же, и написано: «Управление общественного порядка». Похоже, местный аналог милиции.

В «дежурке» сидит пожилой, рыхлый и какой-то сонный капитан. Да уж, до Пети Малыша из Червленной ему... Ну, даже не знаю, как пекинесу до волкодава, наверное. Хотя здесь не Терской Фронт — все намного проще и спокойнее.

— Лейтенант Тюкалов и сержант Коломийцев из Червленной с Терского Фронта, — четко докладываю я и протягиваю в узкое окошко наши с Толей командировочные предписания.

Капитан тут же пытается выстроить на лице деловое выражение, но ничего у него не выходит — уж больно сонный.

— Да-да, я в курсе, что вы должны прибыть, вот только никого уже нет, придется ждать до завтра.

— Не вопрос, — отвечаю я. — Ко сколько нам подъехать?

— Стоп-стоп! — капитан наконец окончательно проснулся и вспомнил, что он все-таки должностное лицо «при исполнении». — Куда это вы собрались, молодые люди?

— Да сержант Коломийцев местный, у его родни думали переночевать. А что?

— Да ничего! Командировочные предписания ваши не зарегистрированы, огнестрельное оружие в дежурную часть не сдано, транспортное средство на учет не поставлено, а они уже ехать куда-то собрались! Нет, так не годится!

Ох, елки, да тут, похоже, бюрократия цветет пышным цветом! Но с дежурным воевать — глупо, он сам ничего не решает. Ладно, и какие тогда есть варианты?

— Ну, товарищ капитан, и что вы тогда нам предложите в этой ситуации?

— Да все просто: загоняете машину в наш гараж, оружие под роспись сдаете мне в «дежурку», ночуете у нас, а утром генерал Стеценко вас примет...

— Ночевать, надеюсь, не в камере придется?

— Нет, разумеется. У нас тут рота охраны расквартирована, у них в казарме места вроде есть. Там и переночуете.

— Ладно, — вынужден согласиться я. — Так и сделаем. А сейчас, как я понял, надо оружие сдать?

— Да, одну минуту, вот туда, — капитан показывает рукой на дверь с табличкой «Помещения для приема-выдачи оружия». — Там окошко, я в него приму.

— Погодите, мы сейчас вернемся...

Когда мы вваливаемся назад, с пулеметом, гранатами, ящиком патронов, распечатанным цинком ВОГов и четырьмя патронными коробами, из которых торчат хвосты пулеметных лент, челюсть капитана падает куда-то под стол. А глаза сержанта, покинувшего-таки свой пост у крыльца и зачарованно вошедшего вслед за нами, больше напоминают по размерам чайные блюда.

— А ты думал, сынок! — по-свойски подмигивает ему Толя. — Было б у тебя столько же врагов, сколько у нас, ты вообще даже до сортира на танке катался бы. А пока — брысь назад, у нас там, в машине ценные вещи!

Когда сержант пульей вылетает наружу, а капитан-дежурный выходит из ступора, мы наконец направляемся в оружейку «сдаваться». Сдали все, включая пистолеты, из-за которых, правда, пришлось немного поспорить. В конце концов, капитан хоть и согласился, что опера Управления по борьбе с терроризмом должны иметь право на постоянное ношение табельных пистолетов, но только после того, как на это будет выписано разрешение. Спорить с этим человеком было невозможно, дать ему в рыло не позволяло воспитание и узенькое оконце, через которое мы общались. В конце концов я плюнул и согласился. Мы находимся в столице государства, да еще в помещении организации, которая оберегает покой и мир на территории этого самого государства. Уж если и тут придется от кого-то отстреливаться — тогда вообще хана!

Сдав оружие, мы загнали УАЗ в подземный гараж и, забрав ранцы и баул со своими вещами, потопали за выделенным нам в провожатые солдатом в казарму роты охраны. Там уже давно был произведен отбой, помещение наполняли дружный храп и неистребимая вонь портянок и гуталина. Вот в скольких казармах бывал, а запах везде один и тот же. Как говаривал мой армейский ротный: «Запах молодых львов». Вот-вот, точно, воняет, как в зверинце! При слабом свете дежурной лампочки мы находим свободную двухъярусную койку, причем я нагло занимаю нижний ярус по праву старшего по возрасту и званию, аккуратно раскладываем на табуретах свою парадную черную форму. Толя достает из баула новенькие сапоги, я — свои крутые «Коркораны». Думаю — перед генералом завтра мы в грязь лицом не ударим!

Ополоснувшись в душе и затолкав свою дорожную одежду в баул (потом постираем), мы дружно отходим ко сну.

Сон мне приснился просто замечательный, хотя и несколько сумбурный: снилось, что не было никакой войны, но зато все, кого я узнал в Червленной, живут в Подмосковье, и что везу я Настю к своим родителям, знакомиться. А Игорь устроился к нам в Отряд командиром

роты. А Кузьма с Зиной открыли очень популярное в Сергиевом Посаде кафе, и что...

А вот побудка была фиговой. Во-первых, тонкий мальчишеский голос, срываясь в фальцет, прямо-таки взвизгнул «Рота, подъем!», несколько десятков босых пяток дружно грохнули, опускаясь на деревянный пол. Нет, все-таки плохая была мысль — ночевать в казарме. Я с тяжелым вздохом повернулся на другой бок и повыше подтянул одеяло. Вот кому положено в шесть ноль-ноль подорваться, тот пусть и подрывается, а я еще посплю чуток...

А во-вторых, вдруг случилось что-то совсем странное. Кто-то довольно бесцеремонно пнул меня ногой в бок и заявил наглым голосом:

— Э, слышь, душара, тебя что, команда «Подъем» не колышет?

Ну, вот, здрасте — приехали! Нет, хамство надо пресекать на корню! Практически вслепую, чисто на рефлексх, бью наглому незнакомцу расслабляющий кулаком точно в пах, а потом, когда он сгибается в три погибели, насаживаю его ноздри на свои пальцы. И только после этого окончательно открываю глаза.

Ну, да, кто бы сомневался. Крепенький загорелый сопляк лет девятнадцати в синих армейских трусах, зеленой майке и с модным «дембельским» чубчиком. Видно, ввела беднягу в заблуждение моя прическа... А теперь придется ему за свою ошибку расплачиваться. Я несколько раз тыкаю жалобно скулящего старослужащего лицом в табурет, на котором сложена моя форма. Видимо, он все-таки разглядел сквозь льющиеся из глаз слезы лейтенантские звездочки на погонах и поэтому начал канючить:

— Това... товарищ... лейтенант, виноват... исправлюсь, мля буду — попутал!!!

Я отпускаю ноздри страдальца.

— Исчез с глаз моих, воин, покуда я добрый. А то не погляжу на срок службы — сдохнешь «на очках».³⁴ Считаю до трех... Два уже было...

Как ни странно — воин в норматив уложился. Ну, и ладненько. Однако сон он мне своей выходкой перебил... Обидно! Придется вставать. Опять же, поднять напарника и пока не поздно, пару приемов «армейского политеса» ему показать. Как-никак с генерал-майором сегодня общаться будем. Пока мы с Толей не спеша умывались и собирались, рота дружно убежала на зарядку. Ну и славно, мешаться под ногами не будут! Уведя Курсанта в глубь казармы, подальше от любопытных глаз дневального, я быстренько провел с ним инструкторско-методическое занятие на тему «Отход-подход к начальнику» и «Доклад старшему по званию». Парень он у меня толковый, схватывает все с полуслова, так что управились быстро. Заодно я ему намекнул, что столичные генералы и полковники — ни фига не капитан Костылев, и поэтому ему лучше лишнего не говорить, а только четко отвечать на поставленные вопросы, если такие возникнут, а общаться с высоким начальством буду я. А потом нам оставалось только ждать.

В девять утра, поправив еще раз и без того отлично сидящую форму, наведя последний глянец на обувь и натянув поплотнее на правое ухо береты, мы стоим в приемной перед кабинетом здешнего начальства. Правда, старлей-ординарец продержал нас в приемной почти до десяти, но когда из кабинета повалили люди в подполковничьих-полковничьих погонах, я сообразил, что там было какое-то совещание. Когда вся эта «звездная» толпа удалилась, нам разрешили войти.

Кабинет у генерал-майора Стеценко оказался, мягко говоря, просторным: если и не со школьный спортзал размером, то ненамного меньше. Массивные книжные шкафы из темного дерева, набитые толстыми томами, длинный «совещательный» стол в форме буквы Т, сразу несколько телефонов, монитор и клавиатура компьютера, крупномасштабная схема Ростова и ближайших городков и поселков на стене. Флаг, кстати, почти привычный мне российский триколор, только в правом верхнем углу — щит с гербом Югороссии. Над

³⁴ По неписаным армейским традициям «очки», то есть унитазы в туалете, моют только солдаты младшего призыва. Заставить старослужащего этим заниматься — очень суровое наказание, означающее для последнего серьезную потерю статуса в сложившейся ротной иерархии.

спинкой кресла хозяина кабинета — два портрета: один — генерал армии в сером форменном кителе с солидным иконостасом (правда, боевых я среди них почти не обнаружил, Орден Мужества, да ЗБЗ,³⁵ но, учитывая звание — вряд ли в бою добыты). Думаю — здешний Министр Внутренних дел. Второй — в штатском и с уверенным, властным лицом, я так понимаю — Президент здешний. Вот интересно, но на Терском Фронте я портретов, ни этих двоих, ни Генерал-Губернатора, не видел. Это как, типа, показатель особого статуса Фронта? Мол, формально мы с вами, а на деле — сами по себе?

Сам генерал-майор сидит в кресле с высокой спинкой. На вид — обычный дядька чуть за пятьдесят, худое лицо, слегка заостренный нос, на улице такого без формы встретишь — и внимания не обратишь. Хотя... Вот разве что взгляд у генерала... Взгляд умного, жесткого и привыкшего приказывать человека. Такого у случайных прохожих на улице не бывает. Слева от генерала стоит, судя по внешнему виду и полковничьим погонам, тот самый «зам по спец» Григорьев. Суровый дядя, не сказать, что огромный, Кузьма наш, к примеру, куда фактурнее будет, но все равно... Жилистая, подтянутая фигура, набитые костяшки кулаков, не один раз сломанный нос — боец серьезный, да еще и взгляд, почти как у генерала, твердый и умный. Сразу видно — оба серьезные профи и явно на занимаемых постах не для мебели числятся.

Четко, по уставу, делаю три шага вперед и, вскинув правую руку к обрезу берета, представляюсь. За мной те же действия производит Толя. Не сбился, не запнулся — молодец, не зря я его поутру гонял.

Высокое начальство с интересом разглядывает нас, мы, как и положено по Уставу, едим его глазами. Как там, в пехотном Уставе Петра Великого: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы излишним разумением не смущать командира». За стопроцентную точность не поручусь, но что-то явно в этом стиле и духе. Вот мы с Толей и стоим... Изображаем...

— Значит, это вы и есть те самые? — спрашивает у меня Стеценко.

— Не знаю, что означает «те самые», поэтому не могу ответить уверенно, товарищ генерал-майор.

Ну его к Аллаху, тот Петровский Устав, я идиота из себя изображать не буду, пусть даже и лихого.

— Те самые, — как ни в чем не бывало, продолжил генерал, — что со своей группой накрошили просто кучу Непримируемых, но каким-то макаром умудрились сами «засветиться». К счастью, только вы двое, а не вся группа.

— Так точно, товарищ генерал-майор, это мы и есть.

— Ну, двое — еще не вся группа, но все равно обидно. Действовали-то эффективно, даже я глядя на фотографии проникся, и с мостом красиво, и с двойной засадой, жаль, когда помощника Веденского амира грохнули, фото сделать не смогли... Да и «Оборотни» эти, диверсанты доморощенные... Тоже, видать, матерые демоны были. А без командира что там ваша группа сделать сможет? — вступает в разговор Григорьев.

Ай да Костылев! Он, похоже, даже случайно прищученных мною в Беное Арби Джамалханова с телохранителями задним числом к делам группы приписал.

— Дело даже не во мне, товарищ полковник, ребята у нас такие, что и без меня дел понаделают — только держись. Но ведь ноябрь на дворе. «Зеленка» облетела совсем, еще чуть-чуть, и первый снег выпадет, в горах тогда совсем делать нечего будет. Опять же, «Оборотни» эти...

— Что «Оборотни»? — заинтересовались сразу оба, и генерал, и полковник.

— «Оборотни» — это не диверсанты. Это, — я замаялся, думая, как лучше сформулировать свою мысль, — скорее — егеря, ягдкоманды, как у фашистов во время Великой Отечественной. Охотники за нашими разведывательными и диверсионными группами. А диверсантами у них совсем другие персонажи...

³⁵ ЗБЗ — медаль «За боевые заслуги».

— И кто же? — с явным интересом спрашивает Стеценко.

— Мамелюки.

— Интересно, а вот Андрей Евгеньевич, — Стеценко кивает на Григорьева, — считает, что само существование так называемой группы «Мамелюки» — это турецкая дезинформация. У вас что же, есть доказательства обратного?

— Доказательств пока нет, только что называется «косвенные улики» и слухи. Но лично я в реальности мамелюков уверен.

— Даже так? — Григорьев явно не обиделся. — Ну, что ж, коллега, как только получите хоть какие-то реальные доказательства — милости просим!

— Обязательно, товарищ полковник.

— Ладно, — легонько хлопает ладонью по столешнице генерал. — За жизнь поговорили, теперь о вас поговорить пора. Это что за арсенал вы вчера с собой приволокли, можно узнать?

Он достал из папки на столе какой-то лист, а из нагрудного кармана кителя — очки, которые нацепил на кончик носа, став при этом похожим на строгого школьного учителя, и начал читать:

— Два ножа, попадающие под классификацию «холодное оружие», пистолет Макарова, пистолет Стечкина, два подствольных гранатомета ГП-25, двадцать две гранаты ВОГ-25, двадцать гранат Ф-1, два цинка патронов 7.62 на 39 нераспечатанных в ящике, четыре коробки патронов 9 на 18 по 16 штук в каждой, пулемет ПК, ленты с патронами к нему, общей численностью 900 выстрелов в патронных коробах, автомат АКМС и автомат АК калибра 7.62 мм неизвестной модификации. Разгрузочные системы, в которых находилось еще... — генерал резко обрывает чтение и поднимает взгляд на нас. — Ну, с «разгрузками» все ясно, вы там все совсем в плане боеприпасов на голову ушибленные: у каждого БК — на пехотный взвод хватит... Молодые люди, вы тут часом военный переворот учинить не задумали, с такой-то грудой оружия? И, кстати, что значит «АК неизвестной модификации»?

— Обычный АК-103, но в иностранном тактическом «обвесе», фирмы TDI, если быть точным, — отвечаю я.

— Ну, надо же! — удивленно присвистывает Григорьев. — Все по-взрослому! И где разжились, товарищ лейтенант, если не секрет, конечно?

— Не секрет. Трофей, можно сказать — подарок от тех самых «Оборотней».

— Щедрые ребята были, — усмехается генерал, но тут же переходит на деловой тон. — В общем, так, товарищи, разгуливать по городу с автоматическим оружием и гранатами я вам позволить не могу. Здесь у нас не передовая. Так что пулемет и автоматы, ну и все эти ваши патроны-гранаты — остаются в оружейной комнате Управления. Пистолеты и патроны к ним — получите назад. Лишать оперативников табельного оружия мы не собираемся. Это глупость, и глупость опасная. Оперативник считается сотрудником, находящимся «при исполнении» круглосуточно. Так как же он будет безоружным свои задачи выполнять? А вот остальные сотрудники оружие получают только при заступлении на службу. Так что учтите, никаких этих ваших терских казачьих штучек с пальбой по любым неприятным вам людям и ожерельями из их ушей! Понятно?!

Мы с Толей согласно затрясли гривами, будто только и собирались в Ростове заниматься отстрелом непонравившихся нам граждан и коллекционированием их ушей на шнурках. Дичь какая-то, ей-богу! Они тут что, всерьез считают терцев такими упырями? Хотя надо запомнить, мало ли кого припугнуть понадобится?

— Разрешения на ношение пистолетов для вас сейчас делают, получите там же, в дежурной части, — продолжает Стеценко. — Марку и номер вашей машины в Отдел ГАИ уже сообщили, зайдете туда, это на втором этаже, дежурный объяснит точнее, получите бумаги на право управления.

— На права хоть сдавать не заставят? — позволил себе пошутить я.

— Вообще, конечно, стоило бы, но мы вам верим, — улыбнулся в ответ генерал. —

Ладно, теперь о главном. Работать будете в должностях инструкторов по БФП³⁶ с группой наших сотрудников. Опыт, который вы получаете в ходе боестолкновений с Непримируемыми, — бесценен и его необходимо передавать другим. Так, сегодня у нас пятница? Ну, значит: три дня вам на все про все, обустроиться там, быт наладить, а в понедельник в девять утра быть тут. Вас познакомят с группой и отвезут на тренировочный полигон. Вопросы, жалобы, предложения?

— Никак нет! — дружно, в один голос гаркнули мы с Толей.

— Ну, раз нет, тогда — свободны!

Покинув кабинет генерала, мы, не теряя времени, пошли, что называется, по инстанциям. Я, если честно, уже было готовился к долгим шатаниям из одного кабинета в другой, к стандартной волоките из серии: «его нет на месте, зайдите через полчаса». Однако то ли личность человека, нас отправившего, роль сыграла, то ли жутковатая слава Терского Фронта, а может, и то, и другое... В общем, все бумаги мы оформили примерно за час, получили в «дежурке» обратно свои РПС, ножи и пистолеты, а к ним — зеленого цвета карточки-разрешения на их ношение и применение, и копии командировочных предписаний. Расписались в целой куче инструкций: «Ознакомлен, предупрежден, поставлен в известность»... Господи, как же хорошо у нас на Терском Фронте без всех этих на фиг никому не нужных бумажек! В ГАИ тоже довольно быстро получили бумагу, в которой значилось, что такие-то имеют право управлять таким-то транспортным средством... Да уж, не самый худший вариант, а то ведь могли и впрямь заставить на права сдавать: полтора месяца обучения, экзамен на знание ПДД, практическое вождение... Весело было бы!

Разобравшись с бумажными формальностями, мы снова оседлали нашего «стального коня» и поехали в гости к Толе. Его семья жила на небольшой, застроенной частными домами улочке рядом с «Сельмашем». Толя долго объяснял мне, как нам нужно ехать на его родную Вторую Киргизскую, которая рядом с площадью Чкалова, потом я просто плюнул и усадил его за руль, честно предупредив, что — если что, все разборки с местным ГАИ и штрафы — за его счет. Усевшись на водительское место, Анатолий заявил, что не имеет ни малейшего морального права ехать домой, не посетив перед этим какой-то «Золотой колос». На попытки выяснить, что это вообще такое, напарник только делал загадочное лицо и разводил руками, мол, такое словами не описать, такое видеть надо. Да уж, он был прав, словами такое не описать.

«Золотым колосом» оказалось расположенное всего в одном квартале от здания СБ по той же Большой Садовой огромное кафе-кондитерская. Прямо на входе меня чуть не сбило с ног чудесным запахом ванили, патоки, взбитых сливок и еще чего-то такого... Не знаю, просто запах счастливого детства какой-то!

— Не знаю, как ты, командир, а я к маме и сестренкам без большого, красивого и вкусного торта из «Колоса» приехать просто не могу. Сам себя уважать не буду.

Возразить на такое было нечего, и пока Толя, по вечной своей привычке, размахивая руками, объяснял молоденькой миловидной продавщице, чего он хочет, я под шумок купил у второй, полной и пожилой, и тут же умял пару обалденных эклеров: один обычный, а второй — присыпанный кунжутом. Потом не выдержал и купил еще четыре — с собой. А шоу у прилавка продолжалось: Толя вещал, а продавщица смотрела на него огромными восхищенными и почти влюбленными глазами. Еще бы — большой, сильный, затянутый в красивую черную форму, на бедре — кобура с пистолетом, из-под лихо заломленного берета — бинты, да еще контрольно-добывающим — шеврон Терского Казачьего войска на рукаве. Герой же, самый что ни на есть настоящий, можно сказать, прямо из боя! И как в такого не влюбиться?! Ну, а если не влюбиться, то просто поглазеть с восторгом.

Наконец, сам того не заметив, окончательно сразив в самое сердце бедную дивчину, Курсант получил огромную коробку с тортом, сдачу и такой взгляд в спину, что будь он

³⁶ БФП — боевая и физическая подготовка.

ледяной статуей — растекся бы в лужу. Эх, Толян-Толян, где ж глаза твои? Или, правда, в Червленной, возле Оксанки Старосельцевой остались?

После того как весь наш арсенал перекочевал в оружейку Управления СБ, свободного места в УАЗе явно прибавилось и торт можно было поставить позади наших сидений совершенно спокойно, не опасаясь, что на него упадет что-нибудь тяжелое и железное.

А потом мы долго петляли по городу. Я уже совсем заблудился в хитросплетениях здешних улиц и улочек, но твердо был уверен только в одном: мы все сильнее забираем на северо-восток, или, как говорят в Ростове — вверх.

— Вот смотри, командир, — сказал Толя, когда мы ехали через какую-то огромную промзону, окруженную пыльными и грязными заборами из бетонных плит, с витками ржавой колючей проволоки поверху. — Вот это и есть «Ростсельмаш», ну, не весь, конечно, весь его только с воздуха разглядеть можно. Но все вокруг — «Сельмаш». Сильно, правда?

— Да уж, — согласился я с напарником, размеры предприятия просто подавляли.

— Кстати, — радостно улыбнулся тот, — а мы почти приехали. Сейчас по этой улице, она, кстати, улицей Страны Советов называется, до площади доедем, а там как раз поворот на Киргизскую. А потом еще чуть-чуть, через площадь Чкалова — и мы дома! Жалко, маманя и Алька еще на работе, одна Манюня дома, если из школы вернулась уже.

— Ничего, Курсант, сюрприз все равно получится отличный, они тебя сколько уже не видели и ничего не слышали? Соскучились, поди, сильно. А тут — такой орел! Только о подвигах своих героических перед матерью языком не лязгай, она и так за тебя переживала — ночей не спала. Так что запоминай: служба у нас — тихая и спокойная, но люди нас уважают. А вот это, — я ткнул его легонько пальцем в лоб, — производственная травма, железяка сорвалась, когда машину ремонтировали. Понял?

— Понял, — враз поскучнел Толя.

— Вот и ладненько. Друзьям потом рассказывай любые байки, но не при матери. А то уши надеру, ты меня знаешь!

Еще через несколько минут мы, и вправду, свернули вправо и выехали из промзоны на вполне обычную городскую улицу: девяти- и пятиэтажные панельные «брежневки», а потом так и вообще частный сектор с его деревенскими домиками, палисадниками и фруктовыми деревьями во дворах пошел. Правда, слегка нарушали эту пастораль сгрудившиеся вокруг небольшой площади десяток пятиэтажек, торговые ряды маленького рынка и школа.

— Миш, давай у школы притормозим, вдруг у Манюньки еще уроки не кончились? — умоляюще заныл мой бравый напарник.

— Ладно, давай притормозим, только как ты ее искать будешь? Школа-то вон какая...

— За это не переживай, есть способ.

Притормозив перед школьным крыльцом, Толя орлом глянул на нескольких сбившихся в кучку и с восторгом разглядывающих нас и нашу машину младшекласников. Вот уверен, больше всего сейчас Толя жалеет об оставшихся в Управлении автоматах и пулемете. Но мелкоте достаточно и того, что они узрели: крутая до умопомрачения машина с открытым верхом, в которой сидят два самых настоящих, судя по шевронам, терских казака. Блин, наверное, я в детстве выглядел бы так же, если б встретил на улице живого Шварценеггера.

— Эй, мальки, Машу Коломийцеву из восьмого класса знает кто? — картинно слегка перегнувшись через борт, спрашивает неподражаемый Курсант.

Несколько голов разом начинают болтаться вверх-вниз, будто у китайских болванчиков.

— Ну, тогда вот ты, — Толя наугад тычет пальцем в просиявшего от оказанного доверия мальчугана, — дуй к ней, скажи — братан с Терского Фронта в гости приехал.

Хлопца будто ветром сдувает. Остальные продолжают восхищенно глазеть, не рискуя ни подойти ближе, ни спросить что-нибудь.

Буквально через пять минут на крыльцо вслед за нашим «трассером»³⁷ выбегает

³⁷ Трассер (армейск. сленг) — посыльный, гонец.

симпатичная девчушка лет тринадцати. Увидев сидящего за рулем Толика, она с визгом бросается к нам. Толян, едва успев выскочить из машины, буквально ловит сестру на лету. Та радостно что-то ему тараторит, а он стоит с героически-глупой рожей и лыбится в тридцать два зуба. Семейную идиллию нам чуть не рушит вышедший следом пожилой высокий дядька в костюме, но без галстука. Я так понимаю, учитель. Так, надо распедаливать ситуацию, похоже, Толина сестренка прямо с урока сбежала. Выхожу из УАЗа и перехватываю мужика перед крыльцом. Козырнув и представившись, беру его под локоть и аккуратно отвожу в сторону от счастливых брата и сестры, которые, перебивая друг друга, выясняют какую-то малопонятную посторонним информацию о многочисленных родственниках.

В общем-то, учитель оказался мужиком невредным, ситуацию понял сразу и даже проникся: действительно не каждый день к ученицам родные братья с войны возвращаются. А в том, что на Терском Фронте война, он даже не сомневается. Говорит, о боях с Непримируемыми в газетах чуть ли не в каждом номере пишут. Пусть и без подробностей, но он сам воевал, и в Крыму, и в Дагестане, так что все понимает...

Одним словом, Машу с уроков он отпустил и даже пообещал на «Сельмаш» дозвониться, Толиной матери радостную новость сообщить. Курсантова сестренка шустро забралась в УАЗ и уселась на ячейках для патронных коробов, подложив под себя наш баул с одеждой. Да, похоже, зря я заднее сиденье в Червленной оставил! Как-то не подумал, что у нас могут пассажиры появиться.

Сестренка у Толи оказалась не только шустрая, но и деловая не по годам. Сначала, забираясь в салон, смерила меня долгим оценивающим взглядом. Ни фиги, ребенок! Уж как минимум женщина-вамп... сопливая. Вот только еще одной Оксаны мне для полного счастья и не хватало! Правда, увидав коробку с тортом, она тут же снова превратилась в девочку-подростка и начала кланяться разрешения отщипнуть кусочек, «совсем малюсенький, никто и не заметит». Тут и пригодились купленные мною в «Колосе» эклеры. И ребенок доволен, и торт цел, ну чем я не царь Соломон? Или кто там у них в древности принимал всех устраивающие решения?

Школьный учитель, похоже, выполнил свое обещание и позвонил на «Сельмаш», потому что мы только и успели, что, доехав до дома, в котором жила Толина семья, загнать УАЗ поглубже во двор, чтобы на проходе не мешался, и занести на веранду свои пожитки, как в калитку вбежали две женщины. Вернее, одна женщина лет пятидесяти, и девушка, примерно Настина ровесница. Все ясно — мама и вторая сестра. Тут Толика начали с визгом тискать уже втроем.

Я тихонечко вышел из дома во двор, прошел в сад и сел на лавку в увитой мелким, скорее всего, винного сорта, виноградом беседке. Черт возьми, у напарника все отлично, так чего же мне так хреново? Почему так саднит в горле и мокро в глазах? Да просто я вдруг вспомнил своих... Оставшихся в Подмоскovie тридцать лет назад... Ведь у нас, когда я возвращался из чеченских командировок, все было почти так же... Твою ж мать! Одна у меня надежда: жили они всего в семидесяти километрах от Москвы, да плюс — пара стратегически важных объектов под боком. Есть шанс, что не мучились, что даже не успели понять, что случилось. Господи, хоть бы так оно и было!!!

— Ты чего там, командир? — окликнул меня вышедший на крыльцо напарник.

— Все нормально, Толь, — с трудом поборол я предательскую хриплость голоса и незаметно сморгнул выступившие слезы. — Просто решил вам не мешать, а заодно — воздухом подышать.

Нечего Курсанту разнюнившегося командира видеть. Я для него должен быть глыбой, несокрушимым, непобедимым и не делающим ошибок. Таким и буду.

— Опять же дом ваш разглядываю. Симпатичный.

Дом у семейства Коломийцевых действительно хороший: пусть и одноэтажный, зато

большой и просторный, с верандой и даже стоящими рядом летней кухней и маленькой банькой. Сам он саманный, а стены снаружи побелены толстым слоем извести. Наличники на окнах и дверной косяк покрашены, как это на юге часто принято, синей краской. Большой двор засажен ягодными кустами и яблонями. Правда, осень уже заканчивается, листья с веток облетают. Но на нескольких яблонях все еще висят крупные яблоки. Скорее всего, какой-нибудь поздний сорт, вроде антоновки. Да на малине ягод полно, но та вообще до морозов плодоносит. Еще дальше, за заборчиком, к которому мы отогнали УАЗ, — огород. Вот, блин, как же они со всем этим хозяйством втроем-то управляются?

— Ладно, командир, пошли, буду тебя с остальной семьей знакомить.

С младшей, Машей, которую вся семья дружно звала Манюней, я был уже знаком. Мама Толи — невысокая и пухленькая женщина лет пятидесяти, со следами былой красоты на лице и натруженными руками (да уж, сразу видно — тяжело женщинам на «Сельмаше», не для них эта работа), представилась Лидией Васильевной. Средняя сестра — симпатичная, серьезная барышня, назвалась Алей, хотя Толя уже по секрету успел мне шепнуть, что вообще-то ее зовут Александра, просто имя Саша она терпеть не может. Ну, Аля так Аля. После взаимных представлений женщины загнали нас в баню, чтоб помылись и не мешались под ногами, а сами развили кипучую деятельность.

Несмотря на то, что в дороге мы не шибко-то и испачкались, да и горячий душ принимали регулярно, упустить возможность попариться в бане — это почти преступление. Опять же, дело это небыстрое — целый ритуал: сперва протопить (благо, дрова нарубленные уже были, а то вообще пришлось бы с них начинать), потом не спеша попариться, а уже потом — мыться. Подметя помывочную и закинув в печь первую партию поленьев, мы с Толей одновременно подумали об одном и том же — о пиве! Решено, едем! Предупредив Лидию Васильевну, что ненадолго отлучимся, запрыгиваем в машину. По дороге Толя все причитает, что, вообще-то, за пивом надо на какой-то ЛеБерДон ехать, там оно самое лучшее, да только далеко очень. Задав пару наводящих вопросов, я выяснил, что ЛеБерДон — это не бар и не ресторан, как мне сначала подумалось, а целый район, состоящий из увеселительных заведений, кафешек, шашлычных и прочих заведений в подобном духе. Веселое, наверное, местечко. Надо будет как-нибудь заехать. А так пришлось брать пиво на том самом рынке, что на площади Чкалова. Мне еще его название странным показалось — «Спектор»... Что значит слово «спектр» — я в курсе, а тут... Хотя, может, хозяин малограмотный был или просто большой оригинал.

Запасшись ящиком холодного пива и большим копченым донским лещом, мы вернулись и продолжили банные хлопоты. Как говорил один мой знакомый: «четырёхкилограммового копченого лещика под пиво усидеть сложно, но оторваться — невозможно». Пока мы, сидя в предбаннике, попивали пиво и обсасывали плавники, хвост и спинку, баня окончательно протопилась. Веники в предбаннике уже были, да и двухсотлитровая бочка с ледяной водой — обливаться — тоже имелаась. Ну, и что еще для счастья нужно?! Часа через четыре, исхлестав до прутьев два березовых и один дубовый веник, скрипящие от чистоты и розовые, как новорожденные поросята, мы выбрались-таки из бани. И не узнали двор.

Тут явно готовилось что-то грандиозное. Прямо под открытым небом уже стояли в ряд несколько сдвинутых столов, накрытых разномастными скатертями. Вокруг — расставлены длинные скамьи и разномастные табуреты. На самих столах уже стоят кое-где тарелки и блюда с какой-то снедью. А по двору шустрят многочисленные и совершенно незнакомые женщины и девушки.

— Ой, мля, — тоскливо тянет напарник. — Соседи... Мать решила всех собрать...

— Да уж, — согласился я. — В воздухе так и витает страшный запах праздника. А мы на нем — два свадебных генерала, главные украшения стола, так сказать...

— Чего теперь делать-то?

— Главное — не мешаться под ногами женщинам, затопчут не разглядев. Пошли, вон, лучше к мужикам, — я кивнул в сторону беседки, вокруг и внутри которой, и правда,

собрались человек пятнадцать парней и дядек всех возрастов, от совсем еще пацанов до дедов.

Подошли, поздоровались, Толя меня всем по очереди представил, народ представился в ответ. Пожали руки. Я, разумеется, почти никого с ходу не запомнил. Ничего, всему свое время!

Нас неспешно, но с интересом начинают расспрашивать о житье-бытье на Терском Фронте. Почетное право рассказывать и отвечать на вопросы я предоставил Толе. Он тут свой да и поболтать любит, вот пусть и отдувается. А я рядом постою, с серьезной физиономией, на контроле, так сказать. Да и к народу пригляжусь заодно.

Первое впечатление вполне благоприятное: серьезные, в большинстве своем взрослые дядьки. Работяги в лучшем смысле этого слова: неторопливые, рассудительные, трезвомыслящие. Парняги помоложе — те, конечно, совсем другие: шустрые, какие-то подшарниренные, этакие живчики. На шпану с заводских окраин похожи, и ею, скорее всего, и являются. Да и плевать, я тоже не в пажеском корпусе детство провел, так что типы подобные мне вполне знакомы. Настроение у них веселое, дружелюбное, так что, думаю, быковать не станут. Особенно при старших. Ну, а если вдруг и решат дурака повалить, так вряд ли что у них выйдет. Знаю я такую породу: подопьют — могут попробовать новенького «на слабо» взять. В том же стиле, что и Толя в свое время в «Псарне». Хотя, может, и не станут. Ладно, глянем...

Пока трепались обо всем и ни о чем, женщины уже и стол совместными усилиями сообразили. Богатая получилась «поляна». Правда, больше с уклоном в рыбную тематику, что, в принципе, и неудивительно — Дон под боком, но и типичные южнорусские мотивы присутствовали. И выглядело это все замечательно, а уж как пахло! Закончившие наконец с сервировкой женщины позвали нас за стол. Если честно, то даже после изобилия у Четверти в «Псарне» я малость растерялся.

Количество и разнообразие рыбы на столе просто поражало: уха из судака, запеченный в сметане с картошкой лещ, балык из сома, тот же лещ, но уже вяленый и почему-то называемый чебаком, вареные раки... А кроме того, несколько сортов соленого и копченого сала (и с чесночком, и с перчиком, и с толстыми прослойками мяса и с тонкими), запеченная под слоем сыра картошка с мясом, а главное — вареники и пельмени. Соленые огурцы и помидоры, квашеная капуста, маринованный чеснок, соленые арбузы — и те были. Я по ним, правда, не любитель, но многим нравятся. Удивило малое количество водки, зато очень много было сухого вина и всевозможных фруктовых и ягодных наливок. Аж глаза разбежались.

Первый тост, как и положено, подняли за знакомство. Толина мама, сидевшая рядом, все порывалась подлить мне водки, но я ее вежливо притормозил, объяснив, что водку не пью и с гораздо большим удовольствием хлопну ее вишневым наливкой. Та ничего не ответила, но, по всему было видно, мой рейтинг как Толиного командира и просто как человека резко пошел вверх. Второй тост пили за возвращение «блудного сына», в смысле Анатолия, которого провожали тем еще шалопаем и который меньше чем через год вернулся настоящим героем. Эх, жаль, «Георгии» наши в штабах подзависли, вот было бы сейчас Курсанту хорошо: и внешне весь из себя героический казак, и боевой орден на груди... Ну, да ладно, Лидии Васильевне переживать меньше: она ведь нам про спокойную службу-то почти поверила, а тут — награда, которую только за отчаянную храбрость в бою и нешуточный подвиг дают. Несостыковочка могла выйти. Третий, в компаниях военных, обычно пьют за погибших товарищей, стоя и не чокаясь. Но тут гулянка шла все-таки сугубо штатская, так что, дабы не портить людям праздника, я встал и предложил выпить за семью и всех друзей такого отличного парня, как Толя. Народ живо сообразил, что выпить предложено за них, тост одобрил и выпил с удовольствием. Потом еще много за что пили, о многом говорили и с удовольствием закусывали. Лично я дорвался до домашних пельменей со сметаной, и, как мне в тот момент казалось, оттащить от тарелки меня будет просто невозможно. Ошибся...

Молодые девчонки о чем-то некоторое время шептались, а потом еще минут пять наперебой что-то доказывали пожилому седоусому деду, которого звали дядя Гриша. Похоже, результата достигли, потому как он на некоторое время из-за стола исчез, а вернулся уже с аккордеоном. И началось! Уж не знаю с чего, но почти все симпатичные девушки чуть не по очереди начали звать меня, старого и объевшегося пельменей, потанцевать. Танцевал я чуть лучше, чем дрессированный медведь на ярмарке, но отказать таким красавицам был просто не в силах. Похоже, это и стало моей ошибкой... Хотя, еще как сказать...

После пятого или шестого «тура вальсу» сбываются худшие опасения, и меня просит отойти с ним в сторонку один из молодых пацанов. Тут-то до меня дошло, что я, похоже, наконец-то влип. Опасности для себя не чувствовал, но, один черт, неприятно. Порадовавшись тому, что кобуру со «Стечкиным» я оставил в доме, выхожу следом за парнем за калитку. Там уже стоят. Пятеро. Да еще этот оболтус, что меня вывел. Итого — шестеро молодых, слегка поддатых дурачков, решивших объяснить пришлому, что девушки заняты. Ой, мля! Балбесы вы, балбесы! Да я это и без вас знал изначально. Но разговором конфликт не загасить — решат, что трусил. Внимательно выслушал весь набор положенных по такому случаю ритуальных фраз из серии «Неча на чужих девок глаз ложить», я вежливо попросил ребят перейти наконец к делу...

Как я и предполагал, драки толком не вышло: было несколько великанских, от уха, замахов кулаками, пара попыток лягнуться ногами и один почти удавшийся таран головой мне в живот. Потом несколькими точными, но аккуратными (не покалечить бы сопляков) ударами я посадил всю компанию задницами в пыль. А пока те сидели и вытирали текущую из носов юшку, я парням объяснил, что девчонки местные — красивые, почти как богини, да вот беда — меня дома ждет невеста. Которую я очень люблю и изменять которой не собираюсь. Побитые прониклись и принялись дружно приносить свои извинения, которые я с удовольствием принял, а потом повел эту гоп-гвардию к ближайшей колонке умываться. Не возвращаться же за праздничный стол с окровавленными рожками. Во двор вернулись уже вполне приятелями, там еще на всех раздавили бутылочку местного весьма недурственного «сухача» «Эрети» в качестве «мировой». Все, вот теперь точно друзья. Мужики годами постарше по одному внешнему виду молодых и моим сбитым кулакам поняли, что произошло, но лишь одобрительно покивали. Ясно, новичок «обкатку» прошел, местные этот факт к сведению приняли. Теперь я тут свой. По крайней мере, на этой улице — точно.

Потом гулянка перешла в ту стадию, когда никто уже толком не помнит, по какому поводу собрались: Толя, отведя пацанов и часть молодых мужиков к беседке, судя по жестикуляции, рассказывал о наших с ним геройских подвигах и, я почти уверен, врал при этом безбожно. Часть дядек постарше уже собрались за столом плотной кучкой и обсуждают какие-то неполадки в третьем цеху и матерно проминают какого-то Цыбулина, который не в состоянии нормально организовать работу. Тот самый дядя Гриша в окружении нескольких пожилых женщин рвал меха и очень громко (хотя и музыкально, этого не отнять) орал про «молодого казака», который, разумеется, «по Дону гуляет». На другом конце стола компания не меньших размеров, но уже без аккомпанемента поет, а уж скорее — спивает что-то по-украински. Сам я украинского не знаю, но звучит красиво, что-то вроде: «Ничь яка мисячна, зоряна, ясна...» Мне кажется, эту песню я когда-то в фильме «В бой идут одни „старики“» слышал. Женщины помоложе и девушки под эту какофонию еще периодически пытаются вытаскивать кого-то танцевать. А я, осоловевший от количества съеденных пельменей и размякший, как хлебная корка в пиве, от здешних сладеньких, но коварных наливок, гляжу на все это дело и улыбаюсь счастливой улыбкой. Последний раз мне было так хорошо... Да я уже и забыл когда. В Червленной, даже во время самых веселых пирушек и концертов в «Псарне» все равно давила и не давала до конца расслабиться сама окружающая обстановка. Горы были рядом, в горах жили враги, готовые в любой момент напасть, и все это знали. А тут — простая и бесхитростная атмосфера безудержного, почти деревенского веселья. И ничто не висит, подобно дамоклову мечу, над темечком. Хорошо!!!

Отказавшись еще от двух весьма настойчивых предложений потанцевать, я потихоньку слинял из-за стола в отведенную нам на двоих с Толей комнату. Как ни крути — почти двое суток дороги, две ночевки в солдатских казармах. Одним словом, подустал я немного. А тут еще и баня, и наливки эти... Сил хватило только на то, чтобы раздеться и рухнуть на кровать.

А вот проснулся я все равно в половине седьмого. Привычка — штука страшная, особенно, если она, что называется, въевшаяся. Помнится, после срочной службы я еще почти полгода в шесть утра как от пинка вскакивал, вне зависимости от того, во сколько и в каком состоянии лег. Так и тут, организм сам услужливо подсказал: «Хозяин, пора на пробежку». Минуты полторы яростно боролся с охватившей меня вдруг ленью, которая просто шептала на ухо сладким голоском: «Да ладно тебе, поспи еще, сделай себе выходной!» Но, в конце концов, собрал всю оставшуюся силу воли в стальной кулак и придушил гадину в зародыше... Ибо — нефиг! Именно из-за этого сладкого голосочка я в свое время в краткий промежуток между службой в армии и ОМОНОм забросил спорт и набрал почти десять кило «дурного мяса»... Потом, уже в Отряде, поначалу было очень тяжело. Так что — нет! Никакой слабину. Бегаем — значит, бегаем.

Толя в очередной раз порадовал: стоило мне встать и начать шебуршиться в бауле, в поисках маскхалата и «спортивных» сапог, как он тут же открыл глаза.

— На зарядку, командир?

— Угу, только тихонько, не разбуди никого.

Напарник тут же вскочил и тоже начал собираться. Вот что значит молодость, аж завидно становится! Ведь лег вчера (а вернее, уже сегодня) куда позже меня, а выглядит — как огурец! Хотя он, помнится, на спиртное вчера, как и я, не шибко налегал.

— Сколько бежим-то? — интересуется Толя, когда мы, умудрившись-таки не разбудить остальных обитателей дома, выбрались во двор и умываемся у колонки.

— Черт его знает, — честно отвечаю я. — Расстояний я тут не мерил, так что, думаю, просто по времени... Полчасика средним темпом вокруг квартала, а потом к школе свернем, я там спортгородок видел: и турник, и брусья, и скамья для пресса есть.

— Понял, — покладисто отвечает он.

— Ну, раз понял, тогда — вперед!

Бежать по утренней прохладе легко и приятно. На улицах — ни души. Оно и понятно: утро первого выходного дня в рабочем квартале. Все отсыпается после тяжелой трудовой недели и не менее тяжелого пятничного вечера. Оно и к лучшему. Это в Червленной к нам уже все привыкли и внимания не обращают, а тут — чего зря народ пугать? Сами представьте: раннее утро, только-только рассветать начинает, а по улице два громилы в камуфляже несутся, сапожищами грохоча. Оно нам надо, за чей-то сердечный приступ отвечать?

Когда мы вернулись с пробежки, выяснилось, что Лидия Васильевна и девчонки уже встали и даже начали приводить двор в порядок после вчерашнего. А к тому моменту, когда мы, отфыркиваясь, будто пара моржей, мокрые и довольные вылезли из-под колонки, которой воспользовались вместо душа, они уже собрали на стол и позвали нас пить чай. С тем самым тортом. Мы быстро вернулись в комнату, переоделись в чистые запасные футболки и штаны от «горок» и пошли к столу. Кстати, надо будет у Толиной мамы после обеда какую-нибудь емкость выклянчить да стиркой заняться, а то чистой верхней одежды, кроме форменного прыжкового костюма, и не осталось, считай.

А торт оказался замечательный. «Наполеон», я его с раннего детства люблю, еще с тех пор, когда торты на праздники все сами пекли, а не в магазинах покупали. Этот был ничуть не хуже: высокий, коржей десять, не меньше, густо пропитанный кремом, сгущенным молоком и еще чем-то. Причем коржи через один оказались коричневыми. Кофейные? Быть не может! Откуда?! Правда, почти сразу я снова вспомнил свое босоное детство, пионерский лагерь, стакан кофейного напитка «Кубанский» или «Летний» из жженого ячменя на завтрак. Не йменская робуста, конечно, но и ничуть не хуже того же «Кафе Пеле», которое один мой

друг вообще называл «пылью колумбийских дорог» и, думается мне, был недалек от истины. Уж чем-чем, а кофе тот порошок точно не был.

Одним словом, чаепитие удалось. Лидия Васильевна все подливала чаю и подкладывала куски торта на блюдца, Аля с Манюней что-то наперебой тараторили, Толян балагурил и рассказывал какие-то совершенно завиральные, но смешные байки якобы из жизни наемников. А я молчал. Мне просто приятно было их слушать. Вообще, у ростовчан оказался удивительно приятный для слуха говор, это я еще вчера подметил. Очень мягкий, певучий, чем-то похожий на украинский, с этим неповторимым южным звуком «Г», больше смахивающим на «Х», но зато без этого вульгарного украинского «шоканья». А еще я заметил, что Толя, разговаривавший в Червленной почти нормально (видно, попривык за год), тут же начал изъясняться так же, как и родственницы. Вот что значит — домой вернулся!

Потом толпой пришла вчерашняя молодежь и Толик, спросив у меня разрешения, смылся с ними. Нет, меня тоже звали, но я, во-первых, все-таки для их компании староват, а во-вторых, пришла наконец пора приводить в порядок свой гардероб. Это напарнику хорошо: озадачил мать и сестер, они ему все постирают. Я же себе такого хамства позволить не могу. Поэтому, попросив мыла и щетку, я собрал в кучу все свое барахло и отправился в баню, где и тазы подходящих размеров были, и горячая вода в баке после нашего вчерашнего купания еще осталась. Лидия Васильевна было попыталась намекнуть, что постирать мои вещи и они могут, но мне эта идея совсем не понравилась. Еще не хватало, чтобы в гостях хозяйки дома мне грязные портки стирали! Примерно в этом духе, правда, помягче, я и ответил. Но Толина мама тоже оказалась крепким орешком. Даже мое уверение, что я свои вещи не отдал бы стирать даже родной матери, разбилось о железобетонный аргумент: «А что про нас люди скажут?!» Негодования в голосе было столько, что я понял — спорить дальше бесполезно. Сошлись на совместной работе: я стираю свое белье и «горку», все равно женщины их стирать не умеют, все норовят в горячую воду засунуть, а их в холодной надо, щеткой и мылом. Все остальное отдал «на растерзание» хозяйке. После совместной постирушки помог навести порядок во дворе, даже отнес пару столов и несколько лавок соседям, у которых их брали взаймы. А после обеда — валял дурака: завалился на брезентовой плащ-палатке в саду под яблоней да сочными кисло-сладкими яблоками хрустел. Очень надеялся, что в таком ключе у меня выходные и пройдут: буду бездельничать да фруктами и домашними вкусностями объедаться. Ага, щаз! Размечтался! Хорошо Толе — он с утра опять с друзьями куда-то слинял, а мне все воскресенье пришлось исполнять роль то ли медведя в зоопарке, то ли музейного экспоната. Народ во двор просто толпами валил: то забегали знакомые Лидии Васильевны, почти все — за солью, то Алины подруги, по каким-то своим таинственным девичьим надобностям, то Манюнин класс примаршировал, похоже, в полном составе, будто уроки им больше делать негде... И все просто жаждали познакомиться с героическим мною, ну, или хотя бы издали поглядеть! И как я этот цирк пережил — ума не приложу. Похоже, спасли ситуацию только моя врожденная вежливость да закаленная на службе многими митингами и маршами всяческих «несогласных» выдержка. Одно хорошо — и фруктов, и вкусняшек разных я налопался до отвала.

А в понедельник с утра мы снова стояли перед дверями все того же кабинета в сером каменном здании на Большой Садовой. Правда, к генералу нас в этот раз не пустили. Вышедший после совещания в толпе прочих офицеров Григорьев сразу увел нас к себе.

— Вот что, господа хорошие, — решительным тоном начал он. — Просто так, без дела, я таким ценным кадрам, как вы, сидеть не позволю. Готовы к работе?

— Разумеется, — ответил за нас обоих я. — Вот только хотелось бы узнать, что делать нужно?

— Есть у нас в городе одно подразделение — ОРСН. Отдельная рота специального назначения. Задачи у нее простые и незатейливые как гвоздь: они осуществляют силовую поддержку обычных сотрудников Управления общественного порядка. Там, где не

справляются простые опера, — вступает в дело ОРСН: задерживают особо опасных и вооруженных преступников, обезвреживают организованные преступные группировки, освобождают заложников...

Я лишь покачал головой и улыбнулся.

— В чем дело? — заметил мой жест полковник.

— Да практически ОМОН или даже СОБР... — вырывается у меня.

— Ничего себе познания у вас, молодой человек! — Григорьев явно удивлен. — И откуда, если не секрет?

— Учителя у меня в свое время хорошие были, — тут же отвечаю я, в очередной раз мысленно обматерив себя за несдержанность. — Многого знали, многое сами умели, вот и набрался.

— Что ж, повезло вам, товарищ лейтенант, с учителями, — продолжил полковник. — Да, задачи ОРСН очень похожи на те, что выполняли в свое время ОМОНЫ и СОБРы. Разве что всякими массовыми мероприятиями не занимаются, у нас для этого другие люди есть.

Позавидовав ростовским коллегам, избавленным от необходимости «бодаться» с не всегда адекватными футбольными фанатами и абсолютно неадекватными «несогласными» всех мастей, я решил задать Григорьеву еще один вопрос:

— Товарищ полковник, а чему мы должны будем их учить? Я так понял — подразделение, можно сказать, элитное, да еще и столичное. Думается мне, они и без наших инструктажей любого жулика спеленают и любую банду схарчат — только хруст стоять будет.

— Так и есть, — улыбается Григорьев, ему явно приятно слышать подобную оценку своих подчиненных. — С уголовниками они справляются отлично. Организованной преступности в Ростове-на-Дону, благодаря их усилиям, практически не осталось, не то что лет пятнадцать назад. Но есть у них существенный пробел в подготовке, причем, судя по рапорту капитана Костылева, именно в этой области, лейтенант, вы являетесь очень хорошим специалистом.

Я с недоумением смотрю на полковника. Это чему ж такому я могу обучить матерых оперов местного «полицейского спецназа»?

— У моих парней лишь самые расплывчатые представления о тактике городского боя, — продолжает Григорьев.

Вот это ни фиги себе заявочка! Это с кем же он собирается в городе воевать силами этой своей отдельной роты? Уж не государственный ли переворот товарищ полковник замышляет? Э, нет, что-то мне в таком мероприятии участвовать неохота, даже в роли инструктора. В этом духе я и высказался. Григорьев, услышав мои слова, хохотал до слез.

— Ну, лейтенант, я из рапорта знаю, что у тебя хорошие аналитические способности, но такого вывода, признаться, даже не ожидал! Нет, можешь не волноваться, ничего противозаконного. Просто я считаю, что моим парням такая подготовка не помешает.

Что ж, остается только поверить полковнику на слово и поинтересоваться, когда нужно приступить.

— Да прямо сегодня и приступайте. В роте четыре взвода, службу они несут сутки через трое. Тот взвод, что сегодня сменился, — в вашем полном распоряжении до шести часов вечера. Завтра будете работать со следующими, и так — по кругу.

— Где будут проходить занятия? Полигон нужен, пусть даже самый маленький. И стрельбище.

— База роты — на Военведе, там у них и стрельбище, и здание для тренировок по освобождению заложников, думаю, для занятий будет достаточно. Вы на машине? Я проеду с вами: и дорогу покажу, и командир роты вас представлю.

С командиром ОРСН капитаном Веденевым мы общий язык нашли сразу. Видимо, он внутренним чутьем почуял во мне родственную душу. Потому и обошлось без почти неизбежных в таких ситуациях стычек, когда подразделение проверяет неизвестно откуда нарисовавшегося инструктора «на слабо». Ну, и хорошо. На все эти «обнюхивания» и

выяснения, у кого яйца больше и крепче, порой уходит слишком много времени и сил, которые можно потратить на что-то более важное. Так что лучше обойтись без них.

Первое занятие с каждой группой я решил посвятить проверке уровня их подготовки. И физической, и огневой, и тактической. Результатами остался доволен: и бегали ребята хорошо, и стреляли, и о работе в двойках-тройках представление имели, и языком жестов владели. С такими работать — одно удовольствие. Вот я и работал. Учил армейской, а не антитеррористической методике зачистки зданий и помещений, когда нет необходимости беспокоиться о безопасности заложников, а нужно просто убить всех, кто находится внутри, быстро и желательно без потерь со своей стороны. Учил правильно двигаться вдоль улицы: по обеим сторонам, прикрывая друг друга крест-накрест, когда группа, идущая слева, контролирует окна и крыши домов справа, и наоборот. Учил досматривать и зачищать дворы в частном секторе, когда из-за сложной, порою непредсказуемой планировки выстрела можно ждать откуда угодно, и нужно быть предельно осторожным и внимательным. Показывал, как взаимодействовать с бронетехникой, когда пехота прикрывает от вражеских гранатометчиков танк или бронетранспортер, а при необходимости сама укрывается за ними и ждет, когда «броня», в свою очередь, подавит обнаруженные пехотой огневые точки и опорные пункты обороны противника. Основные принципы корректировки огня артиллерии и наведения авиации я тоже объяснял. Учил наводить по ориентирам и по «улитке». Словом, учил всему тому, чему научился за долгие годы своей службы. А больше всех гонял напарника. Когда еще такая оказия подвернется? И полигон, и техника, и прочая матбаза, и патронов на стрельбы не жалеют, а главное — есть массовка. Это вам не вчетвером в старом сарае Кузьмы штурмовую группу изображать! А из Толи я планирую в скором времени сделать не только бойца, но и командира как минимум взводного уровня. А то мало ли, как жизнь повернется? Начали тут в моей голове потихоньку зарождаться кое-какие планы на будущее. Не век же вдвоем с Курсантом по горам бегать? Есть идеи и получше...

Таким вот образом и пролетели у нас почти две недели жизни. Днем мы тренировались, вечером Толя устраивал экскурсии по своему родному городу, который мне с каждым днем нравился все больше. Его улицы, на которых, как, впрочем, почти везде, где до этого побывал, почти не было машин, но по которым с задорным дребезжанием носились по рельсам трамваи и — я сперва даже глазам своим не поверил — лихачи-извозчики. А еще было очень много людей на велосипедах, глядя на них, я даже вспомнил кадры из программы «Время» годов восьмидесятых, когда показывали Пекин и его просто запруженные велосипедистами улицы. А что, поди, плохо? Сам себе извозчик: быстро и бесплатно, и кормить такого «коника» не нужно. Похожий на уменьшенную копию московского храма Христа Спасителя центральный кафедральный собор, окруженный, по какой-то странной прихоти градостроителей, большим и шумным центральным рынком. Многочисленные парки и скверы. Памятники. Заселенная преимущественно армянами, но армянами местными, коренными ростовскими, Нахичевань с ее шашлычными на каждом углу. А в каждой — видов по двадцать шашлыка, хачапури с соленым сыром, отличное домашнее молодое виноградное вино. Развеселый ЛеБерДон — левый берег Дона. Этаким местный Бродвей. Или Арбат... Нет, оба сравнения не совсем удачные. Словом, ЛеБерДон — это довольно большой район, состоящий из одних только развлекательных заведений, кафе, ресторанов и прочего в этом же духе. Почти Лас-Вегас, только маленький и игорных заведений куда меньше.

Чаще всего компанию нам составляли парни и девушки из числа Толиных друзей. Первые пару дней впечатленные нашим крутым видом, свободно носимыми везде пистолетами и «прокачанным» УАЗиком, парни начали было выяснять, а как можно попасть к нам на Терской Фронт. Отвечать за жизни этих балбесов перед их родителями мне совершенно не хотелось, и однажды, выбрав момент, когда девушек рядом не было, я им просто показал на экранчике фотоаппарата результаты наших с Курсантом «художеств». Причем специально выбрал самые жуткие. А потом от себя добавил, что потери среди наемников-новичков очень велики, и Непримиимые вытворяют с ними почти то же самое, а

порой и хуже. Вид после этого просмотра ребяташки имели весьма бледный, походку — макаронную, в наемники им явно расхотелось, зато авторитет и мой, и Толяна взлетел просто до небес.

Кроме того, я умудрился подружиться с дежурным связистом в Управлении, выяснил позывной узла связи в Комендатуре Червленной и с наглой рожей поздними вечерами связывался через ЗАСовскую аппаратуру с дежурящей у себя на узле Настей. Согласен, нарушение. И если б поймали — взгрели по полной. Но ничего поделать не мог — скучал, а потому раз за разом шел на должностной проступок, обдуманно и целенаправленно.

А потом, одной далеко не самой прекрасной ночью, мне приснился яркий и пугающе реалистичный сон. Я, одетый в «горку» и черную бандану наемника, стою на трибуне перед строевым плацем, а по плацу, печатая шаг, будто на параде, проходит мой Отряд. В парадной сине-серой форме, с оружием, при орденах и медалях. Проходят мимо, держа равнение на трибуну, на которой, кроме меня, никого нет. Я смотрю на лица давно погибших друзей, а они, четко держа равнение направо, проходят вперед и исчезают. Следом за колонной бойцов ОМОН видна другая — в армейском камуфляже и с шевронами Внутренних войск, возглавляемая широкоплечим лейтенантом в краповом берете. Идущие за ним солдаты — куда моложе моих товарищей, почти мальчишки, но лица у них суровые и серьезные. Я понимаю, что все они куда-то уходят, причем навсегда, и страшно боюсь остаться один, без их поддержки. А еще не могу понять, почему они уходят.

— Так ведь сегодня сорок дней, Миша, — раздается у меня за спиной тихий и спокойный голос Бати — командира Отряда полковника Львова.

Я резко оборачиваюсь и вижу, что он стоит чуть позади меня. Все такой же: широкоплечий, с пудовыми кулаками и большой, обритой наголо головой на мощной шее. Хотя нет в нем прежней лишней грузности, Батя явно помолодел и скинул пару десятков лишних килограммов. На нем, так же как и на остальных, парадная «Ночь-91М»,³⁸ на груди — внушительный «иконостас» наград. На бедре — «Стечкин» в деревянной лакированной кобуре.

— Сегодня ровно сорок дней, как ты нас похоронил, — продолжает он. — И теперь мы все можем идти. Нас уже давно ждут. А мы просто решили поблагодарить за то, что ты для нас сделал, ну, и попрощаться заодно.

— Товарищ полковник... Алексей Андреевич... А как же я теперь, без вас-то? Может, мне лучше с вами?

— Да ты и раньше со всем сам отлично справлялся. А теперь еще и помощь к тебе скоро придет. Главное — держись и жди. Приказ понял, прапорщик Тюкалов?

— Так точно, товарищ полковник!

— Ну, тогда прощай, Миша. И, знаешь, не стоит тебе за нами спешить. Лучше поживи еще. Удачи!

Львов вскидывает ладонь к обрезу берета в воинском приветствии и исчезает.

В этот раз я просыпаюсь совершенно спокойно. Просто открываю глаза и смотрю в серую предрассветную серость за окном. И пытаюсь понять, что же означают странные слова командира о помощи, которая скоро придет.

Где-то к середине третьей недели нашего пребывания в Ростове погода вдруг резко испортилась. Начались холодные затяжные дожди, температура упала градусов до пяти тепла. В ответ на мою ругань Толя только спокойно заметил, что в этом году с погодой еще повезло, обычно к десятому числу уже такая ерунда начинается. Но на интенсивность занятий погода никак не повлияла, скорее наоборот, парни только злее и резче были.

Двадцатого ноября, где-то к обеду на полигоне, где подчиненный мне взвод, поделенный пополам, «играл в войнушку»: одна группа обороняла дом, вторая, при

³⁸ «Ночь-91М» — сине-серый «городской» камуфляж ОМОН, который надевается только во время выездов на массовые мероприятия, а также используется как парадный.

поддержке старенького БТР-80 из учебной группы, пыталась взять здание штурмом, появились новые, мне ранее незнакомые люди. Приехали на двух новых внедорожниках «Дон», действительно здорово похожих на тюнингованный ГАЗ-69, остановились поодаль и наблюдали. Когда тренировка закончилась (нападавшие, пусть и с потерями, но уничтожили всех оборонявшихся), я отправил бойцов мыться и переодеваться, а сам направился к приезжим, по дороге внимательно их разглядывая и пытаясь понять, кто они такие. Четверо: крепкие, жилистые, но без лишней массы фигуры. Одеты почти в такие же черные прыжковые костюмы, что и у меня, но без каких-либо знаков различия. Лица открытые, их можно было бы даже назвать приятными... Но уж больно жесткие складки залегли возле губ и глаз. И еще — глаза, в которых буквально плавают льдинки. Жесткие дяденьки. При этом меня не покидает стойкое ощущение, что я их (или похожих) где-то уже видел.

— Очень неплохо, я бы даже сказал — отлично, особенно учитывая, что инструктор — талантливый дилетант-самоучка! — вместо приветствия говорит один из них, видимо, старший, когда я подхожу вплотную.

Я наконец вспомнил, кого мне эти хлопцы напоминают. Бойцов «Вымпела», с которыми у нас в Подмосковье проходили совместные тренировки и учения. Эдакие «казаки-разбойники», мы их искали, они от нас прятались, при этом мы еще старались друг друга условно уничтожить. Веселые деньки были!

— Дилетант-самоучка с точки зрения кого? — улыбаюсь я, уже точно зная, кто такие эти парни, а потом спрашиваю в лоб: — Краснодарский ЦСН?³⁹ Вы, ребята, из «А» или «В»?⁴⁰

— Ну, ты погляди, — старший из приехавших смотрит на меня с веселым изумлением. — Не соврал Григорьев — действительно уникум! И в тактике силен, и с головой дружит. И много вас там таких, на Терском Фронте?

— Хватает. Было б мало, так с Непримируемыми давно бы вы воевали, причем на улицах своего Краснодара. Так что, угадал я?

— Угадал. Мы из Краснодарского ЦСН, подразделение «В».

Спецназовцы по очереди представляются, жмем друг другу руки.

— И какими судьбами к нам? — интересуюсь я. — Что, полковнику не понравилось, как мы работаем? Решил на вас заменить?

— Нет, — улыбнулся старший, представившийся Андреем. Мы тут по своим делам, тоже в командировку. Вот приехали в СБ на учет вставать, да от Григорьева о тебе слышали. Причем много хорошего. Вот решили заехать, поглядеть.

— Ну и как?

— Честно? Впечатляет. Некоторые огрехи есть, конечно, но это с нашей точки зрения. Опять же, личный состав у тебя хоть и толковый, но все-таки не этому изначально обученный. Так что — очень неплохо.

— Спасибо! — услышать такую оценку от бойцов «Вымпела», скрывать не буду, приятно. — А сами вы, если не секрет, в Ростове какими судьбами?

— Да, собственно, по тому же вопросу, что и ты. Инструкторами. Правда, не в СБ, а к армейцам. Тут же, на Военведе, недалеко от вас десантно-штурмовой батальон рядом с «Северным»⁴¹ стоит. Вот, приехали тамошних офицеров натаскивать, а уж бойцов своих они сами гонять будут.

Нахальная мысль сверкнула в голове.

³⁹ ЦСН — Центр специального назначения ФСБ в Краснодаре. База спецподразделений ФСБ.

⁴⁰ «А» и «В» — подразделения спецназа ФСБ «Альфа» (антитеррористическое) и «Вымпел» (разведывательно-диверсионное).

⁴¹ «Северный» — военный аэродром Ростова-на-Дону.

— Мужики, а заниматься вы с ними когда будете?

— Да с завтрашнего дня, а что?

— Нет, я имею в виду, в какое время?

— Аааа, — снова улыбается, догадавшись, Андрей. — Хочешь себе местечко занять?

— Не только себе, двое нас.

— Ну, мы, в принципе, не против. Занятия все равно в вечернее время, так что вашим здешним тренировкам не помешают. Вот только потянете ли? У вас тут, как я погляжу, нагрузки серьезные, не в бирюльки играете. И у нас тренировки тоже жесткие.

— Ну, хотя бы попытаемся.

— Добро, только с Григорьевым согласуй.

Согласовывать пришлось в результате не с Григорьевым, а со Стеценко. Генерал к моей идее отнесся скептически. Все ж таки целый световой день физических нагрузок — не фунт изюма. Но в конце концов согласился, правда, предупредив, что, если снизится качество подготовки бойцов ОРСН, о совместных занятиях с «Вымпелами» придется забыть. Я с радостью согласился. Рано радовался...

Как показало время — идея эта действительно была далеко не самой удачной из всех, что мне приходили в голову. Инструктора из Краснодара гоняли офицеров ДШБ и нас с Толей за компанию до седьмого пота. Работали они, конечно, красиво. Вроде — почти все то же самое, чему меня учили в армии и ОМОНе... Но какая слаженность действий! Какая скорость исполнения! Какая техника!!! Казалось, парни не делали ни одного лишнего движения, обстановку вокруг они не просто контролировали, они ее чувствовали. Одним словом, как бы я ни старался, но до их уровня мне подниматься еще очень долго. В общем, не вышло у нас с Толей перенять передовой спецназовский опыт. Курсант «спекся» на четвертый день — просто сказал мне после вечерней тренировки:

— Прости, командир, но я не тяну. Еще одна тренировка вечером, и я просто не смогу встать на утреннюю. Так что я — пас.

Сам я протянул десять дней, но в конце концов понял, что чувствую то же самое, что и напарник. Еще одно занятие с «Вымпелом», и я просто физически не смогу встать утром на тренировку с ОРСН.

После окончания занятия подошел к Андрею, извинился и сказал, что больше к ним приходить не буду, мол, сил больше нет. Тот только рассмеялся в ответ:

— Миша, я, между прочим, на вас обоих у Григорьева ящик коньяку выиграл. Тот сказал, что мальчишка твой не выдержит и пары дней, а ты — сломаешься через неделю. Так что даже не комплексуй! Уровень у вас двоих — более чем приличный. С нашим, конечно, не сравнить, так мы сколько лет тренируемся...

— Тогда вот что мне скажи, — глядя прямо ему в глаза, спрашиваю я. — Почему вы только тренируетесь? Весь ЦСН ваш, в полном составе, ДШБ этот местный... И ведь он не единственный, так? Почему на Терском Фронте гибнут сопливые мальчишки, по сравнению с которыми я — просто машина для убийства? А вы, способные меня сломать пополам чуть ли не двумя пальцами, прошедшие Крым, Украину, Дагестан... Где вы там еще повоевать успели?! Почему вы тут, в тылу?! Почему?!!!

Он долго молчит. Желваки зло гуляют под кожей. Потом твердо смотрит на меня и отвечает:

— Запомни, лейтенант, я тебе ничего не говорил. Ты — ничего не слышал. То, что там у вас происходит, — не просто так. Очень скоро все изменится, изменится очень круто. И пока еще есть время, мы готовимся к этим изменениям сами и готовим всех, кого можем, на кого хватает сил: десантники, горно-штурмовые части, армейские разведроты и разведбаты... Даже ты готовишь, хотя и не понимаешь зачем. Продолжай готовиться сам и готовить людей. И жди. Понял?

Его слова и интонации настолько напомнили мне Батю из недавнего сна, что я просто не нашелся, что ответить. Только молча кивнул и, попрощавшись, поехал отдыхать. Завтра у нас с парнями из ОРСН было занятие по захвату и удержанию плацдарма.

На тренировки с «Вымпелами» мы больше не ходили, но зато начали гонять своих подопечных из ОРСН с удвоенным усердием. Бойцы роты и так на слабость нагрузок не жаловались, а теперь так просто на четвереньках с тренировок уползали. Но зато и Григорьев, и Стеценко были результатами очень довольны. А в самом конце ноября в Управлении приключился маленький переполох: пришли наши наградные листы и ордена из Ханкалы, подписанные и утвержденные. Хотя мы и не были постоянными сотрудниками Управления, но все же были к нему прикомандированы, поэтому награждение сделали торжественным, в большом актовом зале Управления: проводил его лично начальник, генерал-майор Стеценко. В тот день отменили тренировки, и в актовом зале собралась вся рота специального назначения и еще много разного народа. Нас с Толей посадили в первом ряду, чтобы мы смогли быстро выйти на сцену, когда объявят наши фамилии.

Первым вызвали Курсанта. Он четко и без запинки доложил (еще бы, вчера весь вечер под моим руководством по комнате маршировал под хихиканье сестер). Стеценко почти не заглядывая в бумажку объявил, что за мужество и беспримерный героизм, проявленные в боях с врагами Республики, а также за прочие военные заслуги сержант СБ Коломийцев награждается орденом «Святого Георгия Победоносца» третьей степени. С этими словами он приколот к Толиной куртке красивый белый эмалевый крест на полосатой черно-оранжевой колодке. Круглый медальон в центре креста, в котором был изображен быющий копьем дракона всадник, был темно-бронзового цвета. У «Георгия» второй степени он — серебряный, у первой — золотой. Толя пожал генералу руку, четко повернулся к залу и вскинул ладонь к обрзу берета:

— Служу Республике!

Когда аплодисменты стихли и Толя вернулся на свое место, вызвали меня. Сначала генерал слово в слово повторил все то, что говорил Анатолию, повесил награду мне на грудь, и я уже было собрался громко сообщить, что тоже служу Республике, но меня остановил второй лист бумаги в руках генерала.

— Это еще не все, товарищ лейтенант, — генерал мельком глянул в лист наградного. — Здесь сказано, что некоторое время назад, будучи еще прапорщиком, лейтенант Тюкалов совершил еще один подвиг, за который был представлен к высокой правительственной награде — ордену Мужества.

Представление было утверждено, но по ряду независимых от него причин прапорщик Тюкалов так и не смог получить заслуженную награду. К сожалению, тут сказано, что дата и точные обстоятельства подвига засекречены, но, думаю, вы, товарищ лейтенант, и так прекрасно знаете, за что именно были награждены, а мы просто порадуемся за то, что в наших рядах служат подобные вам герои. Поздравляю вас!

И рядом с «Георгием» он приколот на мою куртку еще и крест Ордена Мужества. Елки-палки, а вот это-то они каким образом крутанули? Хотя орден-то мне на самом деле тогда дали, пусть и посмертно. Да уж, блин, вполне уважительная причина, по которой я не смог его сам получить! Документы на него в Ханкалу приходили. А теперь, как говорится, награда нашла героя. А чтобы лишних вопросов у людей не возникало, все обстоятельства, не мудрствуя лукаво, просто объявили секретными. Нет, приятно, конечно, но только за какие такие заслуги? Неужели за сумку с документами? А что — возможно! А как же тогда Толя? Что, как молодого решили «прокатить»? Жаль, если так, но — бывает. Хотя, если его внимание на этом не заострять, то он и не заметит. Он, вон, и из-за «Георгия»-то сверкает, будто начищенный самовар.

В свою очередь, пожав генералу руку и гаркнув: «Служу Республике!» — я вернулся на свое место.

М-да, если честно, то не думал я, что все так кончится. Нет, поначалу все было отлично: мы с Толей, слегка обмыв награды в небольшой шашлычке в Нахичевани, вернулись домой чуть позже Али и Лидии Васильевны. В первый момент ордена вызвали ту реакцию, на которую мы и рассчитывали: восхищенные охи-ахи, писк-визг, все — как положено. А вот потом Толина мама, женщина далеко не глупая, внезапно вспомнила, за что

на Терском Фронте могут наградить таким орденом, а еще — наше дружное вранье про «тихую спокойную службу». И понеслась... Как там в песне?

Ревела буря, гром гремел,
Во мраке молнии блистали...

Ну, Лидия Васильевна не ревела, она просто очень громко кричала, гремела мебель, которую опрокидывал Толик, бегом спасаясь от превратившейся в фурию мамы. А блистали вовсе не молнии, а ярко-синяя женская резиновая галоша, намертво зажатая в кулаке. Этой самой галошей Лидия Васильевна и лупцевала любимого сына по тем местам, до которых могла дотянуться. Да уж, все было бы страшно, если б не было так смешно: Толя носился кругами по комнате, аккуратно, чтобы не зацепить ненароком мать, отмахивался руками и причитал на бегу:

— Мамуль, ну ладно тебе! Ну, перестань, мамуль! Мамуль, да хватит уже!!!

Позади, подпрыгивая на бегу, будто футбольный мячик, неслась вооруженная галошей низенькая и полная Лидия Васильевна, периодически наносящая своим «оружием» звонкие удары по спине, плечам, голове, а иногда и просто по заднице любимого сыночка, грозно при этом крича:

— Толька, гад, стой немедленно!! Стой и на меня смотри, когда с матерью разговариваешь!!! Что б тебя разорвало, звиздюк ты малосольный!!! Ты кому, негодь, врать надумал? Родной матери?! Да я тебя сейчас сама прибью, чтоб ты мне нервы не мотал!!! Я тут ночей не спала, переживала, как там кровиночка моя? А кровиночка, свин этакий, матери в глаза врет и не краснеет! Убью, паразита!!!

Манюня и Аля, покатываются со смеху, благоразумно выскочив в соседнюю комнату. Я бы и рад к ним присоединиться, выглядит все и впрямь донельзя комично, но боюсь попасть под горячую руку. Я ведь, получается, тоже врал, галошей по башке мне что-то сегодня неохота... Поэтому наблюдаю за происходящим с каменной физиономией. Потом запал у Лидии Васильевны прошел: она отбросила в угол несчастную галошу, села на чудом устоявшую табуретку и разрыдалась. Толя тут же перестал изображать бегуна на длинные дистанции с препятствиями и бросился ее утешать. Сестры кинулись ему на помощь. Вот теперь мне тут точно делать нечего. Стараясь не привлекать внимания, выскальзываю на веранду. Минут через двадцать ко мне присоединяется Курсант.

— Отошла вроде. Поплакала и успокоилась, — только и успевает сказать он, как следом выходит и сама Лидия Васильевна.

Та подходит ко мне, долго смотрит в глаза.

— Я всю жизнь знала, что этот балбес непутевый в отца пойдет. Андрею-то, покойному, тоже спокойно на заводе не работалось, в армию пошел да в Крыму и сгинул... Правда, товарищи его потом приезжали, много хороших слов говорили, что, мол, погиб, гранату собой накрыл. Восемь человек от верной смерти спас. Вот они все ввосьмером после и приезжали. Дом нам чуть не заново отстроили, пенсию в военкомате пробили... Тогда с этим тяжело было, потери-то большие были. Но его командир, говорят, нашему бывшему военкому рожу разбил и такую бучу поднял, что того с должности выгнали... Но ведь ни дом, ни пенсия мне мужа не вернут. Миша, постарайся мне хоть сына уберечь. Ты хороший человек, я вижу, как те мужнины друзья-фронтовики, за своего друга кого угодно в землю вгонишь... Так сбереги мне его, хорошо?

Блин, у меня аж комок в горле встал, и рад бы ответить, да слова сказать не могу. Только молча киваю в ответ. Но ей, похоже, слов и не нужно. Она и так все поняла. Легонько взъерошив мой слегка уже отросший «ежик», она тихо уходит, и мы остаемся с Толяном вдвоем. Говорить не хочется, да и нечего тут говорить. Едва ли не в первый раз в жизни я жалею об отсутствии сигарет и о том, что не курю. В общем, постояли мы с напарником на веранде, помолчали, да так и пошли спать. Одно только я для себя понял: что теперь, вспоминая глаза Лидии Васильевны, я за этого оболтуса буду глотки рвать, не задумываясь.

С одной стороны, прекратив тренировки с инструкторами из «Вымпела», мы с напарником проявили слабость. С другой — если бы продолжили по-прежнему работать на износ, то неизбежно ухудшилось бы качество занятий, что мы проводили с операми ОРСН. А нам, в конце концов, именно за это платили зарплату и командировочные. И деньги, скажем прямо, совсем не маленькие. Так что личные тренировки — это здорово, но зарплату отрабатывать нужно. Вот мы и отрабатывали. Гоняли парней, словно новобранцев в армии. Те, сатанея и матерясь сквозь зубы, носились по полигону стадом бешеных кабанов. Думаю, были такие моменты, когда они нас просто убить готовы были. Но зато начальство в лице частенько ставшего заезжать к нам на Военвед Григорьева было довольно. Да и сами наши «подшефные», хоть и звали нас между собой садистами, но явно осознавали — уровень их здорово вырос. Нет, конечно, до любого довоенного СОБРа им было еще далеко, но так тот уровень в свое время годами нарабатывали, а тут — чуть больше месяца занятий. Но в любом случае лично мне за проделанную работу было не стыдно: судьба бойцов первых сводных СОБРов и ОМОНов в Чечне в Первую кампанию им уже не грозит. Глупых потерь из-за банальной разницы в том, к чему готовили, с тем, чем пришлось заниматься, — не будет. Конечно, настоящее мастерство придет только с практикой, но основы я этим ребятам в головы вложил.

Кроме всего прочего — у нас появилось свободное время по вечерам, а тут еще и зарплата с командировочными подоспела... В общем, пока деньги были на руках в большом количестве, надо было срочно искать и покупать подарок для Насти. А то некрасиво получится — пообещал ведь. Теперь выполнять надо.

Солидный и, судя даже по внешнему виду, дорогой ювелирный магазин я отыскал возле Центрального рынка, неподалеку от Ростовского кафедрального собора. Того самого, что в первый день приезда так сильно напомнил мне московский храм Христа Спасителя. Стоя под мерзким, мелким и холодным морозящим дождем, я, глядя на шикарную витрину, в которой были разложены всевозможные кольца, броши, кулоны и браслеты, отлично понимал — что тут меня, скорее всего, обдерут как липку. Но, с другой стороны, этот же факт внушал некоторую уверенность, что тут не подsunут под видом золота какую-нибудь бериллиевую бронзу или позолоченную медяшку. Ай, была не была!

Мелодично звякнул над головой колокольчик, закрывшаяся позади входная дверь отсекала уличную промозглость и сырость. За прилавком стоял пожилой продавец столь характерной внешности, что в прикрывающей его седую макушку кипе⁴² не было ни малейшей необходимости: классический старый еврей. Как будто только что из анекдота.

Я вежливо здороваюсь и прохожу к витринам. От разнообразия украшений и их блеска у меня тут же разбегаются глаза. Все, приплыли! Вот тут и суждено мне погибнуть... Никогда я не умел и не любил покупать девушкам подарки. Это же вам не в разведку ходить — слишком сложно.

— Чем могу помочь такому серьезному молодому человеку? — продавец явно заметил наметанным взглядом мои затруднения.

— Да, пожалуйста. Тут такое дело — хочу девушке подарок купить: колечко там или брошку какую...

— Невесте? — деловито уточняет старик.

— Пока нет, но очень хотелось бы.

— Понятно, — он на пару секунд задумывается. — Вот что я вам скажу, юноша: уж поверьте опыту старого Мойши, а Мойша, слава богу, торговал уже тогда, когда ваш уважаемый папа еще не встретил вашу не менее уважаемую маму...

Ну, вот в этом-то я как раз сильно сомневаюсь. Думаю, в год встречи моих родителей уважаемый Мойша, в лучшем случае, таблицу умножения учил. Но ему об этом знать

⁴² Кипа — традиционный еврейский мужской головной убор.

совершенно не обязательно.

— Так вот, юноша, — продолжает продавец, наставительно подняв указательный палец правой руки вверх, — колечко в подарок — это превосходно, но слишком явный намек. Вы уже готовы сделать ей предложение?

— Не уверен, — качаю головой я. — Просто пока не знаю, захочет ли она выйти за меня замуж. Уж лучше подожду немного. Когда буду уверен — вот тогда...

— Именно, — прерывает меня старый еврей. — Тогда, и никак не раньше, колечко и подарите. Брошку, уж простите, лучше подарить любимой бабушке, но никак не молодой и привлекательной барышне. Может, серьги? Хотя нет, не стоит. Скорее всего, не угадаете. Принять, конечно, примет, но эффекта нужного не будет. Послушайте, молодой человек, вы когда с ней о подарке говорили, она что, вообще никаких намеков вам не сделала?

— Да вроде нет, — я даже слегка растерялся. — Так, пошутила, что хочет цветочек аленький... Ну, просто ее Анастасия зовут. Настя, как в сказке, помните?

— Даже так? — старый Мойша вновь погружается в раздумья. — Значит, аленький цветочек, говорите? А знаете, юноша, у меня появилась кое-какая идея. Вот смотрите.

Он достает из-под стекла тонкую, красивого плетения цепочку-браслет на руку.

— Нравится?

— Симпатичная, — не отрицаю я.

— Согласен. А главное — девушкам такие нравятся. Но нужно ведь, чтобы еще и оригинально было, так?

Возразить мне нечего.

— А в качестве оригинального дополнения сделаем мы на эту цепочку маленькую подвесочку: цветочек из золота, с рубиновыми лепестками. Как идея?

— Хорошая идея, вот только во сколько такая может обойтись?

— Вам жаль денег на подарок любимой девушке? Юноша, вы меня удивляете!

В голосе старого еврея столько праведного возмущения, что я краснею.

— Да не жалко мне! Просто ручная работа... Рубины, опять же... Боюсь, просто не хватит у меня финансов.

— За это, юноша, не переживайте! Хватит у вас денег. Расскажу я вам небольшую историю: когда-то уже давно жил я не здесь, а в замечательном городе Сухуми. Слыхать не доводилось?

— Слышал, конечно. Столица Абхазии... Была...

— Да уж, — грустно кивает он. — Именно что была. Когда пришли турки, я с семьей только и успел, что покидать кое-что из вещей в машину и рвануть в сторону границы с Югославией. Еле успел. Вернее, почти опоздал, до границы мы чуть-чуть не доехали, когда колонну беженцев нагнали турецкие солдаты. И знаете, наверное, я бы с вами сейчас не разговаривал, но нас отбили. Отбили парни вот с такими же, как у вас, нашивками на рукавах. Так что не волнуйтесь, молодой человек, у казака с Терского Фронта на подарок любимой девушке в моем магазине хватит. Если, конечно, они у вас, юноша, вообще есть.

— Да есть у меня деньги, — своей прямоотой продавец снова вгоняет меня в краску.

— Ну, вот и замечательно. Через недельку заходите, будет готово.

За неделю, кроме ежедневных тренировок с ОРСН, произошло только два заметных события: во-первых, уже задолбавший всех дождь сменился наконец первым снегом, а во-вторых, мы дружною толпою пошли в кино. В кинотеатре «Победа», который находился всего в паре кварталов от Управления, на той же Большой Садовой, демонстрировали не какое-нибудь старое, еще довоенной поры кино, как обычно. Нет, там показывали новый, только что снятый югославскими кинематографистами боевик «Терские волкодавы». Ну как мы с напарником могли пропустить подобное? Да и Аля с Манюней пищали на два голоса. Одним словом, загрузились в УАЗ, в который уже давно пришлось смастерить самодельное заднее сиденье из широкой доски, оббитой сверху сложенным в несколько раз армейским одеялом, и поехали. Наше с Толей появление в фойе кинотеатра вызвало небольшой фурор: еще бы, кино про героев с Терского Фронта, а тут эти самые герои

собственной персоной, в форме, с орденами и даже при пистолетах. Глазели со всех сторон, какой-то шустрый парень даже сфотографировал. Я его тут же отловил, но, узнав, что он фотокорреспондент из какой-то газеты, отпустил с миром. Словом, за автографами не лезли — и то хорошо.

Фильм оказался довольно забавным: снимали его, судя по всему, где-то в окрестностях Кисловодска, все Непримиимые, как один, были мерзкими на рожу и какими-то корявыми, но зато очень бородаатыми и злобными. Зато казаки будто с рекламного плаката сошли — широкоплечие фигуры, открытые честные лица, словом, «спортсмены, комсомольцы и настоящие красавчики». Сюжет оригинальностью не поражал: у главного «комсомольца» гадкие Непримиимые зачем-то украли любимую супругу, и тот, не долго думая, собрал друзей и рванул в горы наводить порядок. Дальше было много стрельбы и взрывов, потом главный герой рубился с главным гадом на шашках, но закончилось все, знамо дело, жарким «поцелуем в диафрагму» на фоне заходящего над горами солнца. Понятий о тактике, разумеется, у актеров не было ни малейших. На вражьи пулеметы перли грудью в полный рост, чуть ли не под барабанный бой, и поливали от бедра из «калашей», как из садовых шлангов, даже не заморачиваясь на такие мелочи, как смена магазинов. Но при этом в них никто попасть не мог, зато врагов они косили просто пачками. В нескольких особо пафосных местах нас с Толей синхронно пробивало на истерический хохот. На нас пытались шикать, но, разглядев, кто именно там ржет как конь, мешая смотреть, резко передумывали. Словом, сильно хорошим кино назвать было сложно, зато повеселились мы от души. Думаю, приняли б мы «на грудь» по паре-тройке литров пива, так кино вообще на ура пошло бы. Но — не судьба! Все ж таки мы по форме, да еще и при оружии.

Ровно через неделю, как и было велено, я снова пришел в магазин старого Мойши. Тот меня сразу узнал и даже обрадовался.

— А, здравствуйте-здравствуйте, юноша. Я уж заждался, все гадал — придете или нет. Готов ваш аленький цветочек, принимайте работу! Рубины, конечно, не индонезийские, так где ж их сейчас достать? Но поверьте, памирские, из Таджикистана, ничуть не хуже.

Выложенный на стекло прилавка золотой цветок с лепестками из мелких рубинов я разглядывал долго и восхищенно. Да уж, руку мастера видно сразу! Думаю, Насте должно понравиться. Без малейших сожалений отдаю ювелиру за цепочку с подвеской десять монет золотом. И плевать, что мне ремонт УАЗа в Петропавловской дешевле обошелся! Зато какой подарок!

После того как проблема подарка была решена, у меня будто гора с плеч свалилась. Время и до этого особенно не плелось, а теперь так просто вскачь понеслось. Дни мелькали, будто картинки в калейдоскопе. Новый год был все ближе, а вместе с ним — и окончание нашей командировки и возвращение в Червленную. У меня от этой мысли настроение неизменно подскакивало вверх, а вот напарника, похоже, складывающаяся ситуация совсем не радовала. Во время занятий его плохое настроение почти не проявлялось, разве что работал он уж совсем жестко, на грани фола, будто в настоящем бою, приходилось его даже периодически одергивать, еще не хватало, чтоб покалечился. А вот после — ходил, будто в воду опущенный. Пришлось его вытягивать на откровенный разговор. По дороге домой я прижал УАЗ к обочине и остановился.

— Так, Курсант, в чем проблема?

— Ты о чем, командир? — попытался изобразить бодрость духа напарник.

— Слушай, я тебе уже сколько раз говорил — не пытайся мне голову морочить. На это у тебя актерского дарования не хватает. Так что колись, что случилось?

— Да тут такое дело, — начал мямлить он.

— Короче. Представь, что доклад о результатах разведки мне делаешь. Меньше текста, больше фактов.

— Можно и короче. Ты в Червленную на Новый год рвешься, тебя там ждут. А вот у меня все наоборот — у меня семья тут, и праздник хочется с ними отметить. Но не получится, потому что ты раньше назад поедешь.

Вот, блин, как-то я и не подумал о таком варианте. Надо что-то делать... Решение пришло внезапно.

— Так, Толя, раз такое дело, то поступим мы так: я поеду домой с конвоем на их машине, а ты останешься. Отметишь с семьей праздник, проспишься и приедешь своим ходом на УАЗе. Следующая колонна пойдет только в середине января, ее не жди. До Моздока и один доберешься, а вот оттуда до Червленной — только в составе какой-нибудь группы. И учти, если с машиной хоть что-нибудь случится — удавлю своими руками как изменника Родины. Все понятно?!

Мое решение Толю просто ошеломило.

— Миша, да я... Да ты ж знаешь... Да гадом буду...

— Все, успокойся. Что ж я, зверь какой? Не понимаю ничего? Завтра этот вопрос в Управлении порешаем. Я кое-что из нашего арсенала с собой возьму на всякий случай. Ну, а ты, главное — остальное не забудь.

— Не забуду, — улыбается напарник. — Главное, чего-нибудь лишнего не прихватить...

— Неправильный ответ, Курсант, главное — на прихвате чего-нибудь лишнего не спалиться! — хохочу я.

Вопрос с моим отъездом решился быстро. Обратившись за помощью к Стеценко, мы выяснили, что из Ростова в Моздок через два дня пойдет довольно большая колонна, часть груза которой потом отправляют в Ханкалу. Правда, пойдет колонна не через Червленную (что мне было бы очень удобно), а через Горагорский. Но в моей ситуации выбирать особо не приходится, главное — до Ханкалы добраться. А уж оттуда до Червленной я, если понадобится, и пешком дотопаю.

С парнями из ОРСН попрощались на следующий день, без лишних эмоций, по-военному: Веденеев построил весь личный состав роты, приехал Григорьев. Ну, куда ж без него, он же зам Стеценко по спецподразделениям, ОРСН — его вотчина. Полковник толкнул перед строем речугу в лучших традициях армейских замполитов: красиво, длинно и ни о чем, а потом предоставил слово мне. Я еще раз оглядел лица замерших в строю бойцов, которых гонял, как последних шпротов последние два месяца.

— Что вам сказать, мужики. Два месяца — это, конечно, очень мало, но я старался научить вас всему, что знаю сам. Спасибо вам за терпение и старание. Пахали вы как проклятые, не флонили, и, скажу честно, за вас мне ни перед кем стыдно не будет. Очень надеюсь на то, что применять полученные знания на практике вам не придется, но, если вдруг придется, — уверен, с поставленной задачей вы справитесь и глупых, ненужных потерь не будет. Желаю вам всем удачи. Бог даст — еще свидимся.

Пройдя вдоль строя, пожал на прощание руку каждому из парней, потом Веденеев подал команду «Смирно!», а я вскинул ладонь к виску в воинском приветствии, развернулся и вышел из казармы.

Вот дома у Толи так просто не получилось. Меня трепали, тормошили и тискали со всех сторон. Что называется — почувствуй себя плюшевым медведем. Сначала, было, насобирали совершенно неподъемную сумку с гостинцами, на дорожку: копченой и вяленой рыбы, соленого сала, каких-то солений-варений и прочих домашних вкусов. Оценив ее габариты и вес, а сравнить ее можно было разве что с гигантскими клеенчатыми монстрами системы «мечта оккупанта», в которых в девяностые наши «челноки» из Китая всякий ширпотреб возили, я быстренько перевел стрелки на Толю. Мол, я поеду пассажиром, на чужом транспорте, вес багажа у меня ограниченный, а вот Анатолий назад в Червленную двинет на пустом УАЗе. Вот ему все эти подарки и вручите, а он их мне довезет, если, конечно, не сожрет все по дороге. Курсант хотел было возбунтовать по поводу клеветы на него, бедного и ни в чем не повинного, но домашние знали его куда лучше меня, и Толин демарш позорно провалился. Лидия Васильевна пообещала только, что просто соберет два таких же баула, тогда, мол, хоть что-нибудь, да доедет.

С утра поднялся ни свет ни заря, быстренько выхлебал чашку чая, тепло распрощался с

Лидией Васильевной (девчонки еще спали) и, закинув за спину свой баул с вещами, влез в УАЗ.

— Ну, Толя, гони сначала в Управление, за оружием, а потом к «Тачанке», — скомандовал я сидящему за рулем Курсанту. — Меня колонна там подхватит, когда мимо проходить будет.

Ага, подхватит, как же... Когда мы, получив из оружейки Управления мой автомат, РПС и кое-что из боеприпасов, подъезжаем к КПП возле памятника, то выясняется, что она уже там. Стоит и ждет, к счастью, не только меня, но еще и какие-то забытые сопроводительные бумаги. М-да, бардак расейский неистребим, ему, похоже, даже ядерная война нипочем. Поблуждав между стоящими вдоль обочины грузовиками и БТРами, я нашел-таки старшего колонны. Представился, выяснил, в какой машине поеду. Потом долго искал нужный мне «Урал». Потом под беззлобные шутки пожилого водителя пытался со всем своим скарбом разместиться в кабине, что, учитывая мои габариты и баул с вещами, не такая уж легкая задача. Хорошо еще, что бронежилет и «Алтын» я с собою брать не стал. Да, блин, как-то поотвык я от тесноты, избаловал меня личный транспорт. Ну, да ничего, терпеть все равно недолго. Полтора суток — и в Моздоке. А там еще несколько часов — и дома. Потерплю как-нибудь.

Водила, седой как лунь невысокий мужичок с густыми усами и веселыми голубыми глазами, представившийся Димой, оказался веселым и разговорчивым. Так что скучать в дороге не пришлось: весь день мы травили друг другу всякие-разные байки. Я ему про Терской Фронт рассказывал, он мне — про свои многочисленные поездки по Югославии. И что интересно, почти всегда его рассказы сводились к одному — какие где бабы. Тот еще, видно, ходок был по молодости! Погода на улице была препоганейшая — мокрый снег и сильный холодный ветер, поэтому обедали прямо в кабинах, выходить на улицу без особой надобности никому не хотелось. На ночевку остановились уже совсем в другой войсковой части где-то под Минеральными Водами, где нас ждал горячий ужин, душ и свежестеленные армейские койки со скрипучими панцирными сетками.

После Минвод погода стала резко меняться: снег сменился дождем, а потом и тот прекратился. Выглянуло солнце, а температура ощутимо поползла вверх. А километрах в ста от Моздока о том, что на дворе конец декабря, можно было судить только по отсутствию листьев на деревьях и пожухшей траве. А вот с остальными признаками было как-то туго, солнце припекало так, что пришлось даже боковые стекла в кабине опустить, иначе соптели бы.

Не знаю, может, мне просто повезло, а может, техники эту колонну готовили лучше, чем ту, в составе которой мы приехали в Ростов, но за всю дорогу не встала ни одна машина, и еще до обеда второго дня пути мы были в Моздоке. Там колонна с ходу пошла на стоянку к ЦОУ, где уже ждала группа сопровождения и местный транспорт. Вот так у нас всегда! Круглое носим, квадратное — катаем! В былые времена то же самое было. Привезли в Моздок на одних машинах, а в Ханкалу везут уже на других. И по сто раз груз из машины на машину перегружаем. Хорошо еще, что мне разгрузочно-погрузочными работами заниматься не придется.

Пока пригнанные откуда-то солдаты сноровисто перегружали содержимое кузовов из одних грузовиков в другие, я успел доложить о прибытии начальнику ханкалинской колонны, предъявить ему удостоверение и командировочное предписание и даже занять себе место в одном из бронированных «Уралов», кинув в его кабину свой баул. А потом присел рядом с разгружающимися машинами на обломок бетонной трубы и грелся на солнышке. Хорошо! Градусов пятнадцать тепла, не меньше. Офигительная предновогодняя погода! Вот бы подольше такая простояла.

Работали бойцы споро, закидали все часа за полтора. Когда ростовские «Уралы» ушли, я снова отловил здешнего старшего и поинтересовался, когда отправление. Тот ответил обстоятельно, но как-то уклончиво. Поняв, что отправление может произойти в любой момент, я решил не устраивать себе экскурсий, а просто вернулся к «своему» «Уралу» и,

воспользовавшись отсутствием водителя, подложил баул под голову вместо подушки, растянулся на сиденьях. Уж чем-чем, а старым солдатским умением спать в любой обстановке я владел в совершенстве, и поэтому уже через несколько минут закемарил.

Разбудил меня вернувшийся водитель.

— Подъем, братан, вот-вот тронемся, а ты тут развалился, как барин. А ну, освобождай мое рабочее место!

— Не вопрос, — потряс головой, прогоняя остатки сна, я. — Сейчас сделаем!

Подвинулся сам, передвинул к себе баул, освобождая водительское сиденье.

— Вот, — одобрительно улыбнулся водила. — Другое дело. А то прихожу, а на моем месте кто-то внаглую рожу плющит. Непорядок! Ну, что, пассажир, поехали?

Колонна и вправду уже начинала вырывать со стоянки на дорогу.

— Поехали, — отвечаю я. — Давай хоть познакомимся. А то часов пять еще вместе култыхать. Меня Миша зовут.

— Сашка, — водитель жмет протянутую мною руку. — Это да, ехать прилично. Главное, до «стоп-колес» успеваем. Солдатики-молодцы, не тормозили. А то пришлось бы до завтрашнего утра тут торчать.

— А что не через Червленную едем? — этот вопрос у меня больной, поэтому решаю его прояснить.

— Да, говорят, из соображений безопасности. В Мертвых Землях опять неспокойно. На конвои пока не нападали, но стычки с патрулями Дорожной Стражи — были. Вот и решили через Горагорское гонять.

— А там трасса что, спокойнее? — недоверчиво хмыкаю я.

— Говорят — да, хотя к границе действительно ближе.

— Ну, пусть так, — соглашаюсь я, но в душе, будто в тот чертов день, когда я провалился из своего времени сюда, пока еще тихо, но вполне отчетливо заскребли коготки непонятной тревоги.

Хреново дело... Я поудобнее пристроил автомат на коленях и, сняв его с предохранителя, с лязгом вогнал патрон в патронник.

— Ты чего это? — оглянулся на меня Саша.

— Да так, привычка.

— Ну, в наших местах — далеко не самая фиговая привычка, — ухмыльнулся он в ответ.

Первая половина пути почти полностью повторяла наш приснопамятный маршрут в 2010 году. Вот только перед Ищерской колонна ушла вправо и мимо заброшенного Знаменского пошла на Горагорский. Разговор как-то сам собою заглох: я внимательно следил за обстановкой вокруг, Саша, поняв, что я к вопросу несения службы отношусь серьезно, крутил себе баранку.

Мимо Горагорского мы проскочили по объездной, почти такой же гравийке, что и возле Петропавловской, так что само село я толком и не разглядел. Видел только почти такие же, как в Червленной, Толстом-Юрте и Петропавловской, укрепления. А вот мелкие поселки, мимо которые мы проехали, Майский и Нагорное, оказались давно брошенными. Ничего, в общем-то, странного: сами себя они защитить не могли — слишком маленькие, вот и подался народ в крупные и хорошо укрепленные села да станицы. И остались от поселочков только обвалившиеся кирпичные коробки домов да рухнувшие или покосившиеся заборы. Хорошее место для засады. И «вещун» мой ноет, словно больной зуб...

Вот и донылся! Где-то между Радужным и Побединским нас и накрыли. Блин, и вроде место для засады не самое удачное: укрыться можно только справа от дороги в руинах, оставшихся на месте нескольких одноэтажных жилых домов. Слева, сразу за глубоким кюветом расстилалось ровное, как стол, поле. Несколько голых облетевших кустов да какие-то кочки, похожие на крупные кротовины, на укрытие никак не тянули. Однако именно тут нас и подкараулили. Сначала впереди гулко рванул фугас, высоко подбросив БТР охранения.

Потом дадахнуло позади, но кому именно не повезло, я уже не глядел: высунув ствол

автомата в открытое окно, я искал глазами противника. Сашка, в отличие от погибшего тридцать лет назад в Алпатове водителя «КамАЗа», не растерялся и, зло выматеревшись, вдавил педаль газа в пол и пошел на прорыв. Но — не судьба... Что произошло с водителем идущего прямо перед нами грузовика, я так и не узнал, может — снял снайпер, а может — просто переклинило от неожиданности происходящего, но факт остается фактом: впереди идущий «Урал» вдруг резко сбросил скорость и замер, перекрыв собою почти всю дорогу. Сашка рванул было по обочине, но глубокий кювет поставил крест на его маневре. Наш грузовик, несмотря на все старания водителя, начал сползать вниз по осыпающемуся склону, а потом просто опрокинулся на левый бок.

— Мля, военный, а ну быстро выбей лобовуху и наружу! — заорал придавленный мною Сашка.

Да я и сам не дурак, через дверь, ставшую сейчас подобием люка, вылезать — дурных нема. Пока выкарабкаешься — будешь вылитая грудная мишень для любого, кто решит в стрельбе поупражняться. Долбанув ногой по потрескавшемуся стеклу и обрушив вниз, на матерящегося последними словами водилу поток стеклянного крошева, я выбираюсь наружу и пытаюсь сориентироваться. При аварии меня, похоже, неслабо приложило обо что-то головой: зрение плывет, бандана слева вся мокрая и кровь тонкими ручейками стекает по щеке. Сквозь оседающее облако пыли, поднятой многотонной тушей грузовика, видно, что колонне нашей досталось не слабо: машины стоят, два БТРа передового дозора густо коптят. На дороге лежит несколько трупов. Но нас еще не взяли. В хвосте колонны молотит по кому-то длинными очередями ЗУшка, грохочут автоматы, хлестко щелкают снайперские винтовки. Помогаю выбраться Саше. У того видок ничуть не лучше моего, но автомат он из кабины вытащить не забыл.

— Что делать будем?! — хрипит он мне.

— Воевать! — коротко бросаю я и, пригнувшись, бросаюсь в хвост колонны. Там ЗУ, там наши еще сопротивляются. Значит, есть шанс. На бегу замечаю шевеление в развалинах на противоположной стороне дороги. Вот вы где, голубчики! Попались! Ну, теперь держитесь!!! Вскидываю автомат к плечу... Это с открытого прицела попасть было бы трудновато, но сейчас на моем «сто третьем» — очень даже неплохая четырехкратная оптика, которая досталась мне от убитого Толей американского морпеха и которую я тщательно пристрелял в Ростове.

— Тылы держи! — ору я водителю и короткими очередями бью по мельтешащим в развалинах фигуркам. Две из них падают как подрубленные. Причем одному пуля попадает точно в голову, и содержимое его черепа пятном расплескивается по кирпичной стене. Позади грохочет автомат Сашки. Он явно заметил, куда бью я, и решает не отставать. Вот ведь, твою ж мать! Сказал же ему тылы прикрывать, а если оттуда... Над ухом мерзко взвизгивает пуля. Причем прилетела она со стороны нашего грузовика.

— Саня, сзади! — ору я, перекатом через плечо уходя вбок с линии огня.

А вот Сашка этого сделать не успевает и теперь его распластанное по склону кювета тело рвет пули.

— Да получите, суки! — сквозь зубы цежу я и швыряю в сторону обошедших нас с тыла боевиков гранату. Рвануло знатно и, судя по воплям, несущимся из-за перевернутого грузовика, не просто так. Ну, пока они там заняты, надо магазин сменить. Внезапно откуда-то слева слышу:

— Это он! Живым брать!!!

Последнее, что я успеваю понять, прежде чем меня вырубает, что слова эти были сказаны по-русски. А потом — вокруг враз становится темно.

В себя прихожу от мерного покачивания вверх-вниз и едкого неприятного запаха конского пота. Понимаю, что меня, словно какой-то куль, просто перекинули через спину лошади, связав под ее брюхом руки и ноги. На голове — плотный джутовый мешок воздух проходит, но ни черта не видно. Ясно только одно — судя по освещенности на дворе давно

уже ночь. Судя по ощущениям всю экипировку с меня сняли, а вот одежда — на мне. Даже мои форсистые «Коркораны» не тронули. Вот это уже интересно. Уж чего-чего, а хорошие ботинки с меня сразу снять должны были. Непонятно. Кто и каким образом меня отключил — вспомнить не могу, ясно только, что снова прилетело по голове. И опять по левой ее стороне, и так при аварии пострадавшей. Болит — неимоверно, на роже кровь запеклась толстой коркой. Блин, хорошо все-таки, что голова у меня такая крепкая! Другому бы кому давно череп раскроили. А мне — ничего, как говорится: были бы мозги — было бы сотрясение мозга. Так, думаю, лучше всего мне пока продолжать делать вид, что я по-прежнему нахожусь без сознания. Как тогда, в Алпатово, вдруг и тут что интересное услышу? Интуиция снова не подвела.

Сначала совсем рядом двое заговорили на каком-то незнакомом мне языке, явно восточном, скорее всего — турецком. Потом их резко оборвал грозный начальственный рык:

— Кому было сказано, говорить только по-русски! Или кто-то хочет на такой ерунде, как акцент, проколоться?!

Ага, явно старший! Тарабарщина тут же обрывается и один из только что беседовавших на турецком отзывается уже по-русски:

— Извините, господин лейтенант, больше не повторится. Мы думали, среди своих-то можно...

— Можно будет, когда на базу в Эрзерум вернемся, а тут — только по-русски, иначе можно и не вернуться. Вон этот дерьма кусок, пока я его не выхлестнул и не спеленал, скольких наших положил?

— Да уж, — соглашается второй из говоривших по-турецки. — Четверых, гад, завалил да из раненых одного добивать пришлось.

— Вот, — продолжает свою мысль лейтенант. — И я о том же. Не люди, а бешеные шакалы. Таким только подставься — загрызут, пискнуть не успеешь.

Это ты, гнида, верно подметил, хотя за шакала, да еще и бешеного, малость обидно. Но вот в остальном согласен: только подставляйтесь...

— Господин лейтенант, я вот понять не могу, — снова слышу я голос первого. — А почему мы вещички-то его не поделили? У него, вон, и автомат какой отличный, и «Стечкин», и побрякушка эта золотая... Опять же ботинки его я б себе забрал, как раз размер мой почти. Да и в сумке этой его брезентовой было чем поживиться...

— А вот это, боец, не твоего ума дело, — резко обрывает мародерские фантазии лейтенант. — Личный приказ полковника Кылыча — чтоб ни одной нитки из того, что у него при себе было, не пропало. Или ты хочешь расстроить Атмаджу-эфенди?

В голосе явно послышалась неприкрытая угроза и намек на возможные серьезные неприятности для ослушавшегося. Собеседник лейтенанта намек явно понял и тут же сдал назад:

— Да что вы, господин лейтенант, и в мыслях не было. Это я так... Помечтать...

— Ну, вот и мечтай молча.

Вот так вот все интересно. Ребятишки свободно владеющие и турецким, и русским, умеющие устраивать грамотные засады, имеющие, в отличие от Непримириемых, четкую организацию и пользующиеся армейскими званиями, подчиняющиеся полковнику с турецким именем, да еще и базирующиеся в Эрзеруме. Совсем идиотом надо быть, чтобы не догадаться, с кем судьба свела. Мамелюки... Ошибался, выходит, полковник Григорьев, уж больно живые и деятельные эти ребята для дезинформации. А вот интересно, куда они меня вообще везут? Неужели так до самого Эрзерума и потащат? Если да, то хреново, оттуда я точно не выберусь, а вот если куда поближе — может, еще и есть варианты. Надо только до места добраться, а там поглядим... Хотя, Миша, кому ты мозги паришь! На что ты там глядеть собрался? На то, как Непримириемые тебя за убитых родичей на куски живьем пластать будут? Вот ведь попал, а! Ладно, главное — без паники, как говорится: война тропу укажет.

На лошади меня везли довольно долго, часа три. Я уже начал подумывать о том, чтобы

как-то обозначить свое «пробуждение»: тело затекло просто страшно, да и висеть вниз головой становилось все тяжелее, ей, бедной, и так сегодня дважды досталось, а тут кровь прилила, и совсем плохо стало. Но не пришлось. Лошадь внезапно остановилась, и кто-то начал резать веревку, которой были связаны мои руки и ноги. Я было собрался рвануться: если и не убегу, так, может, хоть пристрелят при попытке к бегству. В моей ситуации легкая смерть от пули — далеко нехудший выход. Ага, размечтался! Дураков среди мамелюков явно не было, оказалось, что разрезали всего-навсего веревку, соединяющую между собою путы на моих руках и ногах. Так что с лошади меня сняли, но я при этом все равно остался связанным. Когда мою тушку довольно грубо бросили на землю, я глухо матюкнулся.

— Ты гляди, — раздался совсем рядом голос лейтенанта. — Очухался наш спящий красавец! Как самочувствие?

— А ты развяжи, — зло огрызнулся я. — Там и увидишь.

— Ага, щаз, размечтался, — глумливо хохотнул тот в ответ. — Хватит, ты уже порезвился. Как говорится: не все коту творог, иногда и рожей о порог. Вот я тебя и приложил. Как, нравится?

— Не льсти себе, бывало и хуже.

— Ничего, родной, у тебя еще все впереди. Вот Атмаджа-эфенди с тобой пообщается, уж не знаю, чего он от тебя хочет, да и отдаст Непримирым из Ведено. А у них на тебя зуб такой, что подыхать ты будешь долго и погано.

— А кто сказал, что у Веденских именно ко мне претензии? Может, это кто другой им насолил?

— Слушай, дурака врубать не надо, тут тебе не суд и доказывать никому ничего не нужно. Ладно, славно поболтали, грузите его.

Меня подняли за руки и за ноги и, раскачав, просто закинули... Куда? Ну, судя по ощущениям — в кузов небольшого грузовика вроде «Газели» или «Бычка». Потом вокруг загрохотали сапоги, похоже, мамелюки будут ехать тут же, у них, наверное, лавки вдоль бортов. По крайней мере, ногами они меня утрамбовали именно в середину кузова, а сами разместились слева и справа. Оглушительно чихнул и неровно, с подвыванием, затарахтел движок, заскрежетало сцепление, поехали. Куда — неясно, но то, что впереди ничего хорошего меня не ждет, — факт.

Грузовик ехал куда-то всю ночь. Причем, судя по моим ощущениям и захлебывающемуся вою изношенного двигателя, мы все выше забирались в горы. Нет, они что, на самом деле меня в Эрзерум везут? Не, бред, скорее всего, загадочный турецкий полковник, фамилию которого я уже умудрился позабыть, сидит в каком-нибудь горном селе на юге бывшей Чечни, в том же Итум-Кале, например, или в Шатое. Хотя, чисто теоретически, может быть, и на севере Грузии. Уже утром, когда солнечный свет стал проникать сквозь плотную ткань мешка, грузовик внезапно остановился.

— К машине! — раздался снаружи зычный голос командира мамелюков. — Привал. Можно оправиться и пожрать чего-нибудь сообразить. Первое отделение — в боевое охранение. Сергей, ты остаешься у машины и охраняешь пленного.

— Есть! — отозвались сразу несколько голосов.

Да уж, сразу видно, что не банда, а армейское подразделение: приказали — выполняй, и никаких «почему я?» и прочих проявлений нестройной вольницы.

— Эй, Сергей, мне б водички попить, — пытаюсь я наладить контакт со своим сторожем.

— Обойдешься, мразь. На место приедем — там тебя напоят, из ушей польется! — рыкает в ответ тот.

Вот и поговорили... И чего он такой добрый-то? Хотя... Скольких я вчера угрохал? Четверых, да одного подранка, видимо, самого тяжелого, они сами добились. И кто знает, в каких отношениях этот Сергей был с убитыми. Может, я вчера его лучшего друга в «страну вечной охоты» отправил.

Еще минут через двадцать откуда-то издали прозвучал предостерегающий окрик,

потом, уже рядом с грузовиком, слышались голоса:

— Господин лейтенант, местные какие-то, говорят, в Итум-Кале на базар едут. Вот старший их говорит, вас знает.

— Аааа, ас-салам алейкум, Ильяс-хаджи,⁴³ — лейтенант, похоже, действительно знает того, кого к нему привел караульный.

— Ва-алейкум салам, Али-аскер. Давно мы с тобой не виделись, — второй голос явно принадлежит человеку пожилому, причем по-русски он говорит очень чисто, почти без акцента.

— Ну, зачем же так официально, Ильяс-хаджи, можно просто Алексей.

— Да какой ты Алексей, лейтенант? — в голосе старика слышна ирония. — Все Алексеи — они по ту сторону Сунжи.⁴⁴

— А хоть бы и так, — легко соглашается явно не обиженный на дерзость старика лейтенант. — Как ваши дела, уважаемый, как здоровье? Как дети и внуки?

— Хвала Аллаху, все в порядке. А у тебя что?

— У меня по-разному. Вчера людей своих потерял, зато хорошего пленника взял.

— Это кого же? — голос старика снова становится насмешливым. — Неужели Генерал-Губернатора из Ханкалы украл?

— Не совсем, но почти. Я того шайтана, что два месяца назад под Ведено бойню учинил, взял.

— Да ладно?! — Ильяс-хаджи снова стал серьезен. — Ай да Али-аскер, ай да красавчик! Слушай, а можно я на него хоть гляну? Будет что друзьям рассказать.

— Да смотрите, уважаемый, разве жалко, вон он, в кузове валяется. Только потом снова мешок этому шакалу на голову наденьте, незачем ему лица моих парней видеть.

Скрипит откидываемый борт, а потом сильная рука приподнимает меня за шиворот. Я послушно сажусь, опершись спиной на лавку. Та же рука сдергивает с моей головы мешок. Я сначала щурюсь и промаргиваюсь от яркого света, а потом... Твою ж ты мать! Быть того не может!!! Ошибся? Нет, по совершенно ошарашенному и сбиту с толку виду старика понимаю, что не ошибся. М-да, а не так уж ты изменился за эти тридцать лет: ярко-зеленые глаза все те же, и характерный, зигзагообразный шрам на правой щеке и скуле на прежнем месте. Вот бородищу отрастил аж до пупа, причем она уже давно не рыжая, а седая...

— Ну, здравствуй, Эли.⁴⁵ Как твое колено? — чуть слышным голосом шепчу я.

— Миша? — изумленным шепотом отвечает он. — Ты? Но как такое возможно?

— Машалла,⁴⁶ — коротко бросаю я в ответ.

— Что там у вас, уважаемый? — слышен снаружи голос моего сторожа Сергея.

— Да ничего, — уверенным голосом отвечает Ильяс и, окинув взглядом мою покрытую засохшей кровью физиономию и потрескавшиеся губы, добавляет: — Этот гяур, сын шакала, пить просит.

— Не обращайтесь внимания, Ильяс-хаджи, у меня тоже просил. Перетопчется!

— Ну, значит, перетопчется, — безразлично отвечает он, нахлобучивая мне на голову мешок, но, прежде чем выбраться из кузова, молча, ободряюще тыкает меня кулаком в плечо.

⁴³ Хаджи — уважительное обращение к мужчине, совершившему хадж, паломничество в Мекку.

⁴⁴ Сунжа — река, протекающая через Грозный, ее русло почти совпадает по очертаниям с границей Терского Фронта и земель Непримиримых Тейпов.

⁴⁵ Эли — сокращение от имени Ильяс.

⁴⁶ Машалла (араб.) — на русский можно перевести как «На все воля Аллаха».

Командировка 2008 года была поначалу, можно сказать, спокойной. Ну, разумеется, по сравнению с другими командировками на Северный Кавказ. Занесло нас тогда на самый юг Чечни, практически на границу Грузии, до которой было всего двенадцать километров, в селение Шарой. Два десятка домиков, райотдел местной милиции да руины тейповой башни, обозначенные только на армейских крупномасштабных картах, на которых даже отдельно стоящие сараи и крупные камни обозначают. Одним словом — глухомань. И задачи соответственные: никаких тебе адресных проверок, никаких штурмовых операций. А вместо них — два блокпоста на горных дорогах, мимо которых если две-три машины в сутки проедет — уже событие, временная комендатура в соседнем поселочке Химой, что размерами был еще меньше Шароя. И, собственно, наша база, которую надо было охранять, и в периметре которой всегда нужно было что-то строить, копать и таскать. Тоска! На блокпосты с базы народ просто сбегал: там хоть какое-то разнообразие и не нужно с утра до вечера изображать бойца стройбата. Службу несли совместно с местными милиционерами. Поначалу, конечно, относились к ним настороженно. Что за люди — непонятно, внешность вполне бандитская: одеты кто во что, все бородатые... Словом, зеленую повязку-шахидку на голову — и вылитые боевики. Но довольно скоро отношения наладились. Как ни крути, что такое среднестатистический блокпост в горах? Это приземистый каменный сарай да шлагбаум. И неделя времени, которое придется провести бок о бок. Конечно, через неделю тебя сменят, и ты вернешься на базу, но пройдет еще неделя, и тебе снова придется возвращаться на тот же блокпост. К тем же чеченским милиционерам. В такой обстановке вариантов только два: или подружиться, или ночью друг другу глотки перерезать. И нам, и чеченским милиционерам первый вариант показался более подходящим.

Как-то так вышло, что ближе всех я сошелся с Ильясом Байсаровым. Молодой, почти на восемь лет моложе меня, и очень неглупый парень, отличный рассказчик и балагур, он уже успел повоевать в отряде своего знаменитого родственника Мовлади,⁴⁷ где получил весьма серьезный боевой опыт и оставленный осколком гранаты шрам зигзагом во всю щеку. После того как Мовлади был убит, а «Горец» расформирован, Ильяс вернулся в родное село Дай и устроился на службу в Шаройский райотдел милиции. А еще этот парень был очень религиозен. Причем не напоказ, а искренне: пять раз в день совершал намаз, читал Коран. Собственно, с этого наше общение и началось. Однажды, когда мы вместе стояли на посту, я спросил его, каково ему, мусульманину, воевать со своими братьями по вере. Тот, как мне кажется, сначала просто хотел меня послать куда подальше, но потом понял, что я и не думаю его подкалывать, что мне действительно интересно. Тогда он объяснил, что боевики-ваххабиты — вообще не мусульмане.

— Понимаешь, Миша, — говорил он мне. — Ваххабизм — это не часть Ислама, это тоталитарная секта, из него выросшая, уродливый и болезнетворный нарост на его теле. Но появился он очень давно, и у него, к сожалению, много последователей. У вас же тоже много разных сект?

— Ну, да, — соглашался я. — Всякие «Белые братства», «Свидетели Иеговы», Мун этот корейский... Хватает мракобесов.

— Вот. Только вы к ним слишком терпимо относитесь. А у нас все жестко: тот, кто искажает смысл написанного в Коране, тот глумится над словами Пророка. А это оскорбление для всех истинно верующих. И тот, кто это делает, — для нас худший из врагов. Еще когда ваххабиты только появились, о них говорили: «Лучше убить одного ваххабита, чем десять неверных», а ведь с христианами тогда тоже не очень ладили... Понимаешь? Так что для меня они — враги, да и я для них — тоже. Например, по их правилам тебя, кафира,⁴⁸

⁴⁷ Мовлади Байсаров — полковник ФСБ, командир спецподразделения «Горец». После убийства Ахмата Кадырова и ссоры с Рамзаном Кадыровым убит при малопонятных обстоятельствах в Москве в 2006 году. «Горец» был расформирован за три дня до гибели его командира.

⁴⁸ Кафир — неверный.

если ты попадешь в плен, нельзя убивать, если ты скажешь, что хочешь стать одним из них. Тебе сохранят жизнь и отведут к имаму, который будет тебя учить. Если ты солгал — тебя убьют, если нет, то ты станешь одним из них. А вот я для ваххабитов — мунафик,⁴⁹ изменник веры, и убивать таких, как я, ваххабиты должны безо всякой пощады.

Вот так, можно сказать, из-за одного заданного вопроса и начались наши долгие с ним разговоры. Мне действительно было интересно слушать об Исламе, обычаях чеченцев, об их традициях и истории, да и в разговорном чеченском потренироваться тоже было нелишним. А Эли был отличным рассказчиком и терпеливым учителем. Четыре месяца — срок небольшой, но при желании за это время можно выучить и запомнить очень много. А у меня это желание было. Однажды я спросил у Ильяс:

— Эли, слушай, а тебе как мусульманину не возбраняется мне, христианину, все это рассказывать?

— Нет, Миша, наоборот, это Джихад.

— В каком смысле? — не понял я.

— Понимаешь, у слова Джихад на самом деле очень много значений. И то, к которому так привыкли вы, «война против неверных», одно из последних. А вообще это слово означает — дело, угодное Аллаху. Посадить дерево — Джихад, помочь находящемуся в беде — Джихад, рассказать иноверцу о своей религии — Джихад. А вдруг ему понравится, и он сам примет Ислам? И получается, что к этому весьма угодному Аллаху делу подтолкнул его именно твой рассказ.

— Нет, Эли, не обижайся, но я вряд ли перейду в твою религию.

В ответ он только внимательно посмотрел на меня и ответил одним-единственным словом:

— Иншалла...⁵⁰

А еще через месяц на нас напали. Вообще, если честно, наш блокпост «Кирийский мост» был той еще задницей! Узенький мостик через бурный Шаро-Аргун, по которому нормально могли проехать только легковушки, «Урал» мог протиснуться с трудом и только при наличии за баранкой опытного водителя, а БТР, колея которого на семьдесят сантиметров шире, чем у «Урала», не входил, в принципе, располагался в узком и глубоком ущелье. Оно было больше всего похоже на коридор: метров шестьдесят-семьдесят шириной, не больше, с обрывистыми каменными склонами, на которые можно было забраться только с альпинистским снаряжением и которые уходили вверх метров на двести пятьдесят — триста. А посреди всей этой «красоты» четыре сосновых сруба, обложенных диким камнем. Три маленьких, примерно два на два метра — огневые точки, и один побольше, примерно три на восемь — жилое помещение. И «стратегически важный» мост. И шлагбаум. Вот и вся диспозиция, больше похожая на тир, в котором «почетная» роль мишеней отводилась нам. А еще там была просто омерзительная связь. То есть радиостанция в жилом помещении еще более-менее работала, а вот мобильные телефоны стабильно показывали отсутствие сети и «оживали» в одном единственном месте — точно в середине моста.

Одним словом, когда туманным и пасмурным вечером второго июля начался обстрел, Ильяс попытался дозвониться до своей девушки. Стоящий на открытом месте, да еще и подсвеченный своим мобильным, он был почти идеальной ростовой мишенью, и был бы снайпер у боевиков чуть толковее, это стоило бы Эли жизни. Хотя и то, что получилось, ничего хорошего ему не обещало: пуля попала точно в левое колено, и теперь он лежал, скрючившись от боли, а вокруг, словно капли по воде во время ливня, били пули. Думать было просто некогда. Заорав: «Прикрывайте!», я бросился из-под навеса жилого домика к

⁴⁹ Мунафик — изменник, предатель веры.

⁵⁰ Иншалла (*араб.*) — на русский можно перевести как: «Если на то будет воля Аллаха».

мосту. Наши, и русские, и чеченцы, открыли ураганный огонь по вершинам скальных стен. Из такого положения, снизу вверх, да еще и не видя толком противника, попасть в кого-то — почти нереально. Но можно попытаться надавить врагу на психику, чтобы он, услышав визжащие над ухом пули, перестал стрелять и спрятался за укрытием. А большего мне и не нужно было. Согнувшись в три погибели, я на бегу ухватил Ильяса за эвакуационную стропу на спине «разгрузки» и, волоча его за собой, сиганул с моста, благо до воды было меньше двух метров. Вот там, в ледяной воде Шаро-Аргуна, мы и просидели почти полчаса, пока не закончился бой и не примчались на выручку две «Нивы» из местного райотдела под прикрытием БТР и бронированного «Урала» с нашей базы в Шарое.

Ильяса отправили сначала в Грозный, а оттуда — в Москву, в Главный клинический госпиталь МВД. Через месяц он мне позвонил на мобильный, рассказал, что ногу ему вытянули, сделав какой-то сложный протез коленного сустава.

— Знаешь, Миша, что мне врачи сказали? — спросил он у меня во время разговора. — Что если бы не тот жгут, что ты мне под мостом на ногу наложил, то меня бы живым до Грозного не довезли. Так что я тебе дважды жизнью обязан: первый раз за то, что с моста в реку меня стащил, а второй — за то, что первую помощь грамотно оказал.

— Да ладно тебе, Эли, брось глупости говорить. Любой бы на моем месте так поступил.

— Может, и любой... Но под пули бросился ты. И это не глупости. Я тебе уже о наших обычаях рассказывал. У нас к таким вещам очень серьезно относятся.

Потом, в конце августа, мы отправились домой. Местную свою сим-карту я отдал знакомому парню из Подольского ОМОНа, что приехали нам на замену. Когда решил перезвонить Ильясу в госпиталь, оказалось, что номер уже заблокирован, Эли уехал домой, а его чеченского номера я не знал. Так и потерялись мы с ним...

А теперь этот самый Эли, постаревший на три десятилетия и превратившийся в Ильяса-хаджи, снова встречается на моем пути. Да уж, мексиканские «мыльные оперы» нервно курят в сторонке.

Конец моим размышлениям положил громкий голос лейтенанта, давшего команду заканчивать привал. Вокруг меня снова загрохотали подошвами сапоги мамелюков, грузовик наш тронулся и покатил дальше.

— Слушай, Серег, а чего это наш лейтенант так с этим старпером расшаркивался? Да еще и на пленного поглядеть пустил?

— За языком следи, — отозвался мой охранник. — Этот старпер лет двадцать назад таких, как ты и я, мог голыми руками на запчасти разобрать не напрягаясь.

— Так это когда было... — протянул его собеседник.

— Ага, а сейчас он — старейшина села Дай, и у него таких бойцов, как он в молодости, — под две сотни. Жаль, что он из-за каких-то там своих заморочек с кафирами не воюет. Глядишь, и мы бы тут не понадобились, сидели бы себе в Эрзеруме, а не в этих горах, как архары, скакали.

— И чего, он не воюет, а ему за это никто не предъявляет?

— Нет, уж очень его тут все уважают. Да и побаиваются, не без этого. Две сотни отличных бойцов, да с толковым командиром — в здешних краях сила немалая. Вот никто на рожон и не лезет. Даже Атмаджа-эфенди с ним считается.

— Надо же, а по виду и не скажешь: обычный дед, разве что шрам этот во всю рожу да глаза как у волка.

— Это точно, — согласился Сергей. — Волчара и есть. Старый, битый и матерый. С таким связываться — себе дороже.

На этом глубокомысленном замечании беседа и оборвалась. Весь остаток дороги мамелюки молчали или изредка перебрасывались короткими фразами на турецком, смысл которых я все равно не понимал. А часа через полтора машина снова остановилась, и меня подхватили под мышки и потащили наружу. Ну, вот и приехали.

Меня снова волоком, будто привезенного на убой барана, выдернули из кузова и куда-то поволокли. Потом раздалися клацанье ключей в замке и скрип открываемой тяжелой двери, а один из мамелюков двумя взмахами ножа рассек веревки на моих окончательно затекших за время пути руках и ногах. Потом последовал сильный пинок в спину, и я кубарем полетел вниз. К счастью, не слишком далеко: пересчитал боками четыре ступеньки и растянулся на холодном и шершавом полу. Сел и начал разминать онемевшие конечности. Когда кровообращение более-менее восстановилось, в мышцы будто разом вонзились тысячи тонких иголок. Неприятное ощущение, но зато я снова могу шевелить пальцами.

Ставив с головы мешок, оглядываюсь. Обычный подвал: выложенные потемневшим от времени и потрескавшимся кирпичом стены, серый неровный бетонный пол. У меня в деревне родители картошку да домашние соленья-варенья почти в таком же держали. Вот только ни бурта с картошкой, ни полок с банками тут не было, и пахло куда мерзостнее: не гнилыми овощами и землей, а давно не вынесенной парашей. Почти половину камеры занимало некое подобие одноярусных нар из неошкуренного горбыля, на которых сидел человек. Невысокого роста, щуплый, с восточными чертами лица и смуглой кожей, он, на первый взгляд, был похож на одетого в замызганный и в нескольких местах порванный маскхалат подростка. Правда, взгляд этому образу как-то не соответствовал. Тяжелый был у парня взгляд, равнодушный и одновременно оценивающий. А еще сразу бросалось в глаза, что его явно несколько раз сильно били: многочисленные синяки и ссадины разной степени давности на лице прямо-таки наслаивались друг на друга. Памятуя о своем недавнем тюремном «приключении», я решил от разговоров воздержаться, молча встал и лег на нары. Сосед, кажется, к общению тоже особенно не стремился. Как сидел, так и продолжил сидеть, даже позы не переменял. Судя по всему, до разговора с загадочным полковником Атмаджой-эфенди меня убивать не будут, а после... А поглядим, что будет после. Лично у меня после невероятной встречи с Ильясом в глубине души забрезжил слабый огонек надежды: уж больно этот прощальный тычок в плечо был таким... Обнадеживающим, что ли. Ну а даже если и не сможет мне старый друг ничем помочь, что ж, двум смертям не бывать... При моем роде занятий вообще риск смерти возрастает многократно. Разве что... Очень обидно будет умереть сейчас, когда жизнь вроде налаживаться начала, когда в ней появилась Настя. Так, все, отставить панические настроения! Как говаривала французская королева Мария-Антуанетта: «В кризисной ситуации главное — не потерять голову». Раз сделать больше ничего нельзя, будем ждать подходящего момента, может, какой шанс и подвернется.

Часа через три снова загремели ключи в замке, и за открывшейся дверью я увидел двух турецких солдат. Ну, по крайней мере, мамелюками или Непримиримыми они быть точно не могли. Правда, турок я видел в своей жизни не много — как-то не заносила меня судьба в прошлом на курорты Анталии, мне больше Хургада по душе была. Но ни на славян, ни на чеченцев эти типы внешне похожи не были совершенно. Да плюс еще униформа оливкового цвета, явно уставная, да еще и с турецким флагом на рукаве. На головах — того же цвета кепи с кокардой, а на ремнях — открытые кожаные кобуры с армейскими «Кольтами 1911», такими же, что и у убиенного Толей под Ведено негра-морпеха. Турки меж тем входят в камеру и останавливаются у лесенки, ведущей к двери. Тот, что стоит поближе, кривит лицо, будто пытаясь что-то вспомнить, потом, махнув рукой, просто тычет в меня пальцем и изображает в воздухе жест, который точно означает что-то вроде «на выход с вещами». Встаю и иду вверх по ступеням. Конвоир мой отходит на несколько шагов в сторону и кладет руку на расстегнутую кобуру. Ага, с бдительностью тут все в порядке, думаю, с огневой подготовкой — тоже. Ну, значит, и дергаться пока не будем. Схлопотать пулю при попытке нападения на охрану я всегда успею. Второй опять же жестами приказывает вытянуть руки вперед и, как только я выполняю приказ, защелкивает на моих запястьях массивные наручники.

Когда я, пригнув голову, чтобы не вписаться лбом в притолоку, выхожу на улицу, то офигеваю второй раз за день.

Потому что ландшафт вокруг до боли знакомый: вон глубоко в ущелье бежит похожий

отсюда на узенький ручеек Шаро-Аргун, вон возвышается над ним гора Баумкорт, а за ней видны вдалеке белоснежные вершины Снегового хребта. Да и полуразрушенная родовая башня справа уж больно приметная, ни с какой другой не спутаешь. Одним словом, Михаил Николаевич, добро пожаловать назад в Шарой! А резиденцией своей турецкий полковник с совершенно дикой для русского уха фамилией Кылыч выбрал бывшее здание районного отдела милиции. Ну да, губа не дура: отличное просторное здание, снаружи — дикий камень, внутри — паркетный пол, пластиковые панели на стенах и подвесные потолки. Строили-то в 2007 году, Рамзан тогда для восстановления республики московских денег не жалел. А чего жалеть-то, ежели не свое, да еще и на халяву?! Вот и строились с размахом и на века.

Турок-конвоир изображает на лице неудовольствие моей медлительностью и, не убирая правой руки с рукояти пистолета, левой показывает направление. Понял, не дурак, пошли. Я, было, попытался вывернуть шею и поглядеть, что на месте нашей базы творится, но не преуспел, сзади послышался грозный окрик, и пришлось дальше идти, глядя строго вперед. Состояние внутренних помещений бывшего райотдела откровенно разочаровало, от бывшего евроремота тут мало что осталось: паркет весь вздулся и повыщербился, большая часть настенных панелей и квадратов подвесного потолка исчезла в неизвестном направлении, а их место заняли цементная «шуба» и грязно-белая известь. Похоже, нелегко пришлось этому домику после того, как я в нем бывал последний раз. На глаза попался яркий плакат, цветной заплатой выделяющийся на серой стене. На нем белозубо улыбающийся и до невозможности гордый красавец в турецкой форме сжимал в руках винтовку с примкнутым штыком. Подписей было две — на турецком и на английском. Турецкую тарабарщину я, разумеется, не понял, а вот на перевод английского вполне хватило и моих полузабытых школьных познаний. «Я горжусь, что я — турок!» и «Мой дом — здесь!», а может даже, «Я тут дома!». Вот так вот, скромненько и со вкусом, он даже тут — дома. Ай, молодец! Что-то сразу Йося Геббельс вспомнился... И с чего бы?

Пройдя по длинному коридору, мы начинаем спускаться в подвал. Там, за массивной металлической дверью обнаруживается пустая комната, больше всего похожая на пресловутые «подвалы Лубянки»: пол, стены и потолок — серый холодный бетон, окон нет, а из мебели — пара стульев, ведро с водой и массивный крюк в потолке. Ох, е-мое, чует сердце, нехорошо мне скоро будет! Все, как по учебнику: перед допросом — предварительная фаза психологического прессинга. А если по-русски — бить будут, причем долго и, скорее всего, больно.

Не ошибся. Меня, не мудрствуя лукаво, просто цепляют цепью наручников за крюк, словно боксерскую «грушу». Ага, я «груша», а эта парочка уродов — боксеры. По сравнению с ними седой младший лейтенант из Червленной — просто дите малое. Эти били просто и без изысков. Уже минут через десять, получив очередной, неизвестно который по счету удар по печени, я просто вырубился. Но долго «отсутствовать» мне не позволили — окатили из ведра ледяной водой, и все началось по второму кругу. Одним словом, когда меня волоком втащили в камеру и, немного раскачав, прямо от лестницы зашвырнули на нары, выглядел я, наверное, — краше в гроб кладут. Да и чувствовал себя не намного лучше. Сокамерник мой, до того все так же безучастно сидевший на нарах, как только дверь за турками захлопнулась, достал откуда-то наполовину пустой глиняный кувшин с отбитой ручкой. Напившись, молча возвращаю ему посудину и благодарно киваю. Тот кивает в ответ. Вот и поговорили.

Утром разлепить глаза удалось с большим трудом: разбитое лицо отекло, веки набрякли. На ощупь голова сильно напоминает гигантскую подгнившую картофелину: мягкую и какую-то коряво-бугристую. Утро китайского пчеловода, блин! Отбитые, но вроде не сломанные ребра болят страшно, да и ливеру вчера пришлось несладко. Ладно, уроды, бог даст, придет время — сочтемся. Я едва успел еще раз напиться и «прогуляться» до отхожего места, которое тут заменяло большое ржавое ведро, как за мною снова пришли. Снова двое солдат, но уже других. У вчерашних, похоже, смена закончилась. На меня снова надели наручники и повели через окруженный высоким каменным забором двор к зданию

райотдела. Правда, на этот раз мы к подвалу не пошли. Пройдя ободранный и обшарпанный коридор примерно до половины, вошли в двери какого-то кабинета.

Да уж, похоже, что все убожество снаружи совершенно не коснулось места, в которое меня привели. По сравнению со всем только что увиденным кабинет выглядел просто роскошно: толстый ворс ковра на полу, основательная, по-моему, даже натуральной кожей обитая мебель, звериные шкуры и оружие на стенах. Вошедшие следом конвоиры статуями замерли у порога, так и не убрав рук с пистолетов. Оружием на стене заинтересовался особо, очень уж не похож был этот арсенал на парадную коллекцию: «Винторез» с расщепленным прикладом, пара американских карабинов М-4 разной степени ушатанности, один — обычный, второй — в хорошем тактическом «обвесе» вроде того, что я снял с командира группы «Оборотней», обычный АКС-74 с подствольным ГП-25 и очень необычная снайперская винтовка. Я в оружии разбираюсь неплохо, уж если сам в руках не держал, так хотя бы по плакатам или картинкам знаком, но тут пришлось честно признать — такой никогда не видел. Толстый ствол с длинным и узким цилиндром дульного тормоза-компенсатора на конце, явно ручной работы, красивое и, скорее всего, удобное ложе необычной формы из матового темно-зеленого пластика. Приклад с регулируемой «щекой» и затыльником. Скользящий затвор и маленький, едва выступающий снизу из корпуса, отъемный магазин патронов на пять. И большой оптический прицел. Я в них разбираюсь плохо, но явно не наш ПСО, а какой-нибудь «Льюпольд» или еще какая-то дорогущая импортная игрушка, за которую наши отрядные снайперы готовы были душу продать. Эта винтовка чем-то неуловимо напоминала нашу СВ-98⁵¹ или финскую TRG,⁵² но в то же время была как-то элегантнее, что ли. Одним словом, видно было, что ручная работа, эксклюзив, а не конвейерная сборка. Красавица!

— Что, заинтересовался моей коллекцией? — разглядывая висящие на стене стволы, я даже и не заметил, как сквозь занавешенный тяжелой бордовой портьерой дверной проем в кабинет зашел его хозяин. — Это не просто оружие, оно принадлежало моим самым лучшим, самым опасным и дерзким врагам. Я, знаешь ли, немного тщеславен, люблю иногда вспомнить былые победы. Будь уверен, твой автомат займет — на этой стене достойное место.

Потом полковник что-то говорит по-турецки, и один из конвоиров снимает с меня «браслеты», а когда я начинаю растирать отекающие кисти рук, жестом указывает мне на стоящий посреди кабинета стул. Что ж, присядем, если предлагают.

Если бы меня попросили коротко описать внешность полковника, я сказал бы: скользкий мерзкий тип. Хотя, если уж совсем откровенно, неприятной его внешность вовсе не была, скорее полковник был похож на актера Омара Шарифа в возрасте лет сорока пяти — пятидесяти: смуглое, с правильными чертами лицо, черные глаза, густые брови, ухоженные усы с проседью. Такие вот восточные красавцы часто женщинам нравятся, но лично у меня почему-то ассоциируются с сутенерами. Не знаю, наверное, просто не люблю таких вот лощеных типов, таких манерных и приторно-утонченных. Тоже мне, аристократия, блин! С помойки...

— Ну, здравствуй-здравствуй, мой юный друг, — в отличие от мамелюков, с их вполне обычным южнорусским говором, полковник говорит с чуть заметным, но необычным акцентом. — Много о тебе слышал, уже и не надеялся встретиться, тут — такой сюрприз. Я — полковник турецкой армии Атмаджа Кылыч. Можешь звать меня Атмаджа-эфенди.

— Спасибо, обойдусь без этой высокой чести.

— Ай, как невежливо, — осуждающе качает головой турок. — Впрочем, отлично тебя

⁵¹ СВ-98 — снайперская винтовка российского производства, состоящая на вооружении спецподразделений МВД РФ.

⁵² TRG — Sako TRG-42, финская снайперская винтовка. Изначально — охотничья, эта винтовка из-за своих превосходных ТТХ широко используется спецподразделениями силовых структур многих европейских стран.

понимаю, профессионал такого уровня, и вдруг глупо попадает, как мальчишка, полезший за алычой на соседский сад... Согласен, обидно. Да, и еще, ты все еще жив по одной-единственной причине — потому что мне интересен. Напомнил ты мне меня самого в молодости, вот и захотелось на тебя посмотреть. Но если будешь вот так вот хамить — интерес пропадет. Последствия для тебя — очевидны. Так что пыл свой поумерь. Представиться не желаешь?

— А зачем? Все мои вещи все равно у вас, удостоверение в том числе. Читайте на здоровье.

— Да я и без удостоверения про тебя, юноша, все знаю.

У меня в душе заворошились нехорошие предчувствия. Это что же именно он имеет в виду под словом «все»? Неужели «кроты» в Червленной и Ханкале докопались до истории моего появления на Терском Фронте? Нет, быть не может!

— А не слишком ли самоуверенно? Прямо-таки все? Сильно сомневаюсь!

— Может, проверим? — в глазах полковника загорелся азартный огонек.

Ну, надо же, какой интересный мне собеседник попался! Другой бы давно молоток, клещи и паяльную лампу расчехлял или давешних костоломов вызывал, если самому пачкаться неохота, а этому пообщаться вздумалось. С чего бы? Вроде пустомели и дешевые позы в разведке не задерживаются и уж тем более до полковничьих погон не дорастают. Разве что... Похоже, этому типану тут просто скучно. Сидит в глухих горах явно неглупый и наверняка очень амбициозный дядя, а весь круг общения — или подчиненные, с которыми по-человечески говорить не позволяют устав и субординация, или полудикие Непримиримые. Прямо скажем — те еще собеседники для образованного человека. А тут я подвернулся, вот и захотелось ему поговорить. Что ж, попробуем подыграть. Развожу руками, как бы говоря: «Я весь внимание». Что ж, уж лучше пусть этот турок мне расскажет, чего он про меня самому себе навывдумывал, чем будет паяльной лампой из меня признания выжигать. Да и во вчерашний подвал мне что-то совсем не хочется.

— Честно скажу, сначала я тебя чуть было не проглядел, — полковник улыбнулся мне, как родному. — Боем в Алпатово даже не заинтересовался, так, мелькнуло в сводках, что еще одна группа Непримиримых была уничтожена при нападении на колонну... Но уже после второй твоей операции, когда ты выследил и убил Джамалханова, я понял, что в наших краях объявился серьезный игрок. А уж после подрыва моста начал носом землю рыть, пытаюсь выяснить, кто же это такой прыткий и откуда взялся. Кстати, должен честно признать, твоя засада на посыльного у моста рядом с Ведено — просто шедевр! Уж поверь, я знаю, о чем говорю, сам в кайсери⁵³ по молодости сначала взводом, а потом ротой командовал.

Я молча головой кивнул, мол, поздравления приняты. А турок, подкрутив кончики своих пижонских усов, продолжил:

— Мои источники у вас подтвердили, завелся в Червленной пришлый спец. Сначала был схвачен контрразведкой, потом с извинениями отпущен. Словом, загадочный тип. Кое-кто, — Кылыч саркастически ухмыльнулся, — умудрился даже тебя за мамелюка принять... Идиот! Но мне больше было интересно не то, что ты собой представляешь, а то, откуда ты вообще взялся. Я начал искать и, представь себе, — нашел.

В желудке у меня неприятно похолодело. Неужели действительно что-то разнюхал?

— Я сделал несколько запросов, — продолжил полковник. — И знаешь, что выяснил?

Я без малейшего притворства честно состроил непонимающую физиономию, мол, куда уж мне.

— А выяснилось вот что: оказывается, в августе месяце на нашей территории очень серьезно поработали югороссийские диверсанты. Провели крупные диверсии на военных складах в Гори, сорвали серьезную операцию. И это уже не говоря о потерях в живой силе:

⁵³ Кайсери — диверсионные подразделения, командос воздушно-десантных войск Турции.

сначала охрана складов, потом те, кто эту группу в горах преследовали. Ничего не напоминает?

Снова отрицательно мотаю головой.

— Да неужели? — тон у полковника становится язвительным. — Ладно, может, дальше что припомнишь... Так, на чем это я... Ах, да. В общем, группу эту все-таки зажали, подтянув на помощь пехоте батальон десантников. И всех их уничтожили. Правда, тело одного русского, вот ведь незадача, сорвалось в пропасть. А горы в тех краях высокие, и реки быстрые... Впрочем, кому я это рассказываю?! А буквально через неделю в Червленной объявляется один непонятный человек. Которого сначала арестовывают и бьют на допросах, а потом отпускают, расшаркиваясь и извиняясь при этом, будто нашкодившие дети. Мало того, в первых упоминаниях об этом человеке, о которых удалось узнать через мои источники, он проходит как «прапорщик Тюкалов». А буквально через два месяца он, вернее, ты — уже лейтенант.

Тут полковник открывает ящик письменного стола и достает из него мое удостоверение и лист наградного.

— Мало того, этот лейтенант еще и награждается орденом Мужества за некий ранее совершенный подвиг, обстоятельства и время которого засекречены... С ума сойти! Удивительное совпадение, не правда ли!

Мне остается только ошеломленно кивнуть. Действительно, такое совпадение — это ж просто отвал башни! Сценаристы латиноамериканских сериалов рыдают от зависти в темном углу!

— Но вот чего я никак не мог понять, — продолжил Кылыч, — так это зачем этот спец тут остался, почему не уехал сразу в свой Ростов или в Краснодар? И тут всплыла еще одна интересная деталь. Тот человек, что убил Джамалханова, соорудил на давно заброшенной русской базе братскую могилу.

А несколько позже, когда узнал, что ее осквернили, устроил веденским Непримирым такую кровавую баню, что тамошний амир приказал к той могиле даже близко не подходить. Впечатлил ты его. Меня этот факт сильно заинтересовал, и я решил сам туда прокатиться, поглядеть, что да как.

Ледяные мурашки снова пробежались вдоль позвоночника: ведь там, буквально в десятке шагов от креста, стоит могильный камень с моим портретом и именем. Но если он его видел, то зачем весь этот рассказ о пропавшем в горах Грузии диверсанте? Спокойно, Миша, не дергайся!

— Представь мое удивление, — как ни в чем не бывало, продолжает турок, — когда посреди этой базы я обнаруживаю поставленный еще до войны памятник. Правда, он оказался слегка поврежден: кто-то из Непримирых, скорее всего, когда они ломали крест на могиле, пострелял по могильной плите из автомата, сколов часть надписи и фотографии. Но дата смерти, почти вся фамилия и даже часть портрета — уцелели. Должен тебе сказать, ты здорово похож на своего отца.

Охренеть! Вот это я понимаю — крутил, крутил да и выкрутил!

— И знаешь, — в голосе полковника я уловил уважение. — Даже учитывая, что мы с тобой враги, твой поступок — поступок мужчины. Так помянуть своего отца и его товарищей смог бы не каждый.

Что ж, о моем истинном происхождении Атмаджа-эфенди не догадался, в противном случае одному Аллаху ведомо, что бы со мною сделали. Скорее всего, в какой-нибудь турецкой лаборатории на запчасти бы разобрали, как ту морскую свинку. К счастью, полковник считает меня местным, каким-то очень серьезным диверсантом. И какую выгоду из этого можно извлечь?

— Ну, хорошо, просчитали вы меня, — подаю я голос после некоторых раздумий. — Но зачем было на меня такую охоту устраивать? Вон, на колонну напали, кучу людей потеряли, и что, лишь для того, чтобы на меня поглядеть?

— Не льсти себе, — обнажает белоснежные зубы в улыбке Кылыч. — Колонну

«закрыли» вовсе не из-за тебя. О том, что ты там, мы вообще не знали. Но так удачно получилось, что командовавший засадой офицер знал и о моем к тебе интересе, и о том, как ты выглядишь. Да-да, фотографию твою с удостоверения я тоже раздобыл...

Ничего себе! Какой осведомленный у господина полковника «крот»! Эх, блин, добраться бы до Исмаилова с такой-то информацией, наверняка не так уж много народу к моему новому личному делу доступ имело. Но Олег далеко, и добраться до него — та еще задачка.

— Пусть так, все равно, этот самый лейтенант обо мне знал. И имел приказ, если встретит, брать живым. Кстати, чем это он меня так приласкал?

— Обычный спецбоеприпас для полицейского помпового дробовика. Контейнер с песком, такими еще дверные замки выбивают. Слыхал?

— Приходилось, — согласно киваю я, морщась и легонько потирая левый висок. — Ладно, вернемся к тому, с чего начали. Зачем это все? Неужели для того, чтобы вы со мною тут немного побеседовали?

Благодушная улыбка исчезает с лица полковника, и он становится серьезным.

— Не только, господин лейтенант, не только. Специалистами такого уровня у нас разбрасываться не принято.

— В каком смысле? Что, вербовать будете?

— Скажем так, — Кылыч снова подкручивает свой ус. — Предлагать сотрудничество. Не буду скрывать, хорошему профессионалу нашего с тобою профиля применение всегда найдется. Даже если не на передовой, то в учебном центре. Убитый тобою под Ведено американский морпех — далеко не единственный иностранец в нашей армии. И до ядерной войны в Турции были американские военные, которые потом присоединились к нам, да и в Грузии, когда стало ясно, что тамошние вояки годятся разве что на смазку для траков наших танков, очень многие иностранные инструктора, обучавшие грузин, быстро сделали правильный выбор. Нет, не все, конечно. Были и те, что против нас воевал.

Полковник взглядом указал на висевшие на стене американские карабины.

— Но вот закончилось все для них плачевно...

— Нет, что-то не хочется мне под зеленые знамена Пророка вставать...

— Какие знамена? Какого Пророка? — турок саркастически морщится. — Я тебя умоляю! Не стоит нас равнять с местными дикарями. Турция — светское государство. Заметь, самое сильное из ныне существующих. С мощной армией, развитой промышленностью и Целью.

Последнее слово он прямо-таки выделил голосом, чтобы я понял, что речь идет именно о Цели с большой буквы.

— И что же это за Цель?

— Великий Туран, — с пафосом отвечает он. — Огромная и великая держава, которая сплотит и объединит все тюркские народы, пережившие катастрофу, и поведет их в светлое будущее.

Ой, блин, как все, оказывается, запущено! Тут, оказывается, буйным цветом национализм на грани фашизма...

— Слышал-слышал, пантюркизм, Великий Туран, «Серые волки»...⁵⁴

— Надо же, действительно слышал, — удивленно приподнимает бровь Кылыч. — Признаюсь, ты меня снова удивил!

— Ну, а как быть нетюркским народам? Они каким-то образом в вашу великую державу вписываются?

⁵⁴ «Серые волки» — «Боз курт», турецкая националистическая организация, ставящая своей целью создание единого государства Великий Туран на территориях, на которых проживают тюркские народности. Тот факт, что эти территории принадлежат другим государствам и на них проживают представители иных народов, «Волков» не смущает. По сути — турецкие фашисты. В настоящий момент подавляющее большинство офицеров турецкой армии и спецслужб — активные участники или сторонники «Боз курт».

— А им останется либо признать свою подчиненную роль, либо освободить жизненное пространство для других.

Угу, зашибись, то есть — либо в рабский барак, либо в компостную яму. Шикарный выбор!

— А если не захотят?

— Послушай, Михаил, — впервые с начала разговора полковник называет меня по имени. — Ты же военный человек. Так зачем ломаешь эту комедию? Те, кто не захотят, — исчезнут. Историю в школе учил?

Я киваю.

— Про судьбу Римской империи помнишь? Те тоже были сильные и могучие, сами утопали в роскоши, а всех вокруг обдирали... Чем закончилось? Что характерно: и для второго, и для третьего Рима все кончилось тем же самым. Одни воспоминания остались. И что забавно, у вас же, у русских, поговорка была: «Москва — третий Рим, а четвертому — не бывать». Вот тут я полностью согласен. Хватит! Именно вы, христиане, обвиняли мусульман во всех грехах, и все лишь для того, чтобы прибрать к рукам бесплатно то, что принадлежало нам. Вы жирели, когда у нас дети от голода умирали. А потом, как помойные псы, перегрызлись и перебили друг друга, и чуть не угробили весь мир, просто так, за компанию. И после этого мы должны с вами церемониться? Да с чего бы это?! Но, повторяюсь, мы — не дикари и не фанатики. Если есть люди, способные принести пользу, то убивать их — неразумно. И мне кажется, что ты вполне можешь стать одним из таких людей. согласишься — и тебя уже завтра отправят на нашу базу в Эрзерум. Врать не буду, сначала за тобою будут приглядывать. Но потом, если сможешь заслужить доверие... Опять же, я не предлагаю тебе, как ныне покойному сержанту Броуди, должность командира диверсионного отряда. Тебе не придется лично убивать своих соотечественников. Ты будешь инструктором, тренером, учителем, если на то пошло.

— Ну, да. Я в своих друзей стрелять не буду, это за меня мои ученики сделают. Так выходит? — хмуро бросаю я.

— И что? — искренне удивляется Кылыч. — Если я все правильно помню, то ваш конструктор Михаил Калашников не очень-то переживал из-за того, что из его автомата убивают людей по всему миру. Он хорошо делал свое дело, а все остальное — не его проблемы.

Вот ведь задачка... И как теперь быть? Соглашаться, а потом при первой же возможности — «на рывок»? Так далеко не факт, что такая возможность в дороге появится. А из Эрзерума сбежать — вообще из области фантастики. Местности не знаю, языка не знаю, ни оружия, ни еды... Короче, такие варианты даже в кино и в книжках не прокатывают. Попробовать время потянуть?

— А время на размышления у меня есть?

— Минут пять дам, — с невозмутимым лицом отзывается полковник.

Вот скотина! Мысли, словно белки в колесе, вихрем носятся в голове. Нет, соглашаться нельзя. А если откажешься, то, скорее всего, шлепнут тебя, Михаил Николаич, у ближайшей подходящей стенки или вообще в Ведено отдадут. То-то там народец рад будет. Твою ж маму! Одна остается надежда, что Эли про меня не забудет. А иначе — точно крышка. Почему-то вспоминается фраза Владимира Высоцкого из древнего, виденного еще в детстве, фильма «Интервенция»: «Сигарету можно взять, а вот от жизни придется отказаться». Поднимаю глаза на замершего в ожидании полковника.

— Нет, Ахмаджа-эфенди, я от вашего щедрого предложения, пожалуй, откажусь. Что-то мне в убийстве русских людей участвовать даже в качестве дрессировщика в вашем «зверинце» неохота.

Кылыч долго и пристально смотрит мне в глаза, но не выдерживает и отводит взгляд первым.

— Что ж, выбор сильного человека... Не одобряю, но уважаю... Надеюсь, ты понимаешь, чем этот отказ для тебя обернется?

— Отлично понимаю.

— И не страшно?

— Глупый вопрос. Смерти только клинические идиоты не боятся. Но бывают в жизни такие моменты, когда смерть — далеко не самый хреновый выход.

— Да уж, — удивленно мотает головой полковник. — Вот теперь я готов поверить в любые истории про русский спецназ. Аллахом клянусь, я бы так не смог.

Я лишь развожу руками, мол, ничем помочь не могу.

— Ну, если так, я тебе подарок сделаю как солдат солдату. В Ведено тебя не отдам — обойдутся. И над телом твоим глумиться не позволю. Похороним, как положено.

— А каким макаром казнить будете? — решаю до последнего держать форс я, хотя состояние сейчас самое что ни на есть препоганейшее.

— Умрешь, как и положено солдату, — отвечает мне ставший враз каким-то преувеличенно серьезным Кылыч. — От пули.

— И на том спасибо, — невесело ухмыляюсь в ответ. — А то как-то никогда мне не нравилась идея быть зарезанным, как баран. Ладно, славно поговорили, пойду я, наверное. Перед казнью бы выпасться не мешало.

Встаю и не спеша направляюсь к двери, возле которой по-прежнему стоят двое охранников.

— Нет, вы, русские, — точно все сумасшедшие, — бросает мне вслед турок.

— Ты даже не представляешь насколько, — не оборачиваясь отвечаю я и выхожу из кабинета в коридор.

Бравада бравадой, а вот уснуть так и не получилось. Лежал, подложив сцепленные ладони под затылок, и пялился в темноту. Как ни странно, но в реальность всего происходящего почему-то не верилось совершенно. Даже страха как такового не было, была только какая-то щемящая тоска и безысходность. А не сваял ли я дурака? Может, стоило все же принять это чертово предложение? Ну, увезли бы в Турцию, а там, глядишь, чего-нибудь и придумал бы... Ага, мля, или не придумал... Вон, тот убитый Толей американец, как там его Кылыч назвал?.. Сержант Броуди, кажется... Тоже сначала, наверное, так же думал, мол, первое время пережду, а там уж... И никакого «там уж» не случилось. Так и пахал бывший brave американский морской пехотинец на новых хозяев, пока не пристрелили, как пса, неизвестно где и непонятно за что. Вот тебе и «Semper fi»...⁵⁵ Нет уж — на хер! Лучше сдохнуть, чем против своих воевать.

Мои терзания прервал довольно громкий шлепок. Я недоуменно провожу рукой по стене и тихо шиплю, когда пальцы нащупывают в каменной кладке что-то горячее. Рефлексы срабатывают быстрее, чем голова. Рушусь пластом на пол под нары раньше, чем понимаю, что держу в руке расплюснутую о камень пулю, которая явно прилетела снаружи, пробив перед этим деревянную дверь. А вот звука выстрела было не слышно. Отсюда вывод — стрелявший явно не хочет привлекать к себе внимание. Так, похоже, как в старом американском кино про ковбоев и индейцев, кавалерия пришла на помощь в самый последний момент. Теперь главное — не мешаться людям под ногами и не нарваться на случайный рикошет. Высунувшись из-под нар, буквально сдергиваю с них за ноги своего молчаливого сокамерника. Тот брякается рядом и я тут же зажимаю ему рот ладонью. Он, конечно, парень молчаливый, но мало ли... Еще начнет голосить спросонья, всю округу перебаламутит. Голосить тот не стал, просто взял мой мизинец на излом, и когда я, скривившись от боли, убрал свою лапу с его лица, шепотом поинтересовался:

— Ну, и какого х...?

— Отпусти, мля, — шиплю в ответ. — А то покалечу. Кажется, за мной друзья пришли, стреляют хорошо, но иногда промахиваются. Или ты шальную пулю ухватить хочешь?

⁵⁵ «Semper fi» — девиз Корпуса морской пехоты США. «Semper fidelis» (лат.) — «Вечно верны».

— Промахиваются — это хреново, — шепчет сосед, отпуская мой мизинец. — Извини, погорячился.

Так и лежим мы вдвоем под нарами, чутко вслушиваясь в ночную тишину. Но слышно нам немного: и стрелки особо не шумят, и часовые, похоже, тревогу поднять так и не успели, да и толстые каменные стены нашего подвала как-то хорошей слышимости не способствуют.

Наконец минут через двадцать в замке начинает скрежетать ключ. На пороге возникает почти невидимая в темноте фигура в темно-сером, немного мешковатом комбинезоне, черного цвета разгрузочном жилете и черной же шапочке, только белая борода в темноте и видна толком.

— Миша, ты тут? — слышу сверху голос Ильяс.

— Тут, Эли, тут, — отвечаю я и, выбравшись из-под нар, начинаю отряхивать с себя прилипший к «горке» мелкий сор.

— Жив?

— И даже почти здоров.

В этот момент мой сокамерник начинает выбираться из-под нар, и Ильяс вскидывает ствол «Вала», а может, и ВСК — в темноте видно плохо.

— А это кто такой?

Тут до меня доходит, что лишние свидетели его деятельности Ильяс совершенно не нужны. Как говаривал папаша Мюллер: «Знают двое — знает свинья». Ведь пристрелит он этого киргиза, не задумываясь пристрелит.

— Он со мной, Эли.

— Друг?

— Знакомый. Но я его тут не брошу.

— Как скажешь. Все, болтать некогда, смена караула через три часа, нам за это время надо уйти как можно дальше.

— Ты уходи, Ильяс, никакого долга за тобой больше нет. У меня еще пара дел тут осталась.

— Каких дел, Миша, ты о чем?

— Во-первых, мне нужны мои вещи, которые у здешнего начальника в кабинете, а во-вторых, сам здешний начальник. Уж больно он умный и знающий, такому не в горах сидеть надо, а в Червленной, а то и в Ханкале.

Ильяс так и не смог подавить смешок.

— Всегда знал, что ты дурак, Тюкалов. Но дуракам Аллах помогает. Давай бегом за своими вещами, там живых уже нету, никто не помешает.

Я метнулся через двор к бывшему райотделу. В дверях, прямо на пороге, тело одного из охранников, перепрыгивая через которое я чуть не рухнул, поскользнувшись на луже крови, натекающей из его простреленной головы. Еще один труп обнаруживается в «дежурке», рядом с ящиком, в котором на гвоздиках висит десяток ключей. Бирки на них на турецком, поэтому я сгребая все. Уж какой-нибудь, да подойдет.

Дверь в кабинет открылась с четвертой попытки. Свет зажигать нельзя, приходится рыскать в потемках, почти что на ощупь. Сослепу вписываюсь коленом точно в угол стола и начинаю сквозь зубы материться. От боли аж светлые пятна в глазах запрыгали.

— Может, так лучше будет? — раздается от двери голос соседа по камере, а по полу пробегает тонкий луч фонаря, с синим маскирующим светофильтром.

— Намного, — соглашаюсь я. — Ты где его достал?

— В «дежурке» в столе лежал.

— Блин, проглядел... Старею. А сам чего здесь?

— Ну, во-первых, ружьишко свое прибрать, — с этими словами он снял со стены так понравившуюся мне снайперскую винтовку и нежно, будто ребенка, прижал к себе. — Во-вторых, тебя поблагодарить. Сдается мне, этот милый старикан, если бы не ты, прихлопнул бы меня, как комара, не задумываясь.

Ты гляди-ка, не дурак парень! Да вдобавок еще и снайпер... Интересно, что если?..

Хотя нет, пока рано.

— Тебя хоть как звать, сосед? А то хороши мы с тобой «знакомые», даже по имени друг друга не знаем. «Милый старикан» снаружи мне, конечно, друг, но излишней доверчивостью не страдает.

— Руслан, — отвечает он.

— Михаил, — представляюсь я в ответ. — Ладно, помоги лучше. Тут где-то, возможно, мой автомат и кое-какие вещи лежат... Хотя, может — и не лежат, но поискать один черт нужно.

— Хорошо, — соглашается Руслан, откидывая портьеру, закрывающую дверь в соседнюю комнату. — Поищем.

На спешное, но, можно сказать, тотальное обшаривание полковничьего кабинета у нас ушло минут десять. Однако результаты меня совершенно не порадовали: у висящего на стене «Винтореза» кроме проблем с прикладом еще и затворная рама оказалась изуродованной, скорее всего, пуля попала. Коллиматор на американском карабине тоже был чистой фикцией: один только корпус. Пришлось удовольствоваться снятым с «семьдесят четвертого» подствольником. Из моего же имущества нашлись только «сто третий» с ГП и «Стечкин». Да по одному магазину к ним. И ни единого патрона... Твою ж мать! Хотя чего удивляться? Господин полковник их на роль экспонатов готовил. Кто ж музейные экспонаты заряженными хранит? Радоваться нужно, что он УСМ в неисправность не привел или еще какую гадость не сделал. Кроме того, Руслан за почти незаметной во мраке шторкой в углу кабинета обнаружил дверцу вмурованного в стену сейфа. Да уж, хорошая, конечно, находка, но без ключа — совершенно бесполезная. А ключ господин полковник наверняка при себе держит. Так что — не судьба... Но вот в остальном — полная амба: ни баула моего с вещами, ни РПС и набедренной кобуры, ни удостоверения, ни орденов в кабинете не нашлось. Главное же — не смог я обнаружить подарка для Насти. Ну, значит, по-любому нужно господина полковника навещать. Поздновато, конечно, для визитов. Но он — человек военный, к форс-мажорам привычный. Думаю, не обидится. А если и обидится — мне плевать с самого высокого минарета!

Высочив на улицу, мы обнаруживаем на крыльце, помимо Ильяса, сразу пятерых крепких парней, одетых так же, как и он. Разве что на них не просто вязанные шапочки, а маски, скрывающие лица. Ну, да, Ильясу с его-то бородищей такую и не натянуть. И вооружены все серьезно: у Эли — «Вал», двое — с ВСК-94 с ночной оптикой, оставшиеся трое — с «девятками».⁵⁶ Ну, прямо штурмовая группа «Альфы», разве что «Алтынов» на головах не хватает.

— Ну, что, Миша, все нашел? — Ильясу явно не терпится убраться отсюда.

— Нет, Эли, почти ничего не нашел. Только оружие, и то — без патронов. Так что придется все-таки к полковнику в гости идти.

— И что, ты думаешь, что он так запросто тебе дверь откроет?

— Почему нет? — искренне удивляюсь я. — Главное — хорошо попросить. Из твоих ребят по-турецки кто-нибудь говорит?

— Все говорят, но Висхат, — Эли показывает рукой на одного из своих спутников, — лучше всех.

— Вот и отлично, тогда пошли, навестим Атмаджу-эфенди.

По аулу крадемся в быстром темпе, но соблюдая при этом предельную осторожность: прячемся в тени высоких каменных заборов, зорко оглядываясь по сторонам. Оно, конечно, глубокая ночь на дворе, но, кто знает, кому и зачем может приспичить на улицу выползти? Но, на наше счастье, добираемся до места без приключений. Как же все-таки хорошо, что мусульмане собак не жалуют! Нет, пастухи в горах один черт кавказских овчарок или

⁵⁶ «Девятка» — 9А-91, малогабаритный автомат под 9-мм спец. патроны СП-5, СП-6 и ПАБ-9, состоящий на вооружении спецподразделений МО и МВД. Оснащен штатным ПБС.

алабаев держат, иначе волки всю отару порежут — глазом моргнуть не успеешь. Но вот домашний Шарик или Бобик в здешних краях даже в былые времена был явлением очень редким. Теперь — и подавно. И это очень здорово! Попробовали бы мы вот так, тихой сапой через русскую деревеньку проскочить. Да дворняги бы всю округу на уши поставили. Здесь же — тишина и благолепие.

А вот дом, в котором расположился турецкий полковник, я не помню. Не было в мое время этого дома. Если мне память не изменяет, тридцать лет назад тут вообще ничего не было, разве что огород чей-нибудь. Теперь — вот эти хоромы. Хотя о том, что это именно хоромы, я пока только догадываюсь, опираясь на то, что видел в кабинете Кылыча. Внешне ничего особенного в нем нет: обычный сложенный из дикого камня большой сарай, крытый тяжелой глиняной черепицей и окруженный высоким, каменным же забором. Тут таких — двенадцать на дюжину. Это на равнине еще как-то стараются свои дома снаружи украсить, а в горах их украшают изнутри. Снаружи же — голая функциональность. Я опасался, что во дворе может быть пост охраны, но Ильяс заверил, что его там нет и никогда не было. М-да, расслабило вас, ребятаки, в глубоком-то тылу. Хотя, а почему только их? У Костылева во дворе дома часового под караульным «грибком» тоже не видно было...

Через забор Ильясовы хлопчики перебрались — любо-дорого глянуть, будто кошки: вроде только что рядом стоял, а потом оп-па, а он уже на ту сторону со стены соскальзывает. Причем — почти бесшумно. Да уж, сразу видно, гонял их мой старый друг серьезно. У меня так же хорошо не получилось: ливер после «обработки руками» не прошел еще. Пришлось мне, как старперу какому-то, вместе с Эли и низкорослым Русланом, который до верхней кромки этого забора при всем желании допрыгнуть бы не смог, войти в приоткрытую для нас изнутри калитку. Позор на мою начинающую сесть голову!

— Ну, мы на месте, как в дом попасть думаешь? — шепчет мне на ухо Ильяс.

— Да есть одна идейка, — так же шепотом отвечаю я. — Висхата позови, а то они пока что для меня все одинаковые.

Эли жестом подзывает к нам одного из своих спутников. Остальные грамотно занимают позиции, беря под контроль территорию вокруг дома. Я растираю озябшие руки, все же не май месяц на дворе, а зима, хоть и без снега, а на мне — только «горка» да футболка под ней. Все остальные вещи в бауле лежали. Быстро объясняю Висхату свою задумку. Тот в ответ молча головой кивает, мол, все понял, сделаю. Ильяс снова усмехается:

— Нет, Миша, все-таки ты псих, но, знаешь, вполне может сработать. А если не купится, можно будет просто сквозь дверь его завалить.

— Не хотелось бы, Эли. Так что этот вариант оставим на самый крайний случай.

Втроем крадемся к входной двери. Висхат пристраивается слева, прижавшись к стене, я точно так же — справа, а Ильяс присаживается на одно колено прямо перед дверным проемом в паре метров от порога, выставив вперед ствол «Вала». Я даю отмашку Висхату.

— Работаем.

Тот начинает негромкой, но частой дробью стучать в дверь. Через пару минут изнутри послышался заспанный и недовольный голос Кылыча. Турецкого я не знаю совсем, но по интонации несложно было догадаться, что слова господина полковника можно перевести примерно как: «Какого хера?» Висхат тут же скороговоркой затараторил по-турецки. Во время инструктажа я велел ему изображать заполошного посыльного из штаба, которому совсем не хочется беспокоить господина полковника, но приходится, потому что его полковничью светлость срочно требует на узел связи какое-то очень большое начальство из Эрзерума. Причем начальство явно чем-то недовольное. Авантюра, разумеется, полная, ведь полковник может заподозрить неладное, не узнав голоса посыльного. Хотя тут уж я рассчитываю на человеческую психологию: когда это большие начальники обращали внимание на всякую мелкую сошку типа часовых или посыльных? Это дежурного по штабу еще помнят или еще кого, рангом повыше, а обычные рядовые так и остаются для старших офицеров подобиями живых манекенов: ходят, козыряют, выполняют распоряжения, даже говорят иногда, когда им это позволяют или приказывают. Одним словом, почти что

деревянные солдаты Урфина Джуса — одинаково безликие. Так что вполне может прокатить. И прокатывает. Начальственного гнева побаиваются в любой армии. Снова бросив какой-то короткий приказ, Кылыч, судя по удаляющемуся звуку шагов, уходит одеваться.

— Велел ждать, — чуть слышно сообщает мне Висхат.

Отлично! Встаю прямо перед дверью, краем глаза подметив, как чуть сместился вправо Эли. Ну, да, я же ему линию огня перекрыл, а так он по-прежнему готов бить на поражение, если полковник нас все-таки вычислит. Но не пришлось. Где-то там, наверху, сегодня точно болеют за нас. Когда входная дверь распахивается, я незамедлительно пробиваю «тройку». Первый удар — правой в горло, два последующих — в переносицу. Турок рушится на пол, как подрубленный. Врываюсь внутрь и с размаху сажусь ему на грудь, прижав коленями его руки к полу, а ладонями зажав рот. Полковник даже не пытается сопротивляться. Блин, я его не пришиб часом, от излишнего усердия? Нет, живой, вон как глаза пучит, бедняга. Знаю, мужик, знаю, удар в кадык — это дико больно. Ну, а что мне было делать? Иначе ты ж воплями своими мог весь аул на ноги поднять. Оно мне надо? Так что уж лучше полежи, родной, повспоминай пока, как именно дышать нужно. Сзади слышен треск распарываемой ножом ткани, а буквально через пару секунд Висхат протягивает мне рукав форменной камуфлированной куртки, скрученной в рулончик. На глаз прикидываю размеры, да, вполне приличный кляп получается.

— Он не задохнется? — интересуется мой помощник, когда я затрамбовываю тряпку в рот толком не продышавшемуся еще турку.

— Нет, не должен. Я ж ему кадык не раздробил, ушиб только. Минут через пять отойдет. Мешок есть?

Парень кивает и достает из кармана разгрузки плотный джутовый мешок и шнурок. Надо же, какой запасливый молодой человек! Ай да Эли, каких орлов воспитал! Внезапно вспоминаю, сколько всякого интересного я умудрился подслушать, пока мамелюки везли меня в Шарой. Э, нет, брат, шалишь! Я их ошибки повторять не собираюсь. Попросив у Висхата нож, отхватываю от шнурка, протянутого им мне, два коротких кусочка, слегка разлохмачиваю их и плотно трамбуя полковнику в уши. Пойдет! Не беруши, конечно, но, «за неимением гербовой»... Нахлобучиваю мешок на голову полковнику и слегка перетягиваю шнурок на горле, чтобы тот не свалился, но и дышать было можно. Затем с помощью Висхата переворачиваю Кылыча на живот и стягиваю руки за спиной его же поясным ремнем. Вот ноги пока связывать не стоит — еще чего не хватало, этого кабана на себе носить. Пусть сам бегают, а уж куда — мы подскажем.

Наконец появляется время оглядеться. От тренчика на форменных брюках полковника в карман уходит прочная стальная цепочка. Тяну за нее и вытаскиваю из кармана связку из полудюжины разномастных ключей. Один выделяется особо, и размером, и хитрыми бороздками. Явно от того сейфа, что в кабинете остался. Эх, блин, жалко-то как! Но возвращаться назад в штаб не позволят ни Ильяс, ни мой инстинкт самосохранения. Видать — точно не судьба!

Приоткрыв дверь в комнату, я чуть не присвистнул от удивления. Так вот куда, оказывается, весь евроремонт из бывшего райотдела «переехал»! Вот они, и потолки подвесные, и паркет, и пластиковые панели под дерево... Ай да господин полковник, ай да сукин сын! Тут с улицы заходят Руслан и Ильяс. Остальные, судя по всему, продолжают подходы к дому «держатъ». Объясняю им, что именно нужно искать. Можно было, конечно, и у полковника уточнить, куда он мои вещи дел, но мне почему-то совсем не хочется у него изо рта кляп вынимать. Хоть он и признался мне, что по характеру — далеко не пионер-герой, но мало ли... Мужик он все-таки бывалый, опять же — офицер, бывший диверсант... Еще отчебучит какую глупость, например, продышится и вопить начнет, так придется его, дурака, резать. Потом самим когти рвать под обстрелом. Неплохая идея, однозначно. Лучше сами пороемся, опять же, может, чего интересного найдем.

И ведь нашли же! Первым делом я начал обшаривать полковничий письменный стол и

чуть не взвыл от счастья. В верхнем ящике лежали и оба моих ордена, и служебное удостоверение, и «Командирские», которые я тут же подзавел и надел на руку, и красная бархатная коробочка с Настиным аленьким цветочком. Ай, хорошо! Но это была не единственная ожидавшая меня радость. На спинке стула висит отличной выделки кожаный ремень с кобурой, из которой торчит рукоять «Кольта». Красивая все-таки игрушка! Вот чисто из принципа затрофею, хоть патронов сорок пятого калибра взять просто неоткуда. Да и фиг с ним! Пусть будет вместо сувенира, на память. Не удержавшись, тяну пистолет из кобуры наружу, и тут мой взгляд цепляется за надпись на вороненой стали затворной рамы: «Colt Combat Commander». Что-то смутно-знакомое колыхнуло в памяти. Точно! Именно эту модель не только в классическом сорок пятом калибре выпускали, но и в тридцать восьмом и в девятимиллиметровом «парабеллум». Выщелкиваю магазин. Точно, они, родимые, 9х19 миллиметров «пара»: пуля чуть острее, чем у нашего патрона для «макарки», и гильза непривычного серебристого цвета с ярким золотистым капсюлем и надписью «luger» вокруг него. Вот это совсем отлично. Патроны для того же «Ярыгина» в «Ратнике» точно есть, а значит, не останется трофей без боеприпасов! Затягиваю ремень с кобурой у себя на поясе. Да уж, ну и видок у меня сейчас, наверное: за спиной — автомат, на поясе — «Кольт», из одного набедренного кармана штанов АПС торчит, из второго — ГП-25. Полная труба! Угар милитаризма, блин! Русская военная угроза во плоти! К вопросу о птицах: надо бы в полковничьих вещах себе какую-нибудь сумочку подобрать под все это барахло, если мой баул не отыщется.

Пробую открыть второй ящик. Закрыто. Уже интересно, что ж там такого важного и ценного, что полковник в своем же собственном доме на ключ запирает? Сначала думаю вернуться в коридор за связкой ключей, но потом прикидываю прочность ящика и замка и решаю — не стоит время терять. Просовываю в узкую щель клинок Висхатова ножа, который я пока не успел отдать хозяину, благо, что нож у него широкий и явно прочный, а замок, судя по виду, вряд ли сейфовый. И точно, стоило слегка поднажать, используя клинок как рычаг, раздался треск ломаемого дерева, и ящик послушно выдвинулся. А вот это уже совсем хорошо! В ящике — какие-то бумаги. В глаза бросаются печати, размашистые подписи, разрисованные красным и синим карты. Ох, елки, похоже, на улице Исмагилова нынче не просто праздник, а этакий филиал карнавала в Рио! Доставая всю эту увесистую кипу макулатуры, я понимаю, что праздник не только у «особиста» Олега, на моей улице нынче тоже «КаМАЗ» с пряниками перевернулся! На дне ящика лежит ноутбук. Причем не какой-нибудь простенький, вроде моего «Асуса», что остался много лет назад на базе в Беное, на котором я фильмы глядел да в игры играл. Нет, тут машина куда более серьезная: толще обычного ноута почти в два раза, корпус — алюминий и то ли мягкий пластик, то ли резина, словом, нечто черное и под пальцем пружинящее. Я похожий видел году в 2005-м на ВДНХ, когда там выставка «Продукция для сухопутных войск» проходила. Там почти такой же агрегат лежал на боку в большом аквариуме, до половины утопленный клавиатурой и экраном в воду, а в ту часть монитора, что высовывалась на поверхность, била струя песка из небольшой пескоструйной машины. И при этом ноут продолжал выполнять какие-то вычисления. Словом, военный ноутбук, надежный и неубиваемый. Да, скорее всего, какой-нибудь «Кризис» он и не потянул бы, так, с другой стороны, он не для игр создавался. Ай, спасибо вам Атмаджа-эфенди. Вы прямо Дед Мороз! Такой подарок мне под елочку! Похоже, я в прошедшем году действительно был хорошим мальчиком. Кстати, интересно, а что ж вы, господин полковник, такие важные и ценные вещи не в сейфе в рабочем кабинете-то храните? Хотя, может, он трудоголик? Сидит, понимаешь, как Владимир Ильич в Смольном долгими зимними вечерами, трудится... Ну, вот и доработался на дому на свою голову! Ладно, погнали дальше.

А вот с «дальше» как-то не особенно заладилось. Организованный нами четверыми вполне грамотный шмон больше почти никаких результатов не принес. Нашелся полковничий карабин М-4, к моему величайшему сожалению, без какого-либо дополнительного обвеса. Патроны к нему нашлись в запаянных в прозрачный пластик

упаковках и кроме них несколько пачек пистолетных, которые я без зазрения совести «прихватизировал». Отыскались магазины к моему автомату и «Стечкину», но снова без патронов. Радиостанции нашлись аж две штуки: мой «Кенвуд» с зарядным «стаканом», и принадлежащая полковнику, похожая на обычную портативную «Моторолу», но с какой-то турецкой тарабарщиной вместо названия. Даже мультитул нашелся. Но на этом — все. Ни баула, ни ременно-плечевой системы, ни набедренной кобуры с ремнем, ни всех остальных вещей, что в бауле лежали. Похоже, или мамелюки на сувениры растащили все, что командиру не нужно было, или просто выбросили за ненадобностью. Радует только, что я, дабы не привлекать к себе лишнего внимания, в Ростов взял не ту РПС, в которой сюда провалился, а одну из новых, на складе полученных. А вот кобура была еще из «прежней жизни», да и маскхалат — тоже. Вроде и мелочь, а жалко. Еще хреновенько, что размеры у нас с полковником уж сильно разные: ни в свитера его, ни куртки зимние я просто не влезу. На дворе все ж таки конец пусть и аномально теплого, но все же декабря.

Рассовываю автоматные магазины по карманам принадлежащего полковнику разгрузочного жилета. Неплохая, кстати, штука. Американцы такой, если мне мой склероз не изменяет, «плейт-кэрриером» называли. Этаким гибрид нашего посконного «лифчика» и бронежилета: с внутренней стороны есть карманы, в которые можно бронепластины вставить. Довольно удобно, если не нужно никуда долго идти или бежать. В машине или на стационарном посту — вообще благодать. Карманы, правда, явно не под наши магазины: шире и короче, чем нужно. Ну, да ничего, до дома потерпим. Все найденные в доме «ништяки» и подствольник со «Стечкиным» упаковываю в обнаруженный в кладовой камуфлированный рейдовый рюкзак. Все вошло, и даже места немного осталось. Уже на выходе сдергиваю с вешалки полковничью зимнюю куртку. Нет, не мой все-таки размерчик: и руки из рукавов торчат, и пуговицы не застегнуть. С разочарованным вздохом протягиваю ее подошедшему Руслану.

— На, брат, одевайся, а то холодно там.

Тот принимает куртку, правда, оторвав с рукава красный с белыми полумесяцем и звездой флаг, и благодарно кивает.

— А сам как же?

— Как-нибудь, — отмахиваюсь я. — Кто ж виноват, что турок нам такой мелкий попался...

— Это не турок мелкий, это ты слишком здоровый, — язвит Ильяс. — Ничего, у меня в переметной сумке свитер есть. Не новый, растянулся немного, но теплый. Думаю, тебе как раз по размеру будет. Все, хватит болтать, хватайте вашего «языка» и валим отсюда. И так уже больше часа потеряли.

В ущелье нас ждал еще один человек Ильяса, охранявший небольшой табун лошадей.

— Вот как чувствовал, заводных⁵⁷ взял, — улыбается Эли. — А то пришлось бы тебе, Миша, за лошадью бежать, за хвост держаться.

— Как бы на самом деле не пришлось, — грустно отвечаю я. — А то наездник-то из меня тот еще. Прямо как собака на заборе...

— Что, вообще на лошади ездить не умеешь? — чуть не в один голос искренне изумляются Висхат и Руслан.

— Да вот как-то не сподобился, — развожу в ответ руками.

— Ладно, главное — держись крепче и под копыта не свались, — хлопает меня по плечу Ильяс, протягивая обещанный свитер. — А лошадки у меня умные, сами куда надо довезут.

— Ох, хотелось бы верить, — крихчу я, взгромождаясь в седло.

Пока я поддевал под «горку» толстый свитер с высоким горлом, Ильясовы парни сноровисто привязали турка к одной из запасных лошадей. Ай, хорошо! Вот пускай на своей

⁵⁷ Заводная — запасная лошадь.

шкуре прочухает, каково это — поперек конячьей хребтины брюхом лежать!

— Ну, куда теперь? — интересуюсь я, когда Ильяс легко, словно мальчишка, вскочив в седло, подъехал поближе и дал команду начать движение. Дальше мы едем бок о бок.

— Сначала к нам. Там на пару-тройку дней залечь на дно и не отсвечивать, пока турки будут горы шерстить. А потом я вас всех торговым караваном в Дагестан вывезу. Там с Ханкалой свяжетесь, и если ваш «барашек» на самом деле такой важный, то вас оттуда быстро заберут.

— Ни фиги себе, дружище, у тебя уже свои караваны появились?

— А ты думал! Иногда быть нейтралом намного выгоднее, чем воевать. Выстрелы-фигистрелы, а кушать-то всем хочется. И одежду нормальную носить. Вот я уже двадцать пять лет как чуть ли не единственный человек из наших мест, в которого на границе с Дагестаном не стреляют. Я им дешевый бензин вожу. Они мне — одежду, снаряжение разное, продукты.

— Только с дагестанцами торгуешь?

— Почему? — искренне удивляется тот. — И в Грузию с Арменией катаюсь, с тамошними турками торгую, и в Азербайджан. Вот там и оружие покупаю, и боеприпасы. Но это не так выгодно, туда многие из Непримиримых ездят.

— А что, грузин и армян турки правда всех под корень извели?

— Правда, — мрачнеет Эли. — Всех, кто убежать не успел. И баб, и детишек. Зверье сумасшедшее! Как можно именем Пророка и Аллаха такое творить? Я не ангел, Миша, ты знаешь, но это уже совсем за гранью...

— Слушай, — соскакиваю я с неприятной для старого друга темы, — а на тебя не подумают, после сегодняшних-то событий? Ты же нейтрал, с нашими не воюешь. Вроде как первый под подозрением?

— Вряд ли, Миша. Все знают, что Ильяс-хаджи хоть с гяурами и не воюет, но и любви к ним не питает. Опять же, все знают, что у меня уже много лет все бойцы вооружены только тем оружием, которым турки вооружены, русского нет. Американские карабины, немецкие штурмовые винтовки, бельгийского есть немного, пулеметы в основном. Все со складов в Грузии взял, году в двадцатом, наверное. А вот про эти, — Ильяс легонько похлопал ладонью по цевью «Вала», — даже свои не все знают. Так, держал на всякий случай. Как видишь —годились.

Дальше едем молча. Лошади довольно ходко рысят по узкой тропе вдоль русла Шаро-Аргуна, его плеск и грохот перекачиваемых потоком камней почти полностью заглушают стук их копыт. Высокие обрывистые каменные стены ущелья, поросшие корявыми соснами и березами, скрывают нашу кавалькаду от глаз возможного случайного наблюдателя. А с затянутого низкими, похожими на клочья темно-серой ваты, облаками неба вдруг густо начинает сыпать крупными хлопьями мокрый снег, замечая наши следы. Да уж, блин, ничего себе праздничная ночь у тебя сегодня выдалась, Михаил Николаевич. Да, кстати, с Новым годом тебя, родной, с новым счастьем!

— Что за винтовка такая? — хитро прищуривается Руслан. — Да не поверишь — «моська»-трехлинейка тульская, одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года выпуска.

— Иди ты! — отмахиваюсь я, отрываясь от чистки трофейного «Кольта». — Быть того не может! Я что, по-твоему, «могинок» никогда не видел?

— Да с этого места мне не сойти! — улыбается мой бывший сокамерник. — Вон, сам погляди, тут даже клеймо есть.

Оставив разобранный «Combat Commander» на столе, я подхожу к большой квадратной тахте, накрытой цветастым горским покрывалом, на которой развалился Руслан. И действительно обнаруживаю на затворе протянутой мне снайперки клеймо Тульского оружейного завода и цифры — 1938. Видя растерянность на моей физиономии, Руслан улыбается еще шире.

— Самоделка это, Михаил. Но, врать не буду, самоделка дорогая и

высококачественная. До Большой Тьмы еще сработанная. Тут ударно-спусковой — от «моси», ствол — от пулемета ПК, только дульник уже самодельный, все остальное — вообще ручная работа. Еще отцу моему покойному на заказ один мастер за большие деньги делал.

— Погоди, ствол от пулемета, говоришь? А разве до Тьмы такое частным лицам можно было?

— За большие деньги — можно. Не всем, конечно, и не везде. Но отец мой не последним человеком в республике был, упокой Аллах его душу.

— Ну, тогда понятно. Я как-то больше о российских порядках осведомлен, а что там у вас в какой-нибудь Киргизии делалось...

— Я вообще-то казах! — с обидой и возмущением в голосе перебивает меня он. — И жили мы в Казахстане!

— А, тогда извини! Это, конечно же, в корне меняет дело! — с самым серьезным выражением лица отвечаю я.

Не выдержав, Руслан начинает хохотать, хотя только что явно намеревался изобразить нешуточную обиду.

Уже больше суток мы прячемся в родовом селе Ильяса, в маленькой, но комфортной комнате без окон, запрятанной где-то в глубине его большого, сильно напоминающего какую-то странную помесь средневековой крепости и современного укрепрайона дома. Обстановка довольно аскетичная, ничего лишнего. Под ногами — мягкие и теплые войлочные половики. Стены увешаны коврами и шкурами разного зверья: медведя, архара, пары довольно крупных волков. Из мебели есть два дивана, на одном из которых сейчас лежит Руслан, стол, за которым сижу я, да пара табуретов. Далеко не «Редиссон-Славянская», но нам сейчас не комфорт нужен... За дверью постоянно стоит один из Ильясовых сыновей. Меняются они, как я уже подметил, каждые три часа. Как и положено часовым, с поста не отлучаются, в лишние разговоры не вступают. У Эли вообще порядок заведен армейский. Я это еще прошлой ночью понял, когда буквально в паре сотен метров от стены, окружающей Дай, звонко клацнул в ночной тишине затвор и молодой, ломающийся и слегка хриплый от холода голос из-за припорошенных снегом камней вдруг требовательно гаркнул:

— Тор, ялх!

— Цха! — тут же отозвался ехавший в головном дозоре Висхат.

— Дик ду,⁵⁸ — раздалось в ответ, и часовой за камнями потерял к нам всякий интерес.

— Надо же, Эли, я смотрю, ты не забыл Устав гарнизонной-караульной службы, — улыбнулся я.

— А ты, похоже, за все эти годы не забыл мои уроки чеченского, — сверкнул зубами в ответ тот.

— Не забыл, но вот со «всеми этими годами» — история сложная и долгая...

— Раз она такая сложная, то нечего о ней сейчас. Доедем — поговорим.

Доехали. Да уж, серьезно мой старый приятель окопался! Не Ханкала, конечно, и даже не Червленая, но без артиллерии и танков в его деревушке непрошеным гостям делать точно нечего: каменная стена — метра три высотой, огневые точки, судя по калибру торчащих из них стволов, разбарахлят на запчасти атакующую пехоту и легкобронированную технику еще на дальних подступах. Кроме легко узнаваемых из-за

⁵⁸ — Стой, шесть!

— Один!

— Хорошо.

По принятой сейчас в Российской армии системе паролей-отзывов, в качестве пароля назначается какая-либо цифра от 1 до 10. Часовой, заметивший движение, называет цифру заведомо меньшую, чем пароль, а в качестве отзыва идущий должен назвать цифру, которая в сумме с названной часовым и должна равняться паролю. Так, например, в описанной ситуации пароль — «семь».

характерной формы ствола с дырчатым кожухом «Браунингов»⁵⁹ пятидесятого калибра, я разглядел в амбразурах еще как минимум пару тридцатимиллиметровых скорострелок с БМП-2. А это, как ни крути — почти четыре километра прицельной дальности, ну, разумеется, не по «броне», а по пехоте, и скорострельность до восьми сотен в минуту. Такой ДОТ без танка или гаубицы хрен задавишь! А помимо огневой мощи тут, похоже, и гарнизон далеко не чувяком шурпу хлебающий. Понятное дело, Ильяс с собой взял самых доверенных и самых лучших, но даже если остальные хотя бы вполтину так же хороши, как и те, кого я в Шарое в деле поглядел, — не завидую я тем, кто придет в Дай с недобрыми намерениями.

По узкой улочке между высокими заборами прмчались быстрым галопом. Остальным-то ничего, а вот я, уже успевший немного привыкнуть за время пути к спокойной рыси моего конька, чуть из седла не сверзился. Хорошо, сообразил изо всех сил в луку вцепиться. Но все верно: хоть и раннее утро еще, темень на улице непроглядная, но не стоит лишний раз гостей на людях «светить». И так часовые, если не слепые от рождения и считать умеют, наверняка углядели, что отряд с момента отъезда на пару человек в численности прибавил. Остается только надеяться, что излишне длинных языков ни у кого среди Ильясовых подчиненных не водится.

Во дворе дома, в который мы влетели через будто по команде открывшиеся ворота, нам с Русланом тоже долго болтаться не позволили. Не успел я сползти с лошади и враскоряку сделать несколько шагов, разминая затекшие ноги, как нас подхватили под руки и чуть ли не отнесли в эту вот комнату. Последнее, что я успел увидеть, так это как снятого с лошади Кылыча тоже быстро тащат куда-то со двора. Наверное, в какой-нибудь зиндан, а может, и камера тут под такие цели у Эли имеется.

— Кушать будете? — поинтересовался вошедший следом за нами Ильяс.

— Я нет, посплю лучше, — тут же отозвался уже усевшийся на край одного из диванов мой бывший сокамерник.

— А я бы от чайку не отказался, а то замерз, как собака, — подаю голос я.

— Ну, так и сделаем, — кивает Эли. — Ты, парень, спать ложись, а нам с Мишей все равно пошептаться наедине нужно. Вот заодно и почаевничаем. А на будущее, если есть, пить или там в туалет захотите — перед дверью парни мои дежурить будут, им скажете, они все организуют.

Чаепитие у нас с Ильясом вышло долгое. От него я решил не скрывать ничего и рассказал все, что со мною произошло, начиная со злополучного сентябрьского утра почти три десятилетия назад. Я говорил, прихлебывая душистый чай с чабрецом и медом, а мой постаревший и набравшийся мудрости и житейского опыта друг слушал, изредка что-то по мелочам уточняя и задавая наводящие вопросы.

— Вот такие вот пироги, Эли, — закончив наконец свой долгий рассказ, пристально смотрю в глаза Ильяс.

Мол, сам смотри, дружище: верить мне или нет — тебе решать, но факт остается фактом: я тут и мне по-прежнему чуть больше тридцати, в то время как ты — уже старик совсем.

— Ничего себе история, Миша, — качает он головой в ответ. — Знаешь, не знал бы я тебя лично — никогда бы в нее не поверил. Но раз ты тут — значит, так было угодно Аллаху. Значит, у него на твой счет какие-то планы. И мой долг, и как твоего друга, и как истинного правоверного, тебе помочь.

— Эли, ты только не обижайся и не принимай мои слова за неблагодарность за все, что ты для меня сделал... Но я ведь не мусульманин! Я не верю в Аллаха. Так какие же у него могут быть на меня планы?

— Эх, Миша-Миша, — с легкой улыбкой, враз собравшей в уголках старых и мудрых

⁵⁹ «Браунинг» — крупнокалиберный пулемет «Браунинг» М2 калибра.50 (12.7 мм), разработанный еще в годы Первой мировой войны и до сих пор состоящий на вооружении армий США и стран НАТО.

глаз много пережившего и много повидавшего человека, ответил мне Ильяс, — сразу видно, что сопляк ты еще, хоть и был в свое время чуть не на десять лет меня старше... Если ты не веришь во Всевышнего — это вовсе не значит, что он не верит в тебя... Ну, а то, что решил Он какую-то важную миссию возложить не на правоверного, так кто мы такие, чтобы судить о Его замыслах? Он — создатель этого мира, и все, что тут делается, происходит исключительно по воле Его.

На несколько секунд он замолкает, достав из кармана массивные четки из черного с белой крапинкой обсидиана, и что-то беззвучно шепчет одними губами, наверное — какую-то молитву. А потом смотрит на меня своими зелеными глазами, в которых, словно у мальчишки-проказника, уже пляшут озорные бесенята:

— Так что, дружище, как ты когда-то любил говаривать: «Поздняк метаться — пол покрашен»!

Да уж, вот такого окончания нашего «теологического диспута» я точно не ожидал и, чуть было не подавившись от удивления персиковым вареньем, судорожно сглотнул и в голос расхохотался. Уже через секунду ко мне присоединился и Ильяс.

— Кстати, Эли, а когда же ты успел Хадж-то совершить? Я помню, году в девятом или в десятом из Грозного прямые рейсы летали, но ведь желающих было — мама не горюй! Как же ты билеты достать умудрился?

— А я и не доставал, — разводит руками он. — Пешком ходил. В пятнадцатом... Почти два года на дороге ушло.

Вот это ничего себе! Теперь становится понятным, откуда у Ильяса-хаджи среди горцев такой авторитет. Пеший Хадж в Мекку — сам по себе поступок незаурядный, а уж после Большой Тьмы, превратившей в радиоактивную пустыню почти весь мир, — так и вообще подвиг. Человек, отважившийся на такое, может себе позволить и куда больше, чем нейтралитет в войне. И никто его ни в чем упрекнуть просто не рискнет.

— Силен! — уважительно качаю головой я. — И как это было?

— Страшно, Миша, — задумчиво отвечает Эли. — Я ведь тогда и поседел, в пути. Такого нагляделся — врагу не пожелаешь. Правильно эти древние греки говорили: «Если боги хотят наказать — они лишают разума». Те, кто начал эту бойню, были полными безумцами. А вслед за ними обезумел и весь остальной мир. Те, кто выжил после взрывов и пережил первые годы Тьмы, уподобились зверям. Честь, достоинство, совесть, доброта — все было забыто. Только сила, только ярость, только злоба... Страшное было время, Миша, и страшные вещи творились.

— Как же ты смог добраться до Мекки?

— Видимо, так было угодно Аллаху, — Ильяс снова начал перебирать костяшки своих четок. — Зато как я был вознагражден в конце пути! Представляешь, Мекка цела, девять минаретов Аль-Харама,⁶⁰ как и прежде, подпирают небо, а Кааба⁶¹ по-прежнему стоит в ее внутреннем дворе, служа киблой⁶² всем правоверным... Ладно, что-то занесло меня, расчувствовался, ты уж прости. Похоже — старею. Давай, отправляйся-ка ты спать. Да и мне вздремнуть не помешает. А то, чувствую, через пару-тройку часов вокруг турки такой шухер подымут...

И вот уже больше суток мы с Русланом обитаем в этой комнате. Уже успели и поспать, и поесть густого, острого и горячего хаша и маринованной черемши под свежий лаваш, и чаю попить. Теперь вот он валяется на тахте, а я, борясь со скукой, чищу и без того идеально

⁶⁰ Аль-Харам (Запретная Мечеть) — огромная мечеть в центре Мекки.

⁶¹ Кааба — самая почитаемая мусульманами святыня, черное прямоугольное строение во внутреннем дворе Запретной Мечети.

⁶² Кибла — ориентир, направление, в котором обращают свои лица мусульмане во время намаза.

ухоженный полковничий пистолет. Ну, и ласы точим, не без того. Все расспросы о прошлом казаха-снайпера и об обстоятельствах, которые привели его в турецкую камеру, я решил отложить на потом. Часовой за дверью — парень, конечно, молчаливый, но ведь не глухой же? Думаю, не стоит лишние проблемы создавать, давая повод ко всяким ненужным подозрениям. Уж если представились знакомыми, то не стоит сейчас подробностями биографии друг друга интересоваться. На это время еще будет. А пока просто травим всякие байки, коих и у меня, и, как выяснилось, у Руслана в запасе превеликое множество.

Дверь вдруг распахивается. На пороге — Ильяс. Вид у него боевой и задорный: глаза сверкают, усы воинственно топорщатся, ни дать ни взять — старый, но еще не потерявший сил котяра после хорошей драки.

— И что ты все с этой ерундовиной возишься, Миша? — тычет он пальцем в «Кольт», который я продолжаю вертеть в руках. — Бестолковая ж машинка, клянусь Аллахом. Весит много, патронов в магазине мало. Вот какой добывать нужно было.

С этими словами Эли достает из кобуры и демонстрирует мне свою «Беретту», кажется «девяносто вторую», если я ничего не путаю.

— Ничего ты, борода, не понимаешь в оружии, — укоризненно качая головой в ответ. — Это ж не просто пистолет. Это легенда! Его же еще в начале двадцатого века на вооружение приняли. Да я, кроме него, вообще ни одного ствола, который бы так долго использовался, вспомнить не могу. Ну, разве что пулемет «Браунинг», они с «Кольтом» почти ровесники. Так что тут дело не в весе, не в скорострельности, не в точности и не в емкости магазина. Просто это — Пистолет с большой буквы «Пэ». Опять же, я ведь с ним в бой идти не собираюсь. Он мне как сувенир нужен, чисто с эстетической точки зрения: смотреть и любоваться.

— Да, Миша, да ты, оказывается, этот... Фетишист, маньяк оружейный, — улыбается Ильяс.

— А даже если и так? Кому от этого вред? Ладно, давай, рассказывай, с кем ты там воевал сейчас?

— Что, неужели так заметно?

— Не то слово. Выглядишь, как бойцовый кот, разве что не воешь и шерсть не топорщишь.

— Ну-ну, — снова скалит в улыбке свои белые, совсем не стариковские зубы Ильяс. — В общем, по вашу душу тут мамелюки были. Правда, предъявлять какие-то обвинения сначала поостереглись, скорее так, намеками... Мол, не видали ли мы чего, не слышали? А под конец так и высказались: мол, ты с кафирами не воюешь, пленника видел, думаем, от тебя информация ушла...

— А ты?

— А я наехал на них, как бульдозер. Под конец так разошелся, чуть сам не поверил, что вас никогда в жизни не видал. Да еще и про оскорбление чести наплел, про нарушение традиций гостеприимства, про то, что они в наших краях все же гости, а уже начинают хозяевам указывать, как жить и что делать. Там, кроме мамелюков, еще и Непримиимые были, так те уже косо на турок поглядывать стали. Нехорошо так поглядывать. Старший их, Али-аскер, как понял, чем дело кончиться может, аж с лица взбледнул. Извинялся долго и красиво, потом уехал дальше терских диверсантов искать. Но, думаю, подозрения у него все равно остались. Так что еще несколько дней сидеть вам у меня тихо, как мышам, и не отвешивать. А потом я вас с торговым караваном в Дагестан выведу, есть у меня один фокус в запасе...

Ну, блин, старый друг! Ну, Ильяс-хаджи! Не ожидал я от тебя такой подставы! Отличный фокус, нечего сказать... Хорошо сейчас Руслану: лежит себе в тайнике, среди ящиков с товаром в кузове грузовичка прямо у меня за спиной и в ус не дует. Еще лучше господину полковнику, того, связанного по рукам-ногам, будто кавказская пленница, прежде чем в «специально обученный» ящик запаковать, еще и дрянью какой-то опоили. Так что у Атмаджи-эфенди сейчас принудительный «тихий час». А слишком здоровый и высокий для

всех этих контрабандистских ухоронок Миша, как самый распоследний камикадзе, едет себе внаглую в кабине замыкающей машины, трясется, как осиновый лист, и от страха потеет. Интересно, кстати, а на кой вообще нейтралу Эли все эти тайники? Да, видно, мой старинный друг не только бензином приторговывает...

Одет я в такой же серый комбинезон, черную разгрузку и вязаную шапочку-маску, что и остальные охранники Ильясова каравана. На коленях вместо привычного «калаша» — в меру покоцанная, что называется, выдавшая виды немецкая штурмовая винтовка G-36, та, которая С, в смысле, совсем короткая. Так что вроде как все нормально, внешне я ничем от всех остальных не отличаюсь, но, врать не буду, все равно как-то не по себе. Вот попадетсЯ блокпост с каким-нибудь параноидально-бдительным или слишком ретивым служакой, потребует он маску снять, и все — хана всей конспирации. С чеченцем меня разве что слепой спутает. Правда, Ильяс перед выездом заверил, что все желающие сунуть нос в перевозимые им товары или докопаться до его парней в здешних краях давно уже повывелись, но сейчас ситуация особенная. Все ж-таки не каждый день тут штабы гарнизонов вырезают, пленников освобождают да полковников воруют. Так что турецкие вояки могут и бдительность проявить. С другой стороны, если Ильяс решил все устроить именно так, значит, в правильности своих действий уверен. Это мне, как тому хрестоматийному пролетарию, кроме своих цепей (ну, и жизни), терять нечего. А на нем ответственность за целый тейп, пусть и небольшой. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест!

Пока я кручу все эти соображения в голове, колонна наша, гремя на ухабах железом и цокая копытами по камням, неспешно ползет по прижавшейся к стене широкого заснеженного ущелья дороге. Хотя колонна — это слишком громко сказано: три автомобиля в окружении примерно взвода всадников. Все наши грузовики — два бортовых и одна «керосинка» — уже и сами, наверное, давно забыли, на каком заводе их когда-то произвели. А я еще в свое время принадлежавшие болгарским оружейникам «КамАЗы» в реквизит для «Безумного Макса» сватал. Нет, оказывается, те выглядели еще вполне прилично, в отличие от этих монстров чеченского народного автопрома. Думаю, «керосинка» в прошлой жизни была каким-нибудь «ЗИКом»-молоковозом, а вот о происхождении «хозяек» я даже гадать не возьмусь. Больше всего они напоминали очень большие пустынные багги, с более-менее закрытыми кабинами и вместительными кузовами, на дуги которых были натянуты выцветшие от времени и во многих местах заплатанные брезентовые тенты. Но, при всей своей внешней уродливости и несуразности, были они, похоже, в отличном состоянии. По крайней мере, двигатели работали куда ровнее, чем у грузовика мамелюков, на котором меня в эти горы завезли. Да и едет довольно шустро, чувствуется, что могла бы и раза в два, а то и в три быстрее, вот только тогда верховое сопровождение отстало бы, да и груз на рытвинах горной дороги растерять не долго. Хотя были и недостатки: через разнокалиберные щели и дыры, коих в кабине было очень много, сквозило немилосердно. Несмотря на теплое шерстяное белье и свитер, поддетые под комбез, я уже начал понемногу подмерзать.

Ну, да ничего, не так уж далеко тут ехать: по Кирийскому мосту, тому самому, на котором много лет назад наш блокпост стоял, через Шаро-Аргун перебраться, потом проехать развалины сел Кири и Кенхи, и — все, граница Дагестана. Там, правда, по словам Ильяса, тоже первые полтора десятка километров только глухие горы, зато потом — форт, вроде как в Аргуне. В нем — гарнизон. А в гарнизоне по-любому связь. Большого мне и не нужно. Свяжусь напрямую с Исмагиловым, пусть нас отсюда вытаскивает, если ему цельный турецкий полковник в комплекте с какими-то документами, картами и даже ноутбуком нужен, конечно. Кстати, вот ноут, после того как «особисты» с него все им нужное скачают, надо будет попытаться себе зажилить. Конечно, Олег и его коллеги могут и не согласиться с такой постановкой вопроса, но уж тут я в своем праве. Трофей? Трофей! Опять же, «Falcon» с негра-морпеха снятый, мы с Толей им без разговоров отдали. Так что шансы есть.

Забавно, блокпост на Кирийском мосту, можно сказать, и не изменился с 2008 года: все те же четыре будки из дикого камня и шлагбаум. Разве что Непримиримые невысокую, примерно мне по грудь, стену с бойницами из камней вокруг него построили да какое-то

подобие ДОТа из крупных валунов сложили. Зато служба тут налажена куда лучше, чем на вырезанном нами с Толей «блоке» возле Белгатоя. Колонну нашу тормознули метрах в пятидесяти от стены. В бойницах замелькали занимающие позиции бойцы, а к головной машине, в кабине которой рядом с водителем сидел Ильяс, направились сразу трое — двое Непримириемых и один, судя по форме и нашивкам на ней, турок, по-моему, лейтенант. Эли вылез из кабины, поздоровался со всеми троими за руку, начал о чем-то разговаривать. О чем именно, я так и не разобрал: далековато все же, да и говорили они слишком быстро, я не настолько хорошо язык знаю. Но подробности мне и не нужны были, потому как все можно было понять и так, по мимике, жестам, тональности голосов. Сначала с Ильясом говорил один из Непримириемых, говорили вполне спокойно, даже дружелюбно. Потом в разговор влез турок, Эли ответил довольно резкой тирадой. Лейтенант начал повышать голос, Ильяс в долгу не остался. Оба чеченца попытались было разгорающийся конфликт уладить, но безуспешно. Турок что-то громко и презрительно выкрикнул в лицо Ильясу и попытался вытащить из кобуры пистолет. Ну-ну, наивный ты наш! Вокруг защелкали предохранители и громко заклацала сталь затворов. Сам я, последовав примеру водителя, выскочил из кабины и, укрывшись за передним колесом, принял изготовку для стрельбы с колена. Турок, увидев, какой оборот приняла ситуация, руку от кобуры быстренько убрал и начал что-то доказывать своим спутникам. Те быстро загалдели, обращаясь то к нему, то к Ильясу, то друг к другу. А Эли зловещим театральным шепотом что-то угрожающе цедил сквозь зубы. Ну, понятно, старая горская игра «меряемся пиписьками»... Можно слегка расслабиться: если сразу пальбу не открыли, то теперь будут друг дружку запугивать и «строить». У кого лучше выйдет — тот и выиграл.

Так и получилось. Минут через пять отважный офицер армии Великого Турана потребовал у одного из стоящих за стеной бойцов принести радиостанцию (слово «рация» я расслышал вполне отчетливо), с кем-то связался и что-то долго втолковывал в микрофон, прижимая один из наушников к уху рукою. Видимо, ответ его не удовлетворил, потому что, закончив разговор, он со злостью швырнул рацию в руки принесшего ее боевика, от неожиданности чуть не уронившего дорогостоящую аппаратуру на землю и, скривив лицо, молча дал отмашку Ильясу, мол, проезжайте. Эли презрительно сплюнул себе под ноги, вежливо попрощался с обоими Непримириемыми и забрался назад в кабину. Фу, блин, кажется все нормально!

На территорию дагестанского пограничной крепости нашу колонну, разумеется, никто не пустил. Торговля происходила на небольшой площадке рядом с дорогой, метрах в пятистах от ее ворот. Похоже, в прежние времена тут была автозаправочная станция, о которой теперь напоминают только торчащие из-под снега ржавые металлические люки подземного топливного резервуара да обвалившийся невысокий кирпичный цоколь будки. Когда мы поставили свои машины в рядок с одного края площадки, а наша охрана спешила, из ворот выехали две армейские «шишиги» и бензовоз «Урал». Из кузова одного из «шестидесят шестых» повыскакивал десяток пограничников. Вот и вся охрана. Хотя, а зачем она? Площадочка эта со стен крепости простреливается вдоль и поперек, и ничего, хоть отдаленно напоминающего укрытие, в радиусе пары сотен метров вокруг нас не наблюдается. Так что подвоха местные не опасаются.

А вот Ильяс, старый горный лис, точно что-то (а может, и кого-то) тайком возит, причем не первый раз. Уж больно у него все отлажено: перебросился парой слов со старшим из числа пограничников, одними глазами показал ему на меня, а потом дал команду на разгрузку. Бензин из одной машины в другую начали перекачивать мотопомпой, а вот ящики и тюки из наших грузовиков в ГАЗоны пришлось Ильясовым парням и погранцам, закинув автоматы за спину, совместно перетаскивать вручную. Я, как и было обговорено заранее, перенес пару ящиков, а потом забрался в самую глубину кузова грузовика, в котором проехал всю дорогу, и, достав из-под ящиков большой мешок, начал переодеваться в лежащие в нем «горку» и полковничий разгрузочный жилет. Серый комбинезон, маску, черную разгрузку и штурмовую винтовку убираю на освободившееся место и оставляю в

кузове, закидываю за спину свой «калаш» и, взяв в руки большой тюк, неторопливо выбираюсь наружу. Что интересно, продолжавшие все это время заниматься разгрузочно-погрузочными работами пограничники и бойцы Ильясова тейпа не обратили на мои манипуляции ни малейшего внимания. Значит, видели такое уже не один раз. Ох, не прост мой друг!

Перегрузив все ящики, мешки и тюки в «шишиги», пограничники, помогая друг другу, забираются в кузов. Ухватываюсь за протянутую мне руку и одним плавным движением забрасываю себя под тяжелый прорезиненный тент. И обнаруживаю, что мне в лицо смотрят сразу три автоматных ствола. Чья-то рука уже отстегивает от моего автомата магазин, другая — вытягивает из набедренной кобуры «Кольт».

— Слышь, гость, ты это, главное, лапы от пушки подальше держи и не дергайся, и все будет хорошо, — басит невысокий крепыш с сержантскими погонами на плечах. — Кто ты такой, мы не знаем и знать не хотим. Но дурить не советую. Доведем тебя до командира, вот с ним все вопросы и порешаете. А у нас задача простая — тебя и два ящика в штаб дотащить.

— Не вопрос, ребята, — я осторожно присаживаюсь на ближайший ящик и миролюбиво выставляю перед собой раскрытые ладони. — Сижу тихо, резких движений не делаю. Одна просьба: ящики кантуйте поаккуратнее, там очень ценный и очень нежный груз, который до руководства должен доехать без повреждений.

— Не переживай, сделаем, — отвечает все тот же сержант.

«Шестьдесят шестой» рыкнул мощным двигателем, и кузов заболтало из стороны в сторону: грузовик начал разворачиваться в обратную дорогу. В моей голове мелькает запоздалая мысль, что я так и не попрощался с Ильясом, не сказал ему еще раз спасибо за помощь. Ладно, бог даст, еще свидимся.

В штабе погранзаставы я не стал тянуть резину, а сразу потребовал встречи с начальником Особого Отдела. Местный особист если и удивился подобной наглости, то виду не подал и пришел буквально через несколько минут. За это время я успел на глазах слегка обалдевшего дежурного и его помощника выпустить «на волю, в пампасы» Руслана. Ящик с полковником открывать не стал: не время и не место, пусть до Ханкалы подремлет. Подошедшему старлею-контрразведчику я с ходу, ничего не объясняя, предъявил свое служебное удостоверение.

— Лейтенант Тюкалов, позывной Чужой, старший опер СБ, выполняю важное задание командования. Мои полномочия может подтвердить заместитель начальника Особого Отдела Ханкалы майор Исмаилов. Прошу срочно установить с ним связь, обязательно по ЗАСу,⁶³ подтвердить мою личность и организовать срочную доставку в Ханкалу находящегося при мне груза.

Старший лейтенант, поначалу явно принявший меня за какого-нибудь перебежчика, даже немного оторопел. Но, надо отдать должное его профессионализму, всего на пару секунд.

— Оружие оставьте дежурному, ваш спутник тоже пусть здесь подождет и — пройдемте.

В сам узел связи меня сначала не впустили. Старлей забрался в кунг стоявшей во внутреннем дворе КШМ, над которой метров на двадцать возвышалась антенна, а я остался снаружи, под присмотром пары дюжих пограничников. Минут через двадцать дверца кунга приоткрылась и особист приглашающее махнул рукой.

— Майор тебя требует.

— Алло, Чужой на связи, — проговорил я в протянутую мне солдатом-связистом серую пластиковую трубку.

— Миша, охерела твоя голова!!! Живой, мать твою так перетак!!! — заорал мне прямо в ухо динамик голосом Олега. — А мы уж думали все, хана bravому «прапору». А он,

⁶³ ЗАС — засекречивающая аппаратура связи.

поганец, мало того, что объявился хрен знает где, у черта на рогах, так еще и какие-то «важные задания командования» выполняет! Ты там чего дуришь? Не мог просто сказать, что тебя до Ханкалы подбросить нужно?!

— Не мог, Олег. Тут такое дело... Не один я, с грузом.

— Что за груз? — недоумевает Исмагилов.

— Да так, большой тяжелый ящик. Кстати, товарищ майор, ты часом не в курсе, как по-турецки будет слово «сабля»?⁶⁴

В первый момент Олег явно сбит с толку моим вопросом, но секунд через десять до него явно доходит смысл моих слов.

— Ты что, серьезно?!

— Серьезен, как упырь над свежим покойником.

— Твою маму через семь гробов! Жди, транспорт за тобой будет в течение часа-полтора.

Вот это ничего себе проняло господина контрразведчика! Одно не понятно, на чем это он решил до меня по такой-то погоде за полтора часа из Ханкалы добраться? Разве что... Стоп! А вот с этого места надо бы поподробнее. Прилетевший в маленький гарнизон сразу после прибытия торгового каравана нейтралов самолет или вертолет — сам по себе не слабое такое «палево». А с учетом разгрома гарнизона и похищения Кылыча — вообще бомба, причем заложенная под благополучие Ильяса. Э, нет, так дело не пойдет, я старого друга, из полной задницы меня вытащившего, подставлять не собираюсь.

— Олег, подожди секунду, не отключайся, идея возникла, — бросаю я в трубку, а потом оборачиваюсь к сидящему рядышком связисту. — Дружище, сходи, что ли, покури, мне тут с начальством без лишних ушей пообщаться нужно.

Боец вопросительно смотрит на особиста. Ну, да, я же тут почти что никто, так, мужик непонятный, приبلудный. А начальник Особого Отдела — это фигура. Старлей хмурится, но молча кивает, и солдат выбирается из кунга наружу, аккуратно захлопнув за собою дверь.

— Олег, это снова я. Насколько я могу доверять старшему лейтенанту, который только что с тобой разговаривал?

За спиной слышу возмущенный всхрап особиста. Ну, прости родной, тут жизни целой деревни и моего друга на кону, так что перетерпит твое самолюбие.

— Ложкину-то? — отзывается Исмагилов. — Этому можешь верить, наш парень, не подведет.

— Ну, и слава богу, — облегченно выдыхаю я. — Тогда слушай, какая тут у меня идеяка народилась...

Буквально через полчаса к крылечку штаба неспешно подкатила «послепенсионного» возраста «буханка» светло-серого цвета. Знаете, бывают такие машины: вроде и не битая, и не ржавая, но достаточно беглого взгляда, чтобы понять — эта рухлядь доживает последние свои деньки. Вроде и катается еще, но так, можно сказать, божьим попущением. Из-за «баранки» выбрался уже знакомый мне сержант, тот самый, из «шишигиного» кузова. С его помощью мы с Русланом задвинули через задние двери в салон ящик с нашим драгоценным грузом. Снайпер устраивается там же, на обитой потрескавшимся и в нескольких местах прорванным дерматином откидной скамейке. Я забираюсь на пассажирское место в кабине. Сержант-пограничник снова усаживается за руль. Оглушительно бухнув выхлопом и чем-то гремя на кочках, наш микроавтобус покатил через территорию базы к воротам, дорога от которых вела дальше вглубь территории Дагестана. Покатил в гордом одиночестве.

Вообще-то старший лейтенант Ложкин настаивал на том, чтобы нас до места сопровождал БТР, ну, или хотя бы пара УАЗов с пулеметами. Но я эту идею отмел сразу. Отличное такое «непривлечение внимания» получится... Разве что роты автоматчиков в пехотном каре с оружием на изготовку для полноты картины не хватает. А еще — вьющихся

⁶⁴ Игра слов. На турецком языке слово «сабля» — «кылыч».

знамен и гремящих барабанов. Угу, «Это мчится, это скачет на помощь могучая Красная Армия»... Нет уж, на фиг, на фиг!!! А так — ну, подумаешь, собрались куда-то под вечер трое погранцов на полудохлом УАЗе. Да, какой-то ящик с собою прихватили, и что? Может, они до ближайшего села за чачей намылились... А в ящике — «обменный фонд» из числа «излишков военного имущества». Нет, ну в самом деле не за деньги же солдату выпивку покупать?! Опять же, подобные ситуации тут периодически бывают, я у Ложкина специально уточнил. Так что никаких подозрений у возможных вражеских «глаз и ушей», буде таковые имеются, наш отъезд не вызовет. А когда глубокой ночью сержант вернется назад, то вряд ли кто-то сможет посчитать, сколько народу сидело в дышащей на ладан «буханке». Да и не захочет, скорее всего. Все перемещения всего личного состава круглосуточно отслеживать — это и компьютер свихнется, чего уж о человеке говорить? К тому же далеко не факт, что у Непримиримых тут есть свой человек. Как говорится — не стоит демонизировать своих врагов, это ничуть не лучше, чем их недооценивать.

— Слушай, сержант, твой агрегат вообще до Ботлиха-то дотянет? — спрашиваю я, когда укрепления базы пограничников скрываются за поворотом Горной дороги.

— Он еще и назад вернется, — уверенно отвечает тот. — Вы, товарищ лейтенант, не переживайте. Выглядит эта машина, конечно, не ахти, но нам же не внешний вид важен?

Тут спорить сложно. Действительно, нам не шашечки, а ехать... Причем ехать аж почти до самого Ботлиха. Именно туда, на какую-то известную Исмагилову и Ложкину, ну, и, как выяснилось, этому вот сержанту, заброшенную ВПП, за нами должен прилететь обещанный Олегом самолет. Надо же, я тут уже больше трех месяцев, но вот авиации не видел еще ни разу. Даже та десантура, которую инструктора из Краснодарского ЦСН натаскивали, и та, кажется, просто с вышек сигала.

Даже интересно стало, что же за нами прилетит-то? Думаю, точно не «Боинг». Во-первых, ему тут, в горах, сесть просто негде, во-вторых, вряд ли такие машины Тьму пережили. Там же всюду электроника, которая от электромагнитного импульса погорела в момент первых же относительно недалеких ядерных взрывов. Боевой технике, той куда легче. В том же Ми-24, если верить рассказам одного моего знакомого еще по прошлой жизни «летуна», единственное, что может сгореть, так только новомодный GPS-навигатор. Что вряд ли сильно скажется на боеспособности машины, потому как наших штурманов сначала накрепко учат ориентированию по картам, а уж потом разрешают пользоваться «буржуйской игрушкой». Но и тут есть свои трудности. Вертолет вряд ли сможет долго летать без запасных частей. А все ли их сейчас производят? Хотя, конечно, компенсировать отсутствие производства можно «техническим каннибализмом». Взять, к примеру, десяток боевых «вертушек», выбрать одну самую новую и исправную, а остальные аккуратно разобрать, превратив их в своего рода «доноров» для сохранившей боеспособность машины. Впрочем, все мои идеи и догадки — чистой воды дилетантство. Я ведь в авиации, что называется, ни ухом ни рылом. Думаю, были идеи и поумнее, благо светлых голов у нас всегда хватало. Главное — результат налицо: авиацию все ж таки сохранили, правда, пока не понятно, в каком виде и объеме. Но, если честно, есть у меня подозрение, что пришлют за нами что-нибудь вроде старого доброго «кукурузника» Ан-2, машины простой и надежной, будто кувалда. Несмотря на свой преклонный возраст, если мне склероз не изменяет, был «кукурузник» машиной на юге России очень распространенной и популярной: и сельхозавиация, считай, только из них и состояла, и парашютисты с них во всевозможных аэроклубах прыгали. Так что у старичка Ан-2 были очень серьезные шансы пережить Большую Тьму.

Однако в ожиданиях своих я ошибся: на посадку, надрывно жужжа, заходила какая-то смутно знакомая мне машина: довольно короткий фюзеляж, высокий хвост, заостренный нос, расположенные по обе стороны фюзеляжа под крыльями моторы. И хотя окрашен самолет был в стандартный армейский хаки и даже красные звезды на бортах и хвосте присутствовали, но один черт, не выглядел он военной машиной, хоть ты тресни. Зато пилот в кабине явно был профессионалом: с первого же захода на короткую, немногим более

полукилометра, припорошенную снегом «бетонку» сел легко и непринужденно. Из сдвинувшейся вбок двери в левом борту выскочили пятеро бойцов, тут же рассредоточившихся и взявших под контроль окружающее пространство, и Олег Исмагилов собственной персоной. Сержант аккуратно подогнал УАЗ к уже начавшему разворот самолету.

— Грузите живее! — голос Олега в реве самолетных двигателей был почти не слышен.

Мы не стали спорить, почти бегом дотащили ящик до гостеприимно распахнутого люка и передали в рампу стоящему там второму пилоту. Тот, крикнув от натуги, задвинул его в угол салона.

— Блин, вы туда кирпичей наложили, что ли? — скорее прочитал по его губам, чем услышал я.

— Почти что! Извини, брат, полегче ничего не было!

— Все, хорош зубоскалить, грузитесь! — подталкивает меня в спину Исмагилов.

И то верно, спешить нужно, сержанту еще назад ехать.

— Давай, дружище, счастливо оставаться! — крепко жму я на прощание руку пограничнику.

— И вам ни поуха...

— К черту! — улыбаюсь я и, подхватив из «буханки» рюкзак со своими вещами, забираюсь в самолет.

Руслан и Олег следуют моему примеру, а уже после них в рампу по одному запрыгивают автоматчики. Заскочивший последним толкает дверь, и та с негромким чпокающим звуком захлопывается, частично отсекая шум моторов.

— Все уселись? — высовывается из кабины второй пилот. — Тогда — поехали!

Взвыв на почти непереносимой ноте, самолет начинает набирать скорость и, после короткого разбега, практически подпрыгивает в воздух. Вверх он уходит настолько быстро, что у меня мгновенно закладывает уши. Бойцы охраны, сбившись в кружок, что-то свое обсуждают, Руслан сразу оперся спиной на простенок между двумя иллюминаторами и прикрыл глаза (вот, блин, соня, неужто в дороге не выспался?), а я придвигаюсь поближе к Олегу.

— Ну, что, все сделали, что я просил?

— Не переживай, все и даже немного больше. Сегодня утром подписан приказ о присвоении одному из бойцов, числящихся в списках твоей группы, досрочного воинского звания, еще на одного подан наградной на ЗБЗ,⁶⁵ остальным выписаны поощрительные денежные премии. Во всех случаях указано, что повод разглашению не подлежит. Мало того, эта информация обязательно пройдет мимо глаз одного гнуса в Ханкале...

— Не понял? Вы что, получается, «крота» вычислили, но не повязали?

— Успокойся. Вычислили мы аж шестерых: троих в Ханкале, двоих в Червленной и в Моздоке одного... Тебе, кстати, за это спасибо. Именно на мельтешении вокруг твоей персоны они все и погорели. Так вот, самых опасных мы «приняли», а парочку оставили, но взяли под плотный контроль, теперь будем через них аккуратненько туркам и Непримирым «дезу» сливать. Как говорится: «Для хороших людей дерьма не жалко». Ладно, речь не об этом. Помимо того, что ты сам выдумал, мы еще кое-чего сообразили. Например, по всем официальным записям вот эта вот дурмашина сегодня летала не под Ботлих, а в район давно разрушенного села Сурхахи, что рядом с Назранью. Там есть подходящая для посадки площадка, ее даже несколько раз как ВПП использовали. Мало того, один из этих парней, — Олег кивает в сторону хохочущих над чем-то автоматчиков, — сегодня или завтра, ну, может, послезавтра, по обстоятельствам, «выпьет лишнего» и проболтается второму гнусу, на этот раз тому, что в Моздоке, про этот самый полет. Мол, летали под Назрань, забрали девять человек и какой-то ящик.

⁶⁵ ЗБЗ — медаль «За боевые заслуги».

— Гнус этот твой не заподозрит подставы?

— Ну, во-первых, он ни разу не мой, — обиделся Олег. — А во-вторых, мы ж не пальцем деланные, обставим все красиво... Так что не переживай, прикроем твоего человека со всех сторон.

— Твоими бы устами...

Несмотря на некоторые сомнения настроение мое улучшается. Как ни крути, Олег в своем деле специалист. Если пообещал, что залегендирует наше возвращение так, что под Ильяса никто не подкопается — значит, сделает.

— Кстати, о птицах, Олег, а что за самолет такой? Смотрю на него, смотрю, вроде как видел его, но не уверен.

— Миша, я тебе удивляюсь, — хмыкает в ответ Исмагилов. — Это ж Л-410 чешский. Древнее него — только Ан-2 да мамонты. С конца семидесятых «кукурузники» на них заменяли, правда, к счастью для нас, так до конца и не заменили. Неужто там не видел ни разу?

Слово «там» Олег специально выделил, чтобы я не тормозил и сразу понял, что он имеет в виду далекое прошлое.

— Не, не доводилось, — отрицательно мотаю головой я. — А почему «к счастью»?

— Да потому, что остались на мелких аэродромах и те, и другие. Реактивная-то авиация быстро накрылась: большая часть вместе с большими городами, остальное — что электромагнитным импульсом пожгло, что потом, во время Большой Тьмы, на хозяйственные нужды раздербанили... А эти вот малявки вроде как и не нужны никому были, потому и уцелели. Сейчас каждая — на вес даже не золота, а не знаю чего... Родия какого-нибудь или осмия. Так что — цени, едрена кочерыжка! Видишь, как мы за тобой спешили!

— Сдается мне, господин майор, что не за мною ты спешил, так что не надо мне тут петь военных песен, — скептически хмыкаю в ответ.

— Ладно, допустим, не только за тобой, но все равно я чертовски рад видеть твою наглую рожу, — широко улыбается в ответ контрразведчик. — Кстати, а что за паренек с тобою?

— Сложный вопрос, Олег, — я невольно бросил взгляд на безмятежно дремлющего Руслана. — Я о нем практически ничего не знаю, просто в одной камере у турков сидели. Думаю, как приедем, надо будет с ним кому-то из твоих ребят пообщаться. Только не так, как со мной сначала, а по-человечески...

Исмагилов, видимо, вспомнив обстоятельства нашего знакомства, криво ухмыльнулся.

— Понял, стандартная процедура фильтрации. Сделаем. Тебе как, краткую выжимку потом подбросить?

— Можно и не краткую. Если честно, глянулся мне парень. Думаю — нету в нем никакой гнили. Планирую ему долгосрочное сотрудничество предложить.

— Думаешь, хороший специалист? — Олег бросил взгляд на стоящую между колен Руслана винтовку, которую он даже во сне аккуратно и крепко прижимал к себе руками.

— Думаю, да. Есть основания...

Я снова вспомнил стену в кабинете Кылыча. Не зря, мне кажется, эта винтовка на ней висела, ой не зря.

На военном аэродроме Моздока, вернее, не самого Моздока, а огромной воинской части, что располагалась в паре километров от города, нас уже ждали. Прямо на летное поле к остановившемуся самолету подлетели два бронированных внедорожника «Тигр», а чуть поодаль замер БТР охранения. Все серьезно! Летевшие с нами автоматчики самостоятельно, без нашего участия, перегрузили ящик в один из «Тигров», а Исмагилов указал нам с Русланом на второй.

— Давай, Миша, усаживайтесь и езжайте. О вас на месте уже в курсе, разместят и накормят, а я позже заеду. Идет?

Мы синхронно кивнули и полезли в теплое, протопленное нутро «нашего ответа

„Хаммеру“». Как ни крути, а в салоне летящего на почти четырехкилометровой высоте самолета было, мягко говоря, прохладно.

— Кстати, Рус, ты раньше летал?

— Не-а, ни разу не доводилось.

— А чего ж сразу спать улегся? Неужели не интересно было?

— Да какое там интересно? Я со страху чуть не помер, когда эта фигня взлетела! Не, думаю, лучше глаза закрою, чтобы ничего не видеть, а там оно как-то само собою и уснулось. Слушай, Миш, как думаешь, меня сейчас что, снова в камеру? Ну, до выяснения...

— Не знаю, дружище, но — вряд ли. Олег, ну, майор, что за нами прилетел, сказал «стандартная фильтрация»...

— А, ну это нормально. Это мы уже проходили...

— Интересно, когда ж ты успел?

— Да было дело. Расскажу попозже.

— Ладно, позже, так позже.

Привезли нас, как несложно догадаться, в местную контрразведку. Причем Олег, похоже, уже успел отдать все распоряжения прямо из кабины «Тигра» по рации. Потому как нас с Русланом тут же развели по разным комнатам, предварительно обоих разоружив.

— Не переживайте, парни, — успокоил нас сидящий в бронированном «аквариуме» дежурной части лейтенант, — не пропадут ваши карамульки, я пригляжу.

Руслана увели «фильтроваться», а меня солдат, по виду — типичный срочник, наверное — помдеж, отвел в небольшую комнатку рядом с «дежуркой». Судя по старому, в нескольких местах продавленному дивану, обшарпанному письменному столу, на краю которого примостилась маленькая электроплитка со стоящим на ней большим алюминиевым чайником и висящему на стене шкафчику с чашками, сахарницей и кулками со всякими пряниками-сухарями, это была комната отдыха дежурной смены.

— Вы здесь пока покемарьте, товарищ лейтенант, а когда за вами приедут, я вас толкну.

— Лады, — легко соглашаюсь я, и, как только солдат выходит, стянув берцы, с довольным стоном вытягиваюсь на диване.

— Слушай, Олег, у тебя точно никаких проблем не будет из-за того, что ты его в Червленную забрал?

— Да не переживай ты. Я ж не просто так забрал. Он у нас проходит как один из фигурантов важной оперативной комбинации. И от той информации, которую мы можем от него получить, очень многое зависит. Именно поэтому он едет сейчас с нами, а не в камере в Моздоке результатов проверки дожидается. А если какая-то ерунда всплывет, то ласты тебе, парень, — Исмагилов, грозно глянул на скромно притихшего в уголочке Руслана, — мы и в Червленной завернем. Дело недолгое.

Олег сидит на переднем пассажирском кресле «Тигра», развернувшись вполоборота к нам, устроившимся позади него на боковых сиденьях. Вчера с аэродрома в Особый Отдел мы, похоже, ехали на армейской модификации, там между кабиной водителя и пассажирским отсеком — глухая стенка. А этот — вроде тех, что когда-то у нас в Отряде были, с общим салоном. Так что общаемся мы свободно. А внедорожник, в котором все мы разместились, расплескивая зубастыми протекторами колес грязные лужи, споро мчит через Мертвые Земли в сторону Червленной. Сопровождение за нами прислали из Ханкалы серьезное: три БТР-80 и взвод ОсНаза, рассеявшегося сверху на броне.

Откуда лужи? О, это отдельная тема. Кавказская природа подкинула очередной сюрприз. Этой ночью внезапно началась оттепель. Собственно, утром я проснулся-то от громкого перезвона капель за окном. А уж когда солнце встало — вообще бог знает что началось: подтаявший снег пластами пополз с жестяных крыш. Хорошо еще слежаться не успел, но, один черт, мало приятного, когда тебе на голову с козырька над дверью падает небольшой сугроб. И холодно, и мокро, и за шиворот попало. Бррр! Но есть и

положительные стороны: уже к полудню, когда мы, дождавшись высланного за нами сопровождения, отправлялись в дорогу, температура на солнце зашкалила за десять градусов тепла. Вот такой вот он, январь, на Терском Фронте...

Доехали спокойно, но, как я ни спорил, как ни порывался сбежать в «Псарню», а потом — к Насе, первым делом меня все равно привезли в Комендатуру. Руслана оставили на попечение Пети Малыша, со строгим наказом: накормить, напоить, развлекать и не обижать, словом — быть родной матерью. А сами направились на второй этаж, в кабинет Коменданта. Костылев сначала крепко меня облапил, чуть не задавил, медведь этакий, от полноты чувств, а потом потребовал рассказывать. Все, с самого начала, с момента выезда колонны из Моздока. Мол, отчет меня так и так писать усадят, но вживую послушать все равно нужно, вдруг какие-то требующие дополнительного уточнения моменты всплывут. Ну, я и начал. И про то, как колонна почему-то через Горагорское пошла, и про засаду, и про бой, и про то, как среди мамелюков очухался... Когда я рассказал о полковничьем ноутбуке и его же радиостанции, Исмагилов, бедняга, чуть не до потолка подпрыгнул. Пришлось прерывать рассказ, лезть в рюкзак, доставать из него трофейную электронику.

— Миша, ты даже себе не представляешь, какой же ты молодец! Да если эту штуку взломать получится, мы ж столько всего узнать сможем... Даже если турки кодировку сменили уже, один черт... Хотя, извини, увлекся, тебе это все равно не интересно. Опять же уровень допуска маловат пока, несмотря на все заслуги перед Родиной.

— Мне, товарищ контрразведчик, другое интересно, — внезапно вспомнил я и о собственном благосостоянии. — Благо Родины — это очень здорово, но своя рубашка все-таки немного ближе будет.

— Опять начинается! — страдальчески возвели очи горе Олег и Игорь. — Кто бы сомневался! Уж Тюкалов-то себя не забудет!

— А с какой, собственно говоря, стати? Нет, я вам за помощь в эвакуации, конечно, очень признателен. Но, с другой стороны, за это «аэротакси» я в Червленную целого турецкого полковника притащил. Так что кто из нас кому должен — это еще вопрос! Другие б на вашем месте вообще долго хвалили б меня, сильномогучего и мудрого, и интересовались, чего моей душеньке за этот героический подвиг угодно.

— Ну и чего твоей подлой наймитской душе угодно? — в голос хохочет Костылев.

— Ноут этот хочу, когда вы с ним закончите...

— Охренела твоя голова! — не выдерживает Олег. — Да ты что, совсем с глузду зыхав, як в Украине кажут? А Луну тебе с неба не нужно?

— Что, так проблемно?

— Да как тебе сказать, — морщась, чешет в затылке особист. — Во-первых, неизвестно, сколько его наши ребята «ломать» будут. Во-вторых, одному Аллаху ведомо, сколько там всего разного и полезного найдется может. Плюс — установленные в нем программы. Этот ноут в комплекте с радиостанцией нам самим очень пригодиться может. А деньгами не возьмешь?

— Деньги — это, конечно, здорово. Но хороший ноутбук — все-таки лучше. Потому как, думается мне, такой агрегат я как частное лицо ни за какие деньги купить не смогу. А если «баш на баш»? Только сразу предупреждаю — на какое-нибудь старье я категорически не согласен. Размен должен быть равноценный.

— Ладно, будем думать, — кивнул Исмагилов. — Но сейчас-то ноут нам отдашь?

— А куда ж деваться? — ухмыляюсь я. — Можно подумать, что, если скажу «нет», что-то изменится. Забирай!

Одним словом, долгий рассказ вышел. Когда я до момента нашей эвакуации на самолете дошел, за окном уже не то что сумерки, самая натуральная ночная темнота сгустилась.

— Да уж, блин, повезло тебе со старым знакомым! — резюмировал Игорь. — Ты, Миша, похоже, не просто в рубашке — ты сразу в бронежилете родился.

— Угу, — согласно киваю я, — и в «Алтыне»... Слушайте, ну, может, хватит меня уже

мариновать тут, а?!

— Да чего ты вертишься, как на иголках? Спешешь, что ли, куда-то? — недоуменно смотрит на меня Исмаилов.

— Подколоть, что ли, решил?! — вскипаю я. — Девушку я свою увидеть хочу! Вы ж, блин, храпоидолы, на секретности повернутые, ей небось и не сказали, что я живой?

— Уж совсем за уродов не держи! — явно обиделся Игорь. — Сразу же сказал, как только Олег мне о вашем разговоре сообщил. Только на всякий случай не стал говорить, когда именно ты вернешься. Сказал просто — скоро. Кстати, она дежурит сегодня...

— И ты молчал!!! — вскакиваю я. — Ну, Игорек, вот такого свинства я от тебя не ожидал!!! Идите-ка вы, господа офицеры, со своими докладами и отчетами!.. Лесом!!!

Чуть ли не кубарем скатываюсь по лестнице вниз и тихонечко стучусь в металлическую дверь пункта связи. Подсвечиваемый изнутри смотровой глазок на мгновение меркнет, а потом с той стороны раздается громкий всхлип и дверь распахивается. Все слова вдруг куда-то запропастились, я просто стою как статуя и смотрю в ее наполненные слезами васильковые глаза...

Бум! Ой, блин, что это было?! Бум! Бум!!! Вот, елки-палки, а вроде и не скажешь по ней, что рука такая тяжелая — под ударами маленьких кулачков грудная клетка гудит, будто пустая бочка. А Настя, ткнувшись мне лбом куда-то в область солнечного сплетения, продолжает молотить мне по груди, словно по какому-то негритянскому тамтаму.

— Что ж ты творишь, гад?! Да ты знаешь, что я тут пережила?! Приезжают, говорят — пропал без вести. Водитель убит, а о тебе — ни слуху ни духу! Да я тут чуть с ума не сошла!!!

Так, все, хватит! Порезвились — и будя! Ты, солнышко мое, не дембель, я — не дух, так что хватит мою «фанеру» на прочность испытывать. Ловлю ее руки и прижимаю к себе. Настя еще какое-то время вырывается, а потом теснее прижимается к моей груди и, зарывшись лицом в куртку «горки», плачет. Так мы и стоим на пороге. Сколько — понятия не имею, может — пару минут, а может — часов. Наконец она поднимает на меня взгляд:

— Ну, и что ты стоишь столбом, скотина бесчувственная? Поцелуй меня!

Даже и не знаю, чем бы все у нас могло закончиться, если бы прямо у меня за спиной не послышалось вежливое, но этакое... что называется, со значением, покашливание Игоря.

Настя вскидывается и, тихонечко ойкнув, смахивая на ходу слезы, исчезает за звонко хлопнувшей дверью.

— Так, все, Ромео, — за грубоватым тоном Костылев явно пытается скрыть свое смущение, — давай, заканчивай свои лямур-тужуры и дуй ко мне в кабинет, отчет писать.

— Слушай, Игорь, хорош зверовать, а! Я еле на ногах стою: перенервничал, не выспался, с вами, вон, полдня языком молотил... Может, я спать пойду? А отчет — завтра...

— Ну, наглец! Значит, как к девушке — так летит по коридору курьерским поездом, информационные щиты со стен походя снося! Кстати, на будущее — аккуратнее, хорошо не застекленный сковырнул, а то пришлось бы еще и осколки с пола подметать... А как отчеты писать — так он устал, аж на ногах не стоит. Ладно, давай, дуй до дому, но с утра чтобы был как штык!

— Договорились, — согласно киваю я и направляюсь к выходу.

Да, похоже, будить Кузьму посреди ночи становится у меня недоброй традицией.

— Чего там?! — слышу я из-за дверей «Псарни» его недовольный бас.

— Чего-чего, живу я тут!

Внутри на мгновение становится тихо. Зато потом дверь будто с петель срывает. Нет, если еще и Четверть с кулаками и слезами ползет, моя нежная, несложившаяся психика этого точно не вынесет! Пронесло, Кузьма просто молча стискивает в своей лопатообразной клешне мою ладонь и радостно улыбается.

— Живой, чертяка! А то тут тебя уже кое-кто похоронил заочно!

— Не дождетесь, — отвечаю я, массируя пальцы правой руки и пытаюсь отлепить их один от другого.

— Где ж тебя, негодяя, носило?

— Долгая история, Кузьма. Долгая, сложная и, похоже, теперь еще и секретная. Так что не обижайся — рассказать ничего не могу. Колонна-то, кстати, отбилась?

— Отбилась. С потерями, правда, но парни, что там были, говорят — в какой-то момент у «духов» напор вдруг ослаб. То молотили, как черти, по всему, что шевелится, — головы не поднять, а потом враз поутихло. Нет, стреляли еще, но уже и не так густо, и не так точно.

Понятно, похоже, после того как мамелюки с моей тушкой на плече покинули поле боя, боевой задор нохчей из Непримиримых Тейпов резко поугас. Ну, да, когда в разгар боя союзник вдруг сваливает, не объяснив причины, много всякого в голове зашебуршиться может.

— А чего хоть везли той колонной такого?

— Да бог его знает, — пожимает могучими плечами Четверть. — Парни не говорили, я не спрашивал. Сам служил, что такое военная тайна — в курсе. Слушай, а чего мы на пороге-то стоим? Далеко не май на дворе! Заходи давай, я чайку сгоношу...

— Нет, спасибо, чай у меня скоро из ушей польется. Весь день в Комендатуре чаевничал, пока перед отцами-командирами отчитывался.

— Ну, тогда, — Кузьма с хитрым выражением лица заговорщицки подмигивает мне и легонько щелкает указательным пальцем по горлу, — по маленькой? За возвращение?

— Ну, если только совсем по маленькой...

— Да не вопрос, я твое отношение к водке знаю. Просто пивом такие дела не обмывают... А мы сейчас и колбаски на закуску порежем...

По ходу этого недолгого монолога Четверть успел снять с барной полки бутылку хорошей водки, плеснуть граммов по сто в два высоких стакана и даже начал крупными кусками резать кольцо домашней, похожей на «Краковскую», колбасы. И в этот ответственный момент в бар заглядывает заспанная, одетая в одну ночную рубашку и закутанная в пуховый платок Зина.

— О, Миша! — глаза ее от неожиданности широко открываются. — Ну, слава богу!!! А я так пере...

В этот момент взгляд ее фокусируется на деловито стругающем колбасу супруге.

— Вот кто бы сомневался, а! Тебе только бы повод найти, а уж нажраться — это с превеликим удовольствием!

— Да ладно тебе, Зинуль, — примиряющее разводит руками Кузьма. — Мы буквально по пять капель. Чисто символически. За счастливое возвращение.

— Ладно, если за возвращение, то и мне капни немножко.

— Кстати, Кузьма, вы меня из номера-то не выселили еще? — интересуюсь я, закусывая водку кружочком колбасы.

— Ты чего, Миш? У нас так не принято, — хозяин «Псарни», похоже, даже слегка обиделся на такое предположение. — Если тела не видел никто, то и комнату за человеком держим, пока срок оплаты не истечет, и вещи его храним месяца три, не меньше. А то всякое бывает. Сейчас-то, конечно, реже, а вот в мои годы... Короче, ты далеко не первый, кто вот так возвращается. Да и Толик твой тут себя могучим копытом в волосатую грудь молотил, мол, плохо вы Мишу знаете. Мол, вернется, да еще и с прибытком.

— Кстати, как он тут?

— Толик? О, это та еще песня! — хихикнула вдруг Зина. — Прилетел, не стой посреди ночи, с первого числа на второе. Ему, оказывается, в Ростове о том, что с тобой случилось, сообщили только первого к обеду, наверное, праздник портить не хотели. Так он, считай, прямо из-за стола сюда и рванул.

За девять часов долетел. Говорит, гнал без передыху, в Моздоке только номера сдал — и сюда. Один через Мертвые Земли проскочил, под обстрел попал...

— Убью гаденыша, — хрустнул костяшками пальцев я.

— Да ты не переживай, цела твоя машина, вон, на заднем дворе стоит. Не задели ее

даже толком. Так — несколько дырок в тенте, так Зинуля их заштопала уже, — нахмурившись вступился за Анатолия Четверть.

— Ребят, да при чем тут эта железяка?! Плевать я на нее хотел! Да если б с этим дурнем что случилось, как бы я его матери и сестренкам в глаза потом смотрел?

— А, ты вон о чем... — как-то сразу растерялся и сник Кузьма.

— Разумеется. А ты думал, мне эти «дрова» на колесах дороже человека?

— Да нет, это я так, — совсем уже потерял боевой задор хозяин «Псарни».

— Ну, так что, где это чудовище? У себя, дрыхнет?

— Может, и дрыхнет? Кто ж его знает. Далеко он, нам отсюда не видно.

— В каком смысле? — не понял я сперва Кузьму.

— Так в Мертвых Землях он, — начал объяснять тот. — Первый раз, сразу же, как приехал, отоспался только, сагитировал Шурупа и Ковалю, а потом рванул назад, ту шайку, что его возле Чернокозово обстреляли, ловить. Я, говорит, им за командира такую «сладкую жизнь» устрою — белугой взвоют.

— И чего?

— Ну, не знаю, тех они там взяли или не тех, но через двое суток с пятью «бошками» и кое-какими трофеями вернулись. На второй заход с ним уже семеро наших пошли, из тех, кто сейчас без контракта сидит... Вот уже четвертые сутки там. Рацию с твоей машины с собой взяли, крайний раз с Убивцем вчера вечером связывались. Говорят, у них самих пока все в порядке, но нездоровое какое-то шевеление в тех краях наблюдается. Следов много слишком: стоянки в развалинах, кострища. Непримируемые обычно на зиму на дно ложатся, а тут что-то зашебурились. Не к добру...

— Да уж, — согласился я. — Действительно, не к добру. А кроме наших на это безобразие кто-то отреагировал?

— О! — улыбнулся вдруг Кузьма. — Слово «наши» мне, определенно, нравится. А то мы с Костей все гадали, уйдешь ты от нас к Коменданту или нет... А то он тебе и звание дал, и ксиву серьезную...

— Да брось ты, — отмахиваюсь я. — Так для дела нужно было. Да и во время «приключений» моих весь этот «реквизит» мне хорошую службу сослужил. А так — никуда я уходить не собираюсь. Меня и здесь неплохо кормят.

С этими словами я закинул в рот очередной кусок колбасы.

— Ну, что ж, это радует, — снова улыбается Кузьма. — Слышь, Зинуль, привадили мы твоей стряпней парня, даже на погони ее менять не хочет.

— Тоже мне новость, — шутливо фыркает та в ответ. — Да после моей готовки он на казенных харчах мигом волком взвоят, а потом с голоду и тоски помрет. Так что я даже и не сомневалась.

— Ладно, ребята, — прикрывшись ладонью, широко зеваю я. — Пойду я, пожалуй, спать. А то мне поутру снова в Комендатуру, да и вам вставать ни свет ни заря.

Все следующее утро и почти весь день я провел в кабинете Костылева. Сначала писал отчет, после чего Исмагилов вел со мной беседу, больше похожую на допрос, в ходе которой я умудрился вспомнить целую кучу разных подробностей, мелких и не очень, которые тоже пришлось записывать. Потом кто-то из Олеговых подчиненных принес несколько листов на скрепке. Тот бегло прочел, кивком отпустил принесшего и протянул листы мне.

— Держи, данные на твоего сокамерника пришли. Наш человек. Не в смысле — наш сотрудник, а просто, по жизни — наш. С правильной жизненной позицией и мировоззрением. Не без тараканов в голове, конечно... С другой стороны, а у кого их нет?

Я согласно кивнул и углубился в чтение. Так, Бекетаев Руслан Нурланович, десятого года рождения. Ого, так ему уже тридцать! Надо же, выглядит лет на пять моложе. Уроженец города Актау Мангистауской области, Казахстан. Отец до Тьмы был начальником морского порта. Мать — домохозяйка, две старшие сестры. Кстати, теперь понятно, откуда у Русланова бати такие подвязки были: Актау — единственный международный порт в

Казахстане был, а его начальник — серьезная шишка в республике. Саму войну пережили относительно нормально (насколько это вообще возможно), но вот потом, когда начался серьезный разгул бандитизма и передел власти, Бекетаев-старший решил, что пора искать более спокойное место. В восемнадцатом году семья перебирается из Казахстана в Югославию, а точнее — в Дагестан и поселяется в Каспийске... Ох, твою ж налево! Вот теперь мне уже многое становится понятным... В двадцать восьмом пошел в армию. Служил там же, в Каспийске, в морской пехоте снайпером. А в тридцатом — турецкий десант... Руслан оказался одним из шестидесяти пяти морпехов, что из всего полка дожили до подхода основных сил. Вся его семья погибла. Сам он три месяца провалялся по госпиталям. Потом — демобилизовался и из Каспийска уехал в неуставленном направлении. В поле зрения Службы Безопасности попадал дважды: когда с 2033 по 2036 год воевал против турок в отряде наемников на границе Грузии и Южной Осетии, и в тридцать восьмом, когда переходил границу между Азербайджаном и Дагестаном. Переходил не просто так, а с висящим у него на хвосте взводом турецких хаккери,⁶⁶ которые, судя по настрою, были на Руслана за что-то сильно обижены. Настолько сильно, что рванули за ним следом на враждебную территорию, где и погибли в полном составе под пулеметами пограничников.

Одним словом — мстит туркам парень. Мстит уже давно и весьма жестоко, отстреливая солдат и офицеров армии Великого Турана, словно белок. По его же собственным словам, подсчета не ведет, зарубок на прикладе не ставит, и поэтому точного количества убитых им врагов не знает и сам. Проверяли его ребята из СБ серьезно, многое им рассказанное подтвердилось. Руслану даже сделали предложение на тему дальнейшего прохождения службы в одном из подразделений СБ. Тот отказался. А теперь вот объявился в третий раз. Причем, если бы не отчаянное нападение Ильеса на турецкую базу в Шарое и не моя протекция, то, похоже, там бы жизнь и удивительные приключения Руслана и закончились. Но, как говорится: судьба играет человеком...

— Понял, Олег, спасибо. Похоже, не ошибся я в парне. Надо будет с ним поговорить. Где он сейчас, кстати?

— В комнате отдыха дежурного. Отсыпается. Кстати, можешь сообщить ему, что проверку он успешно прошел и может быть совершенно свободен. Документы его, как он сказал, где-то в надежном месте припрятаны, так что вот, — контрразведчик протянул мне какую-то справку с фотографией Руслана, печатью и размашистой подписью Костылева, — его временное удостоверение личности. Но посоветуй ему нормальные документы свои из тайника достать побыстрее, все-таки с паспортом оно надежнее, чем с этой справкой. Ты, кстати, что, думаешь его в команду Убивца завербовать?

— Скорее уж в свою. Убивцу при его задачах снайперы не так уж и нужны. А вот мне спец в этой области совсем даже не помешает. Что я, что Толик — стрелки, конечно, неплохие, но до уровня хорошего снайпера нам обоим — как до Пекина в одной известной позиции.

— Попробуй, конечно, но мне сомнительно. Если уж он к нам на службу не пошел...

— И что? — хмыкнул я. — Некто Тюкалов к вам тоже не пошел. Хотя и согласился помогать в меру сил.

— М-да, аргумент, — развел руками Исмагилов. — Тогда — удачи.

— Спасибо.

Руслана я нашел именно там, где и сказал Олег: тот мирно посапывал на застеленном покрывалом топчане в комнате отдыха на первом этаже Комендатуры. Сон у снайпера оказался чутким, стоило мне тихонько скрипнуть петлями входной двери, как он тут же открыл глаза и сел.

— А, это ты. Ну, как дела?

— У тебя или у меня? — не удержался от шпильки я. — У меня все отлично. У тебя...

⁶⁶ Хаккери — разведывательно-диверсионное подразделение, командос сухопутных войск Турции.

У тебя, кстати, тоже все замечательно. Проверку ты прошел, вот, — я отдал ему переданный Исмагиловым бланк, — твоя временная ксива. Но здешняя контрразведка настоятельно рекомендует тебе разыскать свой нормальный паспорт.

— Да оно понятно, — благодарно кивает Руслан, убирая аккуратно сложенное временное удостоверение во внутренний карман, — мне б только до Назрани добраться, а там будут у меня нормальные документы.

— Ясно. Слушай, — перехожу я к основному, — какие у тебя, дружище, планы на будущее? Не поделишься?

— А тебе на что? — испытующе смотрит он на меня.

— Да так, просто мне кажется, что они у нас с тобою совпадают.

— Давай проверим, — улыбается снайпер. — И в чем же состоят твои планы?

— Бить турок и Непримиримых. Чем больше, тем лучше. Причем, заметь, не на общественных началах, как ты сейчас, а за довольно приличные деньги и при поддержке вполне серьезных сил. Ну, ты, собственно, сам в Шарое все видел...

— Не, — непроизвольно скривился Руслан. — В наемниках я уже был. Не понравилось. Иди — куда скажут, воюй — где скажут. Не по мне это. Я для такой работы слишком самостоятельный.

— Вот это-то как раз и здорово, — обрываю я его. — Я сам такой же. Именно поэтому я — сам себе командир. Планирую операции сам, провожу их тоже сам, ну, не один, конечно, с напарником. Полная самостоятельность, но при этом, ежели что, то и ответственность вся тоже только на нас.

— И что, — снайпер смотрит на меня уже вполне заинтересованно, — никакой отчетности?

— Не буду врать, — развел руками я, — отчетность имеется. Но вся, что называется — задним числом. Разведаль, спланировал, провел, а уж потом пришел и доложил. При этом, кроме отряда наемников Кости Убивца, слышал о таком?..

Руслан согласно кивает, слышал, мол.

— ...Так вот, кроме него и его парней нас еще поддерживает местная Служба Безопасности — боеприпасами обеспечивает, оружием, экипировкой.

— Нормально ты, как я погляжу, тут устроился. Практически и рыбку съел, и... никуда не сел, — ухмыляется снайпер. — И что, твои «кураторы» из СБ за все предоставленные ништяки не могут у тебя ничего потребовать взамен? Типа — сутки времени тебе, и вынь нам чего-нибудь, да положи.

— Нет, в такой форме — не могут. Это у нас было оговорено заранее. Могут вежливо попросить об одолжении, если очень нужно. А мы, если будет желание и возможность, сделаем.

— И часто просили?

— Один раз. Мы не отказали и в результате — очень хорошо заработали.

— Ну, Миша, ты и жук!

— На том стоим. Вон, Комендант здешний, с особистом на пару, вообще подлым наймитом обзывают. Но так, любя.

— Угу, — хитро щурится Руслан. — По-родственному?

— А ты-то откуда знаешь?

— А, дежурный рассказал, ну, этот, здоровенный. Петр. Жаловался на тебя, говорил, мол, такая у Коменданта дочка! Сколько народу за ней ухаживать пытались, и всем — от ворот поворот. А потом явился этот пришлый и увел девку, что называется, из стойла увел.

— Что, серьезно, так и говорил?

— Нет, конечно, он так шутейно. Но общий смысл все равно был близкий.

— Так, ладно, хватит о моей личной жизни, — делаю строгое лицо я. — Она тебя, в конце концов, не касается. По предложению моему что?

— Миш, ты, главное, не обижайся... Но с кондачка такие вопросы не решаются. Мне подумать нужно. Опять же я условий пока, кроме самых общих, не услышал.

— Ясно, мы с моей шизофренией соберем консилиум и примем решение, — улыбнулся я. — А по условиям... Я ставлю тебя на полное вещевое довольствие. Боеприпасами и оружием тоже обеспечиваю. Кстати, тут мне по секрету сказали, что с ближайшим армейским караваном сюда «Винторез» пришлют. Мне его на группу здешнее начальство уже месяца два с половиной назад обещало. Заявку подавали. Вот, похоже, все срослось. Но это так, информация для общего развития... По жилью и кормежке прямо сейчас тебе ничего не скажу, вопрос этот с людьми я еще не обсуждал. Но могу пообещать: место хорошее, кухня просто отличная и оплата вполне приемлемая. А может, и вообще бесплатно тебя устроить выйдет. Плюс — тридцать три процента от общей стоимости захваченных трофеев и прочих выплат.

— Треть?

— Да, группа у нас маленькая: ты, если согласишься, третьим будешь, поэтому все доходы делим поровну.

— Хм, — Руслан явно крепко задумался, — заманчиво, конечно. Ладно, я обдумаю.

— Договорились. Только сильно не затягивай. А пока пошли, получишь назад свой карамульдук, да я тебя на постой в одном хорошем месте определю.

Как я ни старался, но договориться с Кузьмой о бесплатном проживании и питании Руслана в «Псарне» так и не смог. Трактирщик на защиту своих финансовых интересов встал горой.

— Миш, ты не подумай, что я жлоб какой-нибудь, — втолковывал он мне, — но на такое меня подбить даже не пытайся. Я понимаю, снайпер в команде — это для тебя очень хорошо. Но мне-то выгода с этого какая? Этак ты себе целый взвод разных умельцев наwerbueшь, а старый и больной Кузьма Четверть их всех бесплатно расселять, кормить будет? Э, нет, брат, так не годится!

Пришлось согласиться. Жаль, конечно, но, если честно, я на эту возможность изначально не очень-то рассчитывал. Так, попытался на всякий случай. Не вышло — да и бог бы с ним, не шибко-то и надеялись. Своих денег у Руслана, разумеется, не было, так что пришлось мне его немного проспонсировать. Парень он правильный, думаю, даже если на предложение мое не согласится, то деньги все равно позже отдаст. Но я все же надеюсь, что он решит ко мне присоединиться.

Поселив Руса в один из немногих оставшихся незанятыми номеров, я занялся делами. Сначала почти час просидел с Убивцем и Четвертью в Костиной комнатухе, выслушивая финансовый отчет. С компаньонами мне повезло, что и говорить. Оказывается, в то время, когда я носился со стрельбой, гиком и посвистом молодецким по горам, тренировал народ в Ростове и сидел в плену, они заключали сделки и честно отчисляли мне положенный процент. Да, на первый взгляд, один процент — это очень мало. Но только на первый. Если сумма контракта пара-тройка сотен рублей золотом, то на меня из них приходится две-три симпатичные золотые монетки. А если больше? И это с учетом того, что за все мои вылазки я и так уже получил неплохое вознаграждение в виде денег за проданные трофеи, премий за «волчьи головы» и разных бонусов от щедрот Коменданта. Одним словом, мое финансовое положение постепенно становится все лучше и лучше. Разумеется, ни богатым, ни даже зажиточным я себя считать еще не могу, но, по сравнению с серединой сентября прошлого года, когда у меня, кроме автомата да навыков, ни черта не было... Как говорил персонаж одного «бородатого» анекдота: «Жизнь-то налаживается!» Потом пошел к Костылевым. Вернее — к Насе, потому как мне было точно известно, что Игорь сейчас на службе. Мало того, он мне даже пообещал в Комендатуре немного задержаться, когда я с ним на эту тему по телефону разговаривал. Все понимает мужик, действительно хоть днем и плюс на улице, но, один черт — январь на дворе. В беседке садовой сидеть слишком холодно и неудобно... В общем, в «Псарню» я появился уже после полуночи. И был сильно удивлен царящему там бедламу. Перед входом у тротуара стояли две «Нивы», здорово похожие на мой УАЗ. В том смысле, что тоже лифтованные, усиленные дополнительными дугами и с рубчатой

внедорожной резиной. Сделано, правда, немного грубее, чем у того же Исмаила, но тоже явно прочно и надежно. Это что же, Убивец на новый транспорт разорился, или заказчики подъехали? Внутри — полно народу, но при этом гражданских не видно. Все присутствующие одеты в «горки» и камуфляж и вооружены. Вдоль стены расставлены какие-то рюкзаки и ранцы, аккуратно кучкой сложено несколько автоматов и карабинов. Похоже, кто-то только что из рейда вернулся.

Не ошибся! Стоило мне войти в зал трактира, как на меня сразу с трех сторон накнулись Курсант, Шуруп и Коваль, да и остальные парни, вернувшиеся, как оказалось, буквально полчаса назад из рейда в Мертвые Земли, тоже подошли поприветствовать. Минуты три меня обнимали, колотили по спине и плечам, короче, так радовались тому, что я жив, что чуть не прибили. Толя даже пытался даже кинуть клич: «Ребята, качай его», но идея с моей стороны не встретила ни малейшего понимания. Я так и сказал, что потолки тут не шибко высокие и желания изображать на них лепнину у меня нет ни малейшего. А на улице — холодно и грязно. Так что — отставить! Когда бурные эмоции парней пошли на убыль, Толик ухватил меня под локоть и потащил к столу, на котором в изобилии громоздились кружки с пивом и тарелки с разными мясными вкусностями. На ходу он умудрялся с пулеметной скоростью вываливать на меня буквально потоки информации. И о том, как он спешил из Ростова сюда, и об удачном рейде в Мертвые Земли, из которого он с парнями только что вернулся, мол, только и успели, что рожи ополоснуть да поесть заказать. А еще о том, что, едва услышав от Кузьмы о моем возвращении, он собрался было лететь со всех ног домой к Коменданту, но в последний момент был перехвачен мудрым трактирщиком. Который и объяснил Курсанту, что ежели он мне порушит лирический момент, то вместо радостной встречи может получиться мордобой. Ну, Толя, не будь дурак, сделал для себя выводы и решил дожидаться меня в «Псарне», заказав побольше всякого-разного поесть и выпить, чтобы было чем отметить встречу боевых друзей. Нет, а почему бы и не отметить, в конце концов?

Уже усаживаясь, я вдруг ощутил на себе чей-то взгляд. Неприятное такое ощущение, будто прицельную «галку» ПСО между лопаток почувствовал. Обернувшись и внимательно оглядев зал, понимаю, что часть народа, тусующегося в трактире, мне совершенно не знакома.

— Толя, а это что за хлопцы? — поинтересовался я у увлеченно расписывающего события последних дней Курсанта.

— Эти? Охрана каравана. Почти одновременно с нами прибыли, только со стороны Владикавказа. Хороший такой караван, богатый, даже обидно, что не нам его сопровождать довелось. Шесть грузовиков с товаром да охрана на четырех внедорожниках идут в Кизляр. Купцы-то в трактире у рынка разместились, а на всю охрану там места не хватило, вот они ввосьмером на двух машинах к нам и приехали.

Вот оно как. Значит, ошибся я в предположениях по поводу «Нив». Приехавшие на них охранники с первого взгляда производили впечатление ребят тертых и бывалых: крепкие, подвижные фигуры, ухоженное оружие, внимательные взгляды, скупые и плавные движения профессионалов. Матерые мужики, из тех, что отлично знают, как себя вести по обе стороны от мушки. Да уж, видно, в хорошую копеечку эти парни купчикам обходятся. Видно, товар у них дорогой, коли на таких головорезов раскошались. А те уже рассаживаются за соседними столиками, о чем-то негромко переговариваясь и разбирая принесенные Зиной кружки, над которыми качаются невысокие шапки пивной пены. Сидящий ближе всех к нам, крутоплечий зеленоглазый парень лет двадцати семи с неровным шрамом через всю щеку, от виска до подбородка, оборачивается к нам.

— Что, друг, говорят, вы тут давеча Непримирым неслабо хвост прищемили? — дружелюбно спрашивает он у Толи.

— Было дело, — кивает в ответ Курсант. — В первый рейд, пять дней назад, пятерых уgomонили. В этот раз еще две группы «закрыли», в одной трое, во второй — шестеро.

— Нормально повоевали, — одобрительно цокает языком собеседник. — Значит,

допрыгались волчары. Как говорит один мой знакомый: «Не все коту торог, иногда и рожей о порог»!

Если честно, то сам не знаю, каким образом мне удалось сохранить на лице беззаботное выражение. Я даже как-то умудрился жизнерадостно хохотнуть и легонько ткнуть зеленоглазого кулаком в плечо, мол, ну, брат, ты и рассмешил. А у самого, словно у бойцового пса перед дракой, шерсть на загривке буквально дыбом встала, а от притока адреналина кровь вскипела, будто кипяток в чайнике.

— Толян, погоди немного с рассказом, я буквально на пару секунд отойду до Кости и Кузьмы. Лады?

— Не вопрос, — великодушно соглашается напарник.

Стараясь выглядеть как можно беззаботнее, я буквально выдергиваю из-за стойки Четверть. Тот пытается сослаться на занятость, но я, незаметно для остальных, делаю ему «страшные глаза», давая понять, что дело важное и не терпит ни малейших отлагательств, и направляюсь по лестнице к комнате Убивца. Кузьма, понявший похоже, что я не шучу, топает следом.

— Так, мужики, кажется у нас тут назревает полный звиздец, — выдаю я, как только за мной закрывается входная дверь. — Очень хотелось бы ошибаться, но, кажется, я знаю, кто эти парни. И если они — охрана каравана, то я — любимая жена китайского императора.

— Слушай, Миша, ты вообще сам-то понимаешь, как это все звучит? — Костя сверлит меня пристальным взглядом.

— Понимаю, Убивец. И, что если я ошибся, то буду выглядеть в глазах всего местного гарнизона полным идиотом — тоже понимаю. Только по мне, так пусть лучше эти мальчишки надо мною ржут и пальцами в меня тычут, чем я над их могилами буду себе руки заламывать с воплем: «Я же знал, что все так и будет!»

— Ладно, поехали по новой, — командир наемников растирает себе щеки ладонями и встряхивается, будто прогоняя усталость. — Значит, ты узнал этого парня по характерной поговорке, так?

— Нет, парня этого я вообще не знаю. Но поговорку эту я слышал от лейтенанта-мамелюка. Причем узнал я не столько поговорку, хотя она довольно редкая, сколько очень характерную ошибку. Вот скажите, мужики, кто-нибудь из вас назовет кошачью морду «рожей»? Это про человека так сказать можно, но не про животное.

— М-да, как-то негусто с доказательной базой, — задумчиво тянет Четверть. — А теперь представь, какой кипеш поднимется, если ты вдруг ошибся?

— А о чем, собственно, речь? — удивляюсь я. — Вроде как прямо сейчас палить в них из всех стволов никто и не предлагает. Идея у меня следующая: нужно сообщить о моих подозрениях Костылеву и аккуратно взять этих ребят под плотное наблюдение. Если они на самом деле те, за кого себя выдают, — ну и слава богу! Пусть живут себе дальше, охраняют купчин да деньгу куют понемногу. А вот если это все же мамелюки, то вариантов всего два: либо они у нас проездом, а цель их где-то в другом месте, к которому они направляются, тогда нужно предупредить СБ, чтобы булки подсобрали и встретили их в конце пути, как положено. Второй вариант — гораздо хуже: их цель тут, в Червленной...

— А не могли они по твою душу заявиться? — с невинным видом интересуется Убивец. — А то повеселился ты в горах неслабо.

Да уж, если честно, то эта мысль мне в первую очередь в голову пришла. Однако, немного поразмыслив на эту тему, я ее отмел как несостоятельную.

— Исключено, — твердо отвечаю я. — Тот факт, что я оказался в «Псарне» сегодня вечером — чистой воды случайность. — Меня в станице не было больше двух месяцев. Я мог быть где угодно — в Ростове, в Моздоке, в Ханкале, в...

Стоп, увлекся. Так можно и лишнего наговорить. И Костя, и Кузьма, конечно, парни свои в доску, но есть вещи, которые и им знать вовсе не обязательно. Например, о том, как я побывал в плену, и особенно — как я оттуда выбрался. Для их же безопасности.

— Короче, — резко обрываю я сам себя, — много где мог быть, но только не тут. Да и не будут ради меня два десятка бойцов в укрепленный поселок засылать. Гораздо проще всей этой кодлой меня снаружи подкараулить. Где-нибудь между Петропавловской и Аргуном, например. Там как раз место глухое и лесополоса подходящая: почти что лес, настоящие дебри.

— Два десятка... — Четверть задумчиво почесывает кончик уха. — Думаешь, они все заодно?

— Думаю — да. Охранники — народ серьезный, в такой ответственный рейд пойдут только с проверенными людьми, случайных и приبلудных, чисто для количества, набирать не будут. С купцами — та же история. Они неизвестно кому груз не доверят, скорее — наймут проверенную группу, чем каких-нибудь чужаков залетных. Так что, если я прав, то весь караван — ряженые мамелюки. Ладно, отвлеклись мы. Если они решили что-то учинить именно в Червленной, то это очень хреново. Потому как мамелюки — это не вчерашние чабаны, «волчьи головы» на рукава нашившие. Это серьезные профи, с которыми даже мне тягаться страшно. А значит — задача у них какая-то, не побоюсь этого слова, глобальная. Таких ради ерунды на убой не пошлют, слишком дорого выйдет.

— И что ты предлагаешь? — похоже, Костя принял решение.

— Предлагаю взять под наблюдение комнаты наших гостей, посадить в номерах напротив надежных ребят с оружием и приказом не спать и бдить, да и во внутреннем дворе не помешает пара-тройка стрелков, чтоб окна под контролем держать. Ну, и доложить о моих подозрениях в Комендатуру, пусть тоже меры принимают.

— Лады, — кивает Убиец. — Действительно, лучше быть живым параноиком... Так и сделаем. А пока — топай назад в зал, ты же ненадолго отойти собирался. Вот и нечего подозрения вызывать. А мы с Кузьмой все остальное аккуратненько обставим.

Вернувшись в зал трактира, обнаруживаю, что приезжие, которых я про себя без колебаний называл мамелюками, уже заканчивают ужин.

— Ну, ты где там потерялся? — Толя пытается изобразить голосом негодование. — Тут уже пиво вот-вот закипит!

— Ну, извини, — развожу руками я. — Финансовые вопросы обсуждал. Или ты хочешь денег недополучить только потому, что я к тебе пивка выпить сильно торопился?

Курсант энергично мотает головой, нет, на такие жертвы он пойти явно не готов. Весь остаток ужина я довольно удачно изображаю беспечность: расспрашиваю у напарника о том, как он отметил Новый год, о семье, о подробностях обеих вылазок в Мертвые Земли. Да уж, одному только Богу известно, чего мне эта беззаботность стоила! Слушая вполуха Толину болтовню, стараюсь незаметно отследить, как на меня реагируют чужаки. Вариантов по результатам наблюдения вырисовывается два: либо среди них нет никого из тех, кто знает меня в лицо и кто в курсе моих походов в Шарое, либо они все очень хорошие актеры. Второе, по зрелом размышлении, все же менее вероятно, так что будем надеяться на первое. Когда наконец те заканчивают ужин и уходят в выделенные им Кузьмой комнаты, я с облегчением перевожу дух.

— Чего пыхтишь, как паровоз? — вопрошающе смотрит на меня Толик.

— Да есть одна причинка, пошли ко мне, там расскажу.

— Легко, только просьба есть. Оружие трофейное мне почистить сможешь? — он кивает на сложенную у стены кучку стволов.

— И сколько там твоих?

— Два автомата и два пистолета.

— Неужто один не справишься?

— Да управлюсь, конечно. Просто вдвоем в два раза быстрее будет. А то уж больно спать охота.

— Ладно, помогу, раз такое дело. Вот только спать нам сегодня, боюсь, не придется.

— Что это? — враз подобрался напарник.

— Хватай свои железки и пошли ко мне. Там и объясню.

Короче, именно мы с Толей и оказались той самой парой стрелков, которой доверили «высокую честь» караулить под окнами наших незваных гостей. Курсант, который и так рассказанному мною не сильно обрадовался, как услышал эту замечательную новость — совсем сник. Более-менее примирило с жестокостью жизни только мое обещание дать ему немного покемарить, когда на пост заступим. Вот так вот и дежури́м, сидя в том самом сарае, в котором себе тренировки по тактике зачистки здания устраивали. Я окна «пасу», напарник рядышком дрыхнет, завернувшись в камуфлированный армейский бушлат и тихонько посапывая носом. Еще раз бросаю взгляд на часы. Почти пять утра. Неужели ошибся?

Нет, не ошибся! Внутри гостиницы вдруг короткими злыми очередями замолотили несколько автоматов. На стеклах опекаемых мною окон заплескались сполохи отраженных вспышек выстрелов, а потом два из них горами стеклянных осколков осыпались на землю. «Предчувствия его не обманули!» — всплыла в голове песенка из старого мультфильма. Вскидываю автомат, мало ли, вдруг кто решит через окно уйти. Наши наружу через окошки во двор не полезут, это с Убивцем заранее оговорено было. Так что, если кто в них сиганет — однозначно враг. Сбоку слышу тихий щелчок предохранителя и лязг затвора: Анатолий уже вскочил и занял позицию.

— Курсант, ежели через нас кто «на рывок» пойдет, постарайся на поражение не бить, надо попробовать «языка» взять.

— Понял, — коротко отвечает тот и тут же открывает огонь по гибкой тени, что рыбкой сиганула сквозь одно из окон, причем в комнате, только что спешно покинутой мамелюком, буквально через мгновение грохнула граната.

Серьезно они там воюют! Интересно, у Кузьмы его заведение застраховано? Хотя, думаю, он из стоимости трофеев все убытки покроет. Мамелюк тем временем, кувыркнувшись через плечо, уже собирался было рвануть к воротам, за которыми стояли машины, но, видно, не его сегодня день. Очередь Толиного автомата перечеркнула ему ноги точно по коленям. Я даже добавлять не стал, там и так все ясно: жить, может, и будет, если от болевого шока прямо сейчас не загнется, ходить — нескоро, а вот бегать — уже, наверное, вообще никогда. Стрельба в здании стихла так же внезапно, как и вспыхнула. Зато в наступившей тишине очень хорошо стала слышна плотная перестрелка в стороне рынка, а потом — два взрыва в районе центрального КПП станицы. Твою ж мать! Точно, не ошибся! На помощь ломиться бессмысленно, думаю, и без нас управятся. Опять же, в горячке могут и не признать в темноте. Оно нам надо, от своих же пулю схлопотать? Значит, будем тут разбираться.

— Эй, снаружи, как там у вас? — интересуется изнутри Убивец.

— А у вас? — по-еврейски, вопросом на вопрос, отвечаю я.

— У нас семеро «холодных». И трое наших «трехсотых».

— Ну, а мы побегайцу уйти не дали, — докладываю я, глядя, как Толя зигзагом метнулся к раненому и, ногой отшвырнув в сторону его автомат и выдернув из кобуры пистолет, принялся вязать ему руки. — Покоцали, но жить будет. Плохо и недолго. Тащи его сюда, Курсант!

Когда напарник за эвакуационную стропу разгрузки подтаскивает к сараю бесчувственного мамелюка, я указываю на распахнутую дверь сарайки:

— Под крышу его затащи и пригляди. Хотя бегун из него сейчас никакой.

Сам же через выбитое окно лезу в зачищенный гранатой гостиничный номер и чуть не наступаю на лежащее между кроватью и стеной тело. Фу, мать твою, хорошо еще не оборонительной его, а то пришлось бы с потолка кровь отмывать! Но и просто напигованный осколками мамелюк выглядел не шибко аппетитно. Да и комнате досталось изрядно. Уборкой и заменой мебели тут явно не обойдешься.

— И как все было? — спрашиваю у подошедшего Кости.

— Не поверишь — они нас по-тихому вырезать тут хотели. У троих — «Кольты» с глушителями, у остальных — ножи. И самое главное, что если б не твое предупреждение, вполне могло бы выгореть, по крайней мере, в мою комнату они дверь вскрыли, я даже не

услышал, хотя и не спал. Только на открывшуюся дверь отреагировал да на тех двоих, что через нее в номер вошли...

— Точно-точно, — подхватывает вытаскивающий из комнаты за ноги труп Коваль. — Мы тоже ничего не слышали. Вроде только что — тишина и благодать, а уже через секунду — раз, и дверь открыта, и этот ухарь с кинжалом к кровати крадется.

— Словом, — похлопывает меня по плечу командир наемников, — если б не ты, тут бы нам всем упитанный полярный зверек и приснился бы. А так шансов у них, считай, и не было. Они — с холодным оружием и пистолетами, а мы их в двенадцать автоматных стволов разом взяли. И то, видишь, троих наших один черт подранили.

— Серьезно?

— Не то чтобы очень, жить будут, но и царапинами не назвать. Как считаешь, к рынку на выручку комендатурским ехать стоит?

— Думаю, нет. Слышишь, там тихо уже. Значит, сами управились. А по ночной темноте могут и нас за противника принять... Так что — лучше не стоит. А вот что действительно нужно сделать, так это поинтересоваться у последнего нашего гостя, какого хрена им тут нужно было?

— Надеюсь, что расскажет?

— Зависит от того, как спрашивать. Вот сейчас и вспомним, что у меня из курса специальной подготовки в голове осталось.

— Что, был в твоей жизни такой курс?

— В моей жизни, Константин Батькович, много чего было. Кое-что и сам бы забыть рад, да только не выходит. Короче, пойду я, инструмент подходящий подберу.

Все необходимое для процедуры, которая официально называется «экспресс-допрос в полевых условиях с применением подручных средств», а на профессиональном жаргоне просто «потрошение „языка“», я отыскал в инструментальном ящике собственного УАЗа, стоящего в углу двора. Затащив захваченного мамелюка в сарай и выгнав Толю на улицу со строжайшим наказом топать к себе в номер и не пытаться лезть сюда, пока сам не выйду, я парой звонких затрещин привел турецкого диверсанта в сознание. Господи, прости и помилуй мя, грешного! Поехали...

Просто удивительно, как много можно узнать у изначально совсем не настроенного на разговор по душам человека при помощи острой крестовой отвертки, плоскогубцев, ножа и метрового куска стальной проволоки. Уже через пятнадцать минут я выяснил все, что хотел, и вышел на улицу, подставив лицо ночной прохладе. Кто б знал, как же это все-таки мерзко, а! Тпру, Зорька! Вот только раскисать не нужно, товарищ прапорщик. Ты ж, мля, не курсистка-бестужевка. В обморок еще хлопнись от переживаний, блин! Некогда тебе!!! Соberись, тряпка!

Толя, несмотря на мой приказ, так никуда и не ушел, а сидел под навесом на той самой лавочке, на которой мы когда-то занятия по минно-подрывному делу проводили и постоянно автоматы чистили.

Увидев меня, он вскакивает и направляется следом.

— Ты его что, того...

— Да на кой хрен он мне сдался, руки марасть. Живой. Вот только не знаю, надолго ли. Первую помощь ему оказывать мне некогда. Выживет — его счастье. Нет — собаке собачья смерть.

— Блин, Миша, я, конечно, многое понять могу, но вот так с живым человеком... Он так кричал...

— Толя, — максимально спокойно, стараясь удержать себя в руках, отвечаю я, — запомни, это — не люди. Это враги. И попади ты к ним в руки, тебя ждет то же самое, если не хуже. Уж поверь на слово, что Непримиримые, что турки до пыток большие мастера. Я, блин, даже в самом страшном пьяном бреде не выдумаю того, что у них — в порядке вещей. А тут... Так было надо, понимаешь? Если б мы его по-хорошему допрашивали, то могли бы здорово опоздать. А в нашей ситуации — это смерть. И тебе, и мне, и всем ребятам нашим, и

вообще всей Червленной. Понял?

По глазам вижу, что не понял. Ладно, скоро поймет. А пока... На ходу цепляю под локоть отдающего какие-то распоряжения Убивца:

— Костя, Четверть где?

— У телефона, в Комендатуру о наших делах докладывает.

— Отлично, давай бегом с нами.

Когда мы втроем вваливаемся к Кузьме, тот уже собирается опустить телефонную трубку на рычаг.

— погоди! — останавливаю я его. — С кем говорил?

— С Костылевым...

— Вот и отлично, трубку мне дай.

Трактирщик протягивает мне телефон.

— Алло, Игорь, это Михаил. У меня хреновые новости, очень хреновые...

— погоди, Миш, — хрипит трубка слегка искаженным голосом Коменданта, — тут Исмагилов рядом. Я громкую связь включу, чтобы и он слышал.

— Хорошо, включай.

— Готово.

— Ну, тогда, господа офицеры, держитесь крепче... Это — ни фиги не диверсия. Вернее, диверсия, но не просто так. Их задачей было по-тихому вырезать нас и часть постов охранения на периметре станицы и связать боем Охранную Роту и Дорожную Стражу, не давая им покинуть казармы. Это война, мужики. Это, мать ее, большая война! Поднимайте всех, кто вооружен, объявляйте «Крепость», «Кольцо», «Зарево»,⁶⁷ не знаю, как у вас сейчас этот план называется. И оповестите остальные Комендатуры и Ханкалу. Нападать будут на всех разом.

В трубке повисает тяжелое молчание.

— Я тебя понял, Миша, — враз севшим голосом хрипит Игорь и бросает трубку.

Я оборачиваюсь и гляжу на вытянувшиеся и побледневшие лица друзей.

— Да, парни, вот такая вот пришла задница. Как там у Гайдара: «Пришла беда, откуда не ждали»... А даже если и ждали, то, один хрен, как обычно, ни к чему не готовы!

— Ну, не то чтобы совсем ни к чему, — хрустит костяшками пальцев Убивец и, нажав на тангенту рации, командует. — «Псарня», внимание. «Вьюга». Как приняли меня? «Вьюга». Общий сбор через пять минут во внутреннем дворе.

Потом посмотрел на меня.

— Ну что, Миша, через пять минут жду тебя и парней твоих во дворе при полном параде, в смысле, по полной боевой.

— Понял, — киваю я и ломлюсь по лестнице к себе.

По дороге забегаю к Руслану.

— Весело у вас тут, — заявляет он мне, едва открыв на мой стук. — И часто у вас тут отношения при помощи гранат выясняют?

— Ха-ха — три раза. А теперь слушай внимательно, — шутить мне некогда, а вот ввести парня в курс дела — просто необходимо. — Не знаю, что ты там решил по поводу моего предложения, но повоевать тебе все равно придется. К нам тут в гости мамелюки забредали. Одного мы живым взяли. Короче, они — всего лишь отмычка. А вслед за ними полезут Непримиримые при поддержке турок.

— Так это что же получается, война?

— Она самая!

И, словно подтверждая мои слова, где-то в направлении Аргуна глухо, но отчетливо загрохотала канонада, а низкие серые облака подсветились красными вспышками взрывов. А

⁶⁷ «Крепость», «Кольцо», «Зарево» — так в разные годы назывался в структурах МВД кодовый сигнал, по которому личный состав подразделения занимал круговую оборону в пункте постоянной или временной дислокации и готовился к отражению нападения превосходящих сил противника.

буквально через пару секунд протяжно и заунывно завывали висящие на столбах по всей станции репродукторы. Началось...

— Так, парни, — оглядел свое небольшое, но весьма грозно выглядящее войско, построившееся во дворе «Псарни», Убивец, — взаимодействие с вояками у нас давно отработано. Связь...

Костя кивнул на двух посыльных из Комендатуры, грузящих в свой УАЗ окровавленного, но все еще живого мамелюка.

— Связь с Комендантом держим через меня. Пока что мы — оперативный резерв. Периметр держать будут военные и ополченцы. У них там все роли давно расписаны. А мы — палочка-выручалочка, на всякий пожарный. Мало ли что, вдруг где поддержать нужно будет. Вопросы?

Вопросов, как это издавна повелось во всех армиях и военизированных структурах, не было.

— Ну, тогда еще пять минут на окончательную подгонку снаряжения и амуниции и — выдвигаемся к Комендатуре. Кстати, машины диверсантов тоже к делу пристройте. Чувствую, пригодятся они нам. Да, Миша, подойди-ка.

Оставив Курсанта помогать Руслану, который, что называется, в темпе вальса подгонял по своему размеру запасную Толину РПС и распахивал по подсумкам магазины для моего же АКСа, того самого, что провалился сюда со мною из прошлого. Снайпер — оно, конечно, хорошо, но в условиях боя в населенном пункте автомат как-то нужнее. А снайперку свою Рус все равно с собою взял, закинув, словно биатлонист, ее ремень сразу на оба плеча. Ну, хочет парень ее с собою носить — ради бога. Опять же, кто знает, может, и пригодится.

— Так, Михаил, держи, это тебе, — Убивец протягивает мне «портативку».

— Да у меня своя вроде целая еще, — я поворачиваюсь к нему левым боком, давая разглядеть закрепленный за плечом чехол с «Кенвудом».

— Эта — на армейской частоте, Комендант велел. Сказал, что ты не только наемник, но еще и командир отдельной диверсионной группы и для тебя могут отдельные задачи нарисоваться, так что держи.

Да уж, блин, тоже мне, нашли группу. Два бойца и один... Даже не знаю, как его назвать-то... Вольноопределяющийся. Но, делать нечего, назвался груздем... Снимаю с груди ножны со своим ухорезом и креплю на его место полученную станцию. Прямо за стропу цепляю, авось клипса не сломается.

— По машинам! — разносится над двором зычный голос Кости.

Мой УАЗ уже заведен и фырчит мотором на холостых оборотах. Толя с помощью Руслана уже снял тент и сейчас устанавливает пулеметную турель. Это правильно, на данный момент нам огневая мощь намного важнее комфорта. Надо бы помочь, быстрее сделаем — быстрее выдвинемся.

Багровый диск заходящего солнца был почти не виден сквозь тучи висящего над Червленной жирного и смрадного дыма. А гореть и дымить на земле есть чему. Полыхают жилые дома на южной окраине, возле железнодорожной станции и вокруг Комендатуры, чадят разбитые огнем турецких минометов и САУ огневые точки периметра, коптит подбитая бронетехника. И наша, в капонирах, и турецкая, на поле перед стеной. Хотя какая там стена! От того могучего защитного вала, который я впервые увидел чуть меньше четырех месяцев назад, остались одни воспоминания. А ведь началось все вполне для нас неплохо: подлетевших первыми к КПП Непримиримых, похоже, твердо уверенных в том, что мамелюки им уже ворота настежь распахнули, крошили из «крупняков» и АГСов быстрее, чем они «мяу» сказать успели. Какой радостный гвалт по этому поводу в эфире командиры наших ополченцев подняли — это слышать нужно было. Костылеву, чтобы этот базар-вокзал прекратить, пришлось злобно рывкнуть и кое-кого «по маме и по папе» обложить. Правда, второй раз нам такой халявы уже не обломилось: Непримиримые, они хоть и отморозки, но далеко не идиоты, в лобовую атаку не полезли. Вместо этого начали,

держась вне зоны досягаемости наших огневых точек, расползаться вдоль периметра и занимать позиции. Все ясно, турок ждут. У тех наверняка и минометы, и артиллерия имеется. Ведь без хорошей артподготовки на пулеметы в атаку идти — вообще не интересно. Да уж, а минометчики у турок грамотные были, чтоб им в аду ни дна ни покрыва. Еще утром, только солнце вставать начало, подтянулись, развернулись да как начали гвоздить — только ключья полетели. А турецкая пехота да Непримиримые, на это избиение глянув, вполне бодро рванули на повторный штурм. Если б не Костылев с его армейскими еще познаниями в области артнаводки и не батарея Д-30 из Ханкалы, они б нас уже к обеду в блин раскатали, предварительно мелко нашинковав и поджарив. Вместо этого гаубицы шестью батарейными залпами от позиций турецких минометов мокрого места не оставили, ну а наши воспрянувшие духом вояки и ополченцы пехоту от периметра отбросили. И «духи» снова затихарились на безопасном расстоянии. Правда, долго нам расслабляться они не дали: буквально через час откуда-то со стороны Чернокозово приползли сразу три турецких самоходки, в которых служивший срочную в танковых войсках командир Дорожной Стражи Карташов опознал САУ Т-155 «Шторм». Сопровождали их полдюжины уродливых турецких бронетранспортеров «Явуз», жалких пародий на нашу «восьмидесятку», только без десантных люков в бортах и без башни, а просто с «Браунингом» на турели. Чуть позже пришлепал еще и танк «Леопард-2». Ну, этого-то уродца, с его характерной, плоской и размазанной на всю длину корпуса башней даже я узнал, хотя в танках никогда особенно не разбирался. Эти тоже крови попили изрядно. Встали вдалеке, километрах в трех от КПП, чуть не на противоположном берегу озера, и первым же залпом накрыли один из Т-72, который попытался их отогнать. Короче, очень неравноценный размен вышел: наш танк на их БТР с десятком пехотинцев на броне. Карташов матерился так, что впору было записывать, а потом под страхом расстрела запретил использовать единственный уцелевший танк. Я, если честно, сначала о мужике плохо подумал, особенно когда эти долбаные САУ начали окрестности Комендатуры с грязью мешать. Видимо, точной привязки у них не было, вот и нащупывали. Ну, да, тут у нас и узел связи, и склад РАВ. Первостепенная мишень, мля! А этот сукин кот, в смысле, «Леопард», пользуясь своей полной безнаказанностью, принялся расстреливать ворота и гасить наши огневые точки, уцелевшие после минометного обстрела. Да вот только ошибся я в Борисе Петровиче...

Когда после очередного сеанса связи с Ханкалой Костылев «обрадовал» нас, что гаубиц пока не будет, мол, они сейчас на аргунских работают, там совсем задница. Интересно, если у нас еще «не совсем», что ж тогда в Аргуне-то творится? Хотя, учитывая, что они на самой границе и никаких особенных преград между ними и землями Непримиримых нет, то туда могли хоть танковый батальон подогнать. Ишь, вон, как там грохочет, даже сквозь нашу здешнюю канонаду расслышать можно! Значит, как всегда — справляйтесь своими силами. Да какие там, к едрене маме, силы? Батарея 82-мм «Подносов»? Несерьезно! Они против пехоты хороши, а танкам даже броню толком не поцарапают. И если найдется среди турок хоть один специалист по контрбатарейной борьбе, то останемся мы без минометов еще до начала полноценного штурма. М-да, блин, ситуация...

Переварив «радостное» известие, Карташов глухо матюгнулся и рванул на КПП сам. Бой тот я своими глазами не видел, но парни, что выжили, говорят — просто эпическое было зрелище. Вырвавшийся, словно кабан из камышей, через развороченные ворота карташовский Т-72 турки, увлеченные расстрелом с безопасного расстояния наших позиций, просто проворонили. Вернее, мотопехота-то углядела его сразу и заметалась, словно стая бандерлогов, заведывая удава Каа. А вот танкисты сообразили, что вечер перестает быть томным, только после того, как, схлопотав сразу два 125-мм подкалиберных снаряда, полыхнул «Леопард». Знатно так полыхнул, весь разом, будто стог сена, бензином облитый. Самоходки же, которые против танков хороши только из засады, а вот в маневренном бою сильно до него не дотягивают, пытались было что-то такое, напоминающее оборонительный бой, изобразить, но — не преуспели. Зато преуспел один из этих ублюдочных БТР, вооруженный не крупнокалиберным пулеметом, как остальные, а ПТУРом TOW. Вот тут

шансов не было уже у давно лишившегося динамической защиты танка Карташова. Вечная им память, и Петровичу, и мехводу его, и вечная слава!

Однако расстраивались по поводу потери танков турки и Непримиимые недолго. Как ни крути, а вместо ворот — здоровенная брешь в стене. В нее-то они и ломанулись, надеясь на то, что всех защитников периметра сперва накрыло минами, а потом «Леопард» своими снарядами добил. Ага, сейчас! Нет, не буду врать, тяжело там пришлось. Еле удержались, даже с других направлений народ снимали и к КПП перебрасывали, да и нас тогда Костылев в первый раз с начала боя задействовал, бросив этот чертов прорыв затыкать. Заткнули. Трусами завалили. По большей части — вражескими, хотя и с нашей без потерь не обошлось. Но вот тут-то и показала себя во всей красе разместившаяся во внутреннем дворе Комендатуры минометная батарея. Это танкам «Поднос» — не противник, а вот против пехоты и небронированной техники его осколочно-фугасные мины работают — любо-дорого глянуть. А потом — понеслось... Мотались из одного конца станицы в другой. Там — боеприпасов подкинь, там — раненых эвакуируй, а где, как и у ворот — помоги прорыв ликвидировать. Часам к трем «духи», видимо, окончательно осознали, что захватить станицу бравым джигитским наскоком уже не удастся, и взяли тайм-аут. Скорее всего, подкрепления ждут. Ну, а мы, пользуясь затишьем, дыры в своей обороне латаем.

Прямо сейчас на пару с Толей помогаем трем грязным и закопченным, словно черти, артиллеристам сложить из обломков разрушенного прямым попаданием кирпичного сарая какой-никакой бруствер для их ЗУ-23. Руслан тоже было пытался помочь, да вот только он как ежик из того анекдота — сильный, но уж больно легкий. Да и руки ему лучше побереечь, думаю, как снайпер он нам больше пользы принесет, чем как грузчик. Поэтому Рус сейчас греет всей «стройбригаде» тушенку на таблетках сухого горючего, приглядывая, чтоб не подгорела. Нет, зенитчики эти — реально мужики героические: две первые волны штурма на периметре отбили, а когда их позицию «Леопард» вычислил и огнем накрыл, втроем на руках каким-то чудом уцелевшую зенитку из капонира вытащили. А в ней ведь почти тонна весу. Это вам не кружку с пивом по столу передвинуть. Пятеро их сначала было. Теперь вот — трое осталось. Новую позицию мы им оборудуем уже не на полуразрушенной стене периметра, удержать которую, похоже, всерьез никто и не надеется, а на окраине станицы.

— Хорошее местечко, — с хрустом распрямился я и принял у Руслана шкворчащую и плюющуюся жиром банку «тушняка». — И обзор приличный. Если «духи» через ворота даже и прорвутся...

— Когда прорвутся, — вытирает со лба пот, еще больше размазывая копоть по лицу, поправляет меня старший расчета, мужик лет тридцати пяти, одетый почему-то в очень старый, вытертый чуть не до белизны кожаный летный шлем. Я такие, если честно, только в фильмах про Великую Отечественную видал.

— Ну, да, чего уж самим себе «баки забивать», — соглашаюсь с ним я. — Когда они последние наши огневые точки на стене задавят, то на станицу попрут именно через ворота.

— А то, — кивает «летчик» и подцепляет ножом кусок говядины из своей банки, — там же что справа, что слева — минные поля и «колючкой» все заплетено.

— Точно, остается только дорога, которая от КПП к станице ведет.

— А тут мы, — заканчивает он мою мысль.

— Да, а тут вы... Я сейчас с Комендантом свяжусь, насчет пехотного прикрытия для тебя. ЗУ — это, конечно, здорово, но десяток стрелков тебе тут все равно не помешает. Так, для пущего душевного спокойствия. А не даст — сам тут с вами останусь. Пулемет у нас есть, снайпер — тоже. Повеселимся!

— Ага, — хищно щерится артиллерист, — напоследок...

— Чего так пессимистично?

— А что, есть повод для оптимизма?

М-да, вот тут мне возразить нечего. Я, в отличие от этих ребят, всего час назад слышал, как Игорь связывался с Ханкалой. Хреновые наши дела, если уж честно: Аргун смяли и разорвали, ребята там стояли насмерть, но сделать ничего против того количества танков и

артиллерии, что кинули на них турки, просто не смогли. Ханкала в плотном кольце, Петропавловская и Толстой-Юрт ведут бой. Из Горагорского — гробовая тишина. Они, оказывается, даже на предупреждение о нападении мамелюков не откликнулись. Очень хочется верить, что там диверсанты просто узел связи уничтожили, хотя, кроме радиостанций, еще и телефон есть. И он тоже молчит, что наводит на очень нерадостные мысли. Относительно бодрые новости идут только из Гудермеса. Там мамелюки тоже на чем-то прокололись и их перебили раньше, чем они успели нанести хоть какой-то серьезный вред, да и гарнизон в городе крупный стоит. Хотя, похоже, и там ситуация все сложнее. Но обо всем этом я, разумеется, никому не скажу. Незачем это ребятам перед боем знать. Связываюсь с Костылевым. Мне остаться с зенитчиками он, как я, впрочем, и предполагал, не позволил. Но пообещал перебросить пару отделений ополчения. О чем я и сообщил своему чумазому собеседнику.

— Ладно, дружище, давай, держитесь тут. Да, на всякий пожарный, позывной у тебя какой?

— У-Два у меня позывной, звать Димой.

— Михаил, если по рации, то Чужого вызывай. Слушай, а что за позывной такой?

— А вот из-за этого, — зенитчик Дима хлопает себя ладонью по прикрытой летным шлемом макушке. — Семейная реликвия, блин. Прадед мой еще в Великую Отечественную летуна раненого на себе из окружения выволок. Ну, тот на память шлем и подарил. А я вот ношу ради прикола. Ребята поржали сначала, ну, так вот прозвище и прилипло.

— Понятно. Все, парни, пора нам, бывайте. Если туго придется — вызывайте, попробуем подсобить.

В Комендатуре — этакий «военный совет в Филях»: Игорю во время артобстрела прилетел в лицо то ли осколок кирпича, то ли просто камешек какой-то, выбить не выбил, но налившийся кровью глаз ему санинструктор замотал повязкой. Так что теперь наш капитан похож на Кутузова, разве что только габаритами куда крупнее. На меня, молча подошедшего к столу, на котором расстелена крупномасштабная схема станицы, собравшиеся вокруг офицеры особого внимания не обратили. Разве что Игорь на мгновение поднял на меня взгляд, кивнул и продолжил:

— Думаю, штурмовать до ночи они уже не соберутся. А вот под покровом темноты, подтянув резервы, — точно полезут. Самые вероятные направления, — Комендант трижды легонько постучал тупым концом карандаша, который крутил в пальцах, по схеме, — это район первого КПП, дорога на Моздок, район второго КПП, дорога на Кизляр и район ж/д станции. Это во всех трех случаях — ворота и разрывы в наших минных полях. Причем ворота первого КПП уже разрушены противником. Михаил, что там у нас с обороной, ты ведь только что оттуда?

Я протиснулся поближе к столу:

— Уцелели четыре бронеколпака на периметре. Два «Утеса», АГС и СПГ здесь, здесь и вот тут, — я пальцем показываю на схеме сохранившие боеспособность огневые точки. — Кроме того, там сейчас остатки дежурной смены Дорожной Стражи и полсотни ополчения при трех ПК. Правда, большинство ополченцев с СКС, но часть их смогли перевооружить на автоматы погибших... А еще, вот здесь, на окраине станицы, установили ЗУ-23, так что тех, кто все-таки прорвется через ворота, ждет серьезный такой сюрприз. Двуствольный, калибра двадцать три миллиметра. Вот только им бы пехотного прикрытия...

— Уже сделано, — перебивает меня Костылев. — Десять человек я уже направил на самую позицию зенитки, кроме того, сейчас первый взвод Охранной Роты занимает оборону во дворах и в домах на этой окраине, да плюс те, кто сейчас на периметре, в случае невозможности удержания своих позиций отступят туда же.

«Если успеют, и если будет кому отступать», — заканчиваю я про себя его мысль.

— Едем дальше... Своими силами, при помощи бойцов инженерно-саперного взвода, необходимо установить на ведущей от КПП в сторону станицы дороге противопехотные и

противотанковые управляемые мины, — продолжает Игорь. — В случае чего наши отступят, а вот турки пускай через минное поле прорываются под огнем. На остальных направлениях сделать то же самое. Благо мины на складе есть пока. Костя!

— Я, — откликается стоящий рядом со мною Убивец.

— Доставка мин на тебе. Транспорт у вас есть, команду на склад я дам, так что бери своих архаровцев, и, чтоб одна нога здесь — другая там. Времени осталось мало. Да, и вот еще что, передать по всем подразделениям: заранее заготовить на весь личный состав нарукавные повязки белого цвета, и чтобы с наступлением темноты все повязали их на левую руку. Командирам — взять на контроль! Не хватало еще по своим в темноте сослепу стрелять начать. И еще, что там с эвакуацией «мирняка», Олег?

— Частично успели эвакуировать из станицы, пока не были перерезаны дороги на Кизляр и Кумли, — подает голос Исмагилов. — Примерно тысячи две с половиной успели утром прорваться своим ходом и организованными нами конвоями. Колонна, отправленная в час дня в Кизляр, нарвалась на турецкий заслон. Головная застава Дорожной Стражи отвлекла огонь на себя и связала противника боем. Колонна вернулась в Червленную. Направление на Кумли и Терекли-Мектеб тоже перекрыто, там тоже турки и Непримиимые.

Среди гражданских потерь нет, но из станицы уже никого эвакуировать не удастся. Хорошо, хоть детей вывезти успели.

— То, что детвору эвакуировали, — хорошо. Вот то, что остальных не успели, — хреново. Всех, кто не принимает непосредственного участия в обороне, необходимо с окраин станицы централизованно собрать где-то, чтоб, во-первых, под охраной были, во-вторых, под ногами не мешались. Есть бомбоубежища под больницей, Комендатурой и зданием СБ, есть подземные склады под рынком, тюрьма есть, в конце концов. Главное, чтобы под пулями и снарядами они не ползали. Остальным — всем, кто готов сражаться, — выдать со склада РАВ и из запасов «Ратника» оружие и боеприпасы. С Сергеем я уже все решил, официально весь его товар приобретен Комендатурой с отсрочкой платежа. Расписку ему уже соответствующую написал, все чин по чину. Если выживем, Родина заплатит, я проконтролирую. Ну, а если нет, то и говорить не о чем. Итак, продолжим...

Очередной штурм начался уже ближе к полуночи. Турки явно подтянули-таки подкрепление, потому как сначала по стене и станице почти полчаса долбили снова откуда-то появившиеся минометы. После окончания артподготовки на приступ пошли Непримиимые. Ну да, зачем туркам своих аскеров «под молотки» подставлять, пока такие вот союзники имеются. Ага, союзники, как же! «Пушечное мясо», которое не жалко и которым можно завалить противника. Победят — хорошо, положат их всех — тоже неплохо, не придется после войны самим с разбойными бывшими союзниками разбираться. Но, думаю, о своей незавидной участи Непримиимые, что с воплями «Аллаху акбар!», лезут на окружающую Червленную полуразрушенную стену, даже и не подозревают. Не до того им: все мысли только о предстоящей резне, которую они сейчас проклятым кафирам и мунафикам устроят, да о том, сколько всего ценного и полезного тут можно будет наgrabить. Оптимисты, мать их так! Для начала придется прорваться через ребят вроде того же Димы У-Два. А это, уж поверьте, будет очень непросто!

— Всем, кто работает с Убивцем, внимание! — оживает торчащий в моем ухе наушник «Кенвуда». — Угроза прорыва у КПП-2! Как приняли, угроза прорыва у КПП-2!

Все ясно, у парней на кизлярском направлении проблемы. Нужно выручать. Уже выскочив из двора комендатуры и запрыгивая в УАЗ, вижу неподалеку знакомые лица. Егор Старосельцев, с АКМ на плече и подсумком на поясе, явно куда-то рвется, а на нем буквально висит плачущая Оксана.

— Так, Старосельцевы, я не понял, вы какого рожна тут делаете? Вас же еще утром эвакуировать должны были!

— Эвакуировали в первую очередь детей, — не теряется с ответом Егор, а мы уже взрослые, вот и остались.

— А сейчас тут что за семейная драма?

— Он собрался... А я ему говорю... — сквозь рыдания пытается что-то объяснить девушка, но я, кроме всхлипов и бессвязного бормотания, ничего разобрать не могу.

— К стене мы собрались, — твердо глядя мне в глаза, отвечает парень. — Батя старый уже, и с ранениями его... И то уже с самого утра бьется. А мы молодые-здоровые и до сих пор тут в подвале прячемся. Сейчас, вон, со склада всем автоматы выдавали, ну, мы и решили...

— Кто это «мы»? — прищурившись, смотрю я на Егора.

— Ну, я с пацанами... — немного сбивается с героического тона тот.

— И много вас таких?

— Семнадцать человек.

— И ты небось самый по возрасту старший, так?

Егор только кивает в ответ.

— Значит так, Егорка, слушай мой приказ: берешь этот свой недовзвод, бегом бежишь к дежурному по Комендатуре, докладываешь, что готов к выполнению поставленных задач по охране и обороне этого стратегически важного объекта, и действуешь по его распоряжениям. Понял?

— Но, Миша!

— Отставить!!! — потеряв терпение, рявкаю я. — Я тебе, доброволец Старосельцев, не Миша, а товарищ лейтенант. Понятно? Ты головой, гляжу, думать так и не научился, хотя пора бы! Что, Алпатово забыл уже?! У нас тут, Егор, несколько сотен гражданских. Можешь себе представить, что будет, если сюда Непримириемые прорвутся?! Так что я тебя не в тылу отсиживаться оставляю, я тебе самое дорогое, что есть у парней, которые сейчас на периметре бьются, доверяю. Жизни их родных. Понял? Ты, мля, и ребята твои — последний рубеж обороны! Понял?!

— Да.

— Чего?!

— Так точно, товарищ лейтенант!

— Вот так-то. Все, дуй к дежурному, а я его сейчас еще и по станции предупрежу.

Уже поворачиваясь к машине, ловлю благодарный взгляд Оксаны и машу ей на прощание рукой.

— Ишь, мля, нашлись мне Мальчиши-Кибальчиши, — хмуро бормочу я себе под нос, трогая УАЗ с места и стартуя в сторону второго КПП. — «И отцы ушли, и братья ушли...», мля! Пороть вас, сука, некому, пионэров!!!

Вокруг нас просто какой-то последний день Помпеи: все горит, гремят взрывы, подсвечивая своими вспышками низкие тучи, стрельба со всех сторон. В районе железнодорожной станции палят так, будто мотострелковый батальон в атаку пошел, хотя, кто знает, может, так оно и есть? Со стороны разбитых ворот первого КПП слышны короткие злые фырканы ЗУ-23. Похоже, там у Димы пока все в порядке. Ну, и дай ему бог!

До места я так и не доехал. Примерно на полпути в наушнике матерно выругался, а потом буквально зарычал голос Кости:

— Чужой, Убивцу, как слышишь меня?!

— Чужой на приеме.

— Турки прорвались! До полутора рот, семь БТРов. Остальных мы отсеки, но эти прорвались. Похоже, пошли на Комендатуру. Кто успевает — дуйте к «Псарню», там их перехватить попробуйте! Хоть на несколько минут притормозите, а там мы с тылу к ним подтянемся. Как понял?

— Понял, понял тебя! Сделаем все, что сможем!

Когда мы втроем, оставив УАЗ за углом, подбежали к входу в «Псарню», то прямо на пороге столкнулись с Четвертью. Пыхтя как самовар, он тащил наружу целый арсенал: два РПГ-7, пулемет «Печенег», три коробки-«двухсотки» с лентами. Вооруженная АК-74М Зина несла сразу две сумки для гранат, из которых торчали толстые конусы кумулятивов. Неплохо. Шесть выстрелов к РПГ, да у нас по одному тубусу «Аглени» на нос. Если и не

остановим, так хоть проредим основательно.

— Вы нам на помощь? — тяжело отдувается Кузьма.

— Угу, — киваю я и забираю у него один из гранатометов, а у Зинаиды — сумку с тремя гранатами.

— Так, Толя, ты давай хватай все наши «Аглени» и дуй вокруг квартала. Когда мы их тут нахлобучим — ударишь им в тыл. Улица узкая, запрем их к едрене матери! Постарайся не мазать, «граников» у нас мало. Но учти, стрелять — только после моей команды. Понял? Руслан, позицию выбирай сам и работай по готовности, но только после того, как мы дадим первый залп. Твои первоочередные цели — пулеметчики на бронетранспортерах и водители. Понятно, что «рули» по-боевому ехать должны, но на дворе — темень непроглядная, да и дымно тут, так что могут и по-походному, слегка приоткрыв люк. Вот в эту щель им и бей. БТР без водителя — братская могила на восьми колесах. Все, работаем!

Времени искать нормальное укрытие ни у меня, ни у Кузьмы с Зиной просто нет, впереди, за изгибом улицы, уже режут мощными движками турецкие бронемашины. Поэтому я просто падаю за невысокий штабель бетонной плитки, приготовленной для ремонта тротуара и сложенной стопкой у забора напротив трактира, а они укрываются за кирпичным бортиком крыльца «Псарни». Вытряхиваю из сумки гранаты, с треском раскручиваю зеленые картонные тубусы с пороховыми зарядами и привинчиваю их к гранатам. За матерчатые петли выдергиваю шпильки и снимаю с гранат предохранительные колпачки. Вообще, конечно, рискую я серьезно, но в бою на это времени может просто не остаться. Вставляю первый выстрел в гранатомет и щелчком поднимаю прицельную планку.

— Толян, ты как, на месте?

— Почти, — голос у напарника запыхавшийся и какой-то напуганный. — Вижу их, вот-вот мимо меня пройдут.

— Тебя не засекли?

— Нет, я заныкаться успел.

— Молоток! Запомни: бей в борт чуть выше колес, под эту, блин... Под ватерлинию, короче. В эту щель, между бортом и колесами, там броня слабая.

— Понял.

— Ну, тогда — товсь! — командуя я, вдавливаю кнопку предохранителя и, как только первые две вражеские бронемашины выскакивают из-за поворота, рывкаю чуть не во весь голос. — Огонь!!!

Бум! Фшшшх! Странное оно, ощущение при выстреле из гранатомета. Вроде и отдачи как таковой нет, только ощущение несильного рывка да пороховой дым, мерзко воняя, забивает легкие и носоглотку, но при этом в голове на секунду-другую сумбур полный, будто тебя обмотанной в толстое одеяло лопатой по затылку приласкали. Но отвлекаться на такие мелочи сейчас просто некогда. Даже не поглядев, попал я или нет, ныряю за укрытие, вгоняю в ствол вторую гранату и, выставив перед собой автомат, аккуратно выглядываю. Кучно легло! Один бронетранспортер буквально вскрыло взрывом, словно консервную банку, похоже, Кузьма точно в боеукладку гранату вклепил. Мой же просто ярко полыхает, ну, прямо пионерский костер! На асфальте и тротуаре — несколько скрюченных тел, похоже, с брони взрывом скинуло. Один даже шевелится и пытается отползти. Резкий хлопок выстрела, голова турка лопается, будто перезрелый арбуз, только брызги летят во все стороны. Понятно, Руслан развлекается. За поворотом — заполошная стрельба длинными очередями. Интересно, куда они вообще там палят, нас же оттуда и не видно, и даже не слышно? Ну, ладно, пусть себе стреляют, главное, что им весело и вперед они не рвутся. А там, глядишь, наши подоспеют, и зажмем их с двух сторон. Где-то за заборами трижды с небольшим интервалом бахает «Аглень». Ага, Курсант резвится.

— Мужики, я двоих сжег, одного, кажется, повредил, — орет мне в ухо динамик голосом напарника. — Только за мной пехота увязалась, сам не стряхну — до хера их! Прикройте!

— Лады, — слышу я голос Кузьмы и вижу, как он разворачивает ствол «Печенега» нам

в тыл, туда, откуда сейчас должен выскочить Толя и преследующие его турки. Зинаида по-прежнему целится из автомата в сторону подбитых нами БТР. Все верно, мало ли что...

— Не бойсь, поддержим, — я поудобнее перехватываю автомат и снимаю с предохранителя уже давно заряженный подствольный гранатомет.

Вовремя. Буквально через несколько секунд из-за угла выскакивает взмыленный Толя. На повороте его нещадно заносит, он кубарем катится по тротуару и исчезает в неглубоком кювете. Выбежавший следом за ним аскер налетает сразу на две короткие очереди, а вдогонку я всаживаю за угол ВОГ из подствольника. Потом второй. Из-за дома даже сквозь грохот канонады и взрывы боекомплекта горящих турецких бронетранспортеров слышны чьи-то полные боли и ненависти вопли.

— То ли еще будет, уроды! — сквозь зубы шиплю я, вставляя в ГП третью гранату.

Твою мать! Проворонили-таки!!! Боковым зрением я вижу, как, раздвигая наклонным носом горящие обломки своих неудачливых собратьев, прет прямо на нас еще одна бронемашина. Причем гораздо более серьезная, чем только что сожженные нами «Явузы». Те были вооружены крупнокалиберными пулеметами. Этот же — какой-то длинной скорострельной пушкой, торчащей из здорово сдвинутой назад маленькой башни. Бросив автомат, повисший стволом вниз на ремне, хватаю лежащий рядом со мною РПГ. Уже вскидывая его, понимаю, что не успел: поперек улицы будто огненной метлой шаркнули, во все стороны летит кирпичное и асфальтовое крошево, с визгом уходят в небо срикошетировавшие от дороги и стен трассеры. Даже толком не прицелившись, давлю на спуск, и тут же что-то сильно, вышибая весь дух из легких, бьет меня в грудь.

Прочухиваюсь от того, что меня кто-то тормозит. Приоткрываю глаза и вижу склонившегося надо мною Толю.

— Командир, ты как, живой?

Провожу ладонью по лицу: под носом и на подбородке — запекшаяся уже юшка, на правой щеке — глубокая, все еще слегка кровавая царапина и грудь болит так, что ни вдохнуть, не пер... ни выдохнуть, короче.

— Не уверен... Что это было?

— Плитка тротуарная, мля. Снаряд прямо в штабель попал, они и разлетелась во все стороны. Одна вот — точно тебе в грудь. Хорошо еще, что не в голову. А вот рацию раздавило...

Это да, еще одного столкновения с чем-нибудь моя голова точно не вынесла бы. Опускаю взгляд вниз. М-да, то, что осталось от выданной мне Убивцем «портативки», и рацией-то назвать сложно. Так, осколки пластика и торчащие между ними обломки микросхем. Восстановлению это точно не подлежит, только на выброс. Зато клипса уцелела, и все это безобразие по-прежнему висит у меня на груди.

— Турки что?

— Прорвались турки, — мрачнеет Курсант. — «Парс» этот, ну, БТР, что на нас вылезал, ты сжег, но к ним подкрепление подошло. Видно, не удержали их там наши... Мы с Русом тебя еле-еле утащить успели.

— Где мы вообще?

— В Комендатуре, Миш. Мы пытались сначала к зданию Службы Безопасности пробиться, оно ближе было, но не вышло, там уже все подходы обложили. Вот, сюда рванули. Я ж говорю, еле дотащить тебя успели, турки буквально на пятки наступали.

— А Четверть как, Зина?

Лицо Курсанта вдруг кривится, как у готового заплакать ребенка. Он несколько раз смаргивает и проводит ладонью по лицу. На покрытых пылью и пороховой гарью щеках остаются влажные полосы.

— Нету их больше, командир. Двадцатипятимиллиметровая скорострелка почти в упор. А у них всей защиты — стенка в полкирпича толщиной...

Рывком сажусь и обхватываю руками голову. Из глотки наружу рвется не то рык, не то стон. Ну как же так, а? Только сейчас осознаю, как дороги мне стали эти люди за четыре

неполных месяца знакомства. Когда они рядом были — не понимал, просто чувствовал, что нравятся, а вот когда их вдруг не стало... Все равно, что близких родственников потерял. Да я ж за них, сука, зубами рвать этих уродов буду!

Снаружи начинается плотная пальба, над головой тонко верещит и бьет в стену шальной рикошет.

— Не время, Миша, — трогает меня за плечо Курсант. — Там опять турки на штурм поперли, каждый ствол на счету.

Все верно, Толька, все верно. Сейчас не время оплакивать погибших, этим мы займемся позже, если доживем. А сейчас пора за них мстить.

— Миша, а чего так тихо-то? — чуть слышно шепчет Исмагилов. — Что, отбились мы?

Выглядит контрразведчик откровенно хреново: серая кожа, ввалившиеся глаза блестят нездоровым блеском, дыхание неровное, с прохрипом. Еще буквально час назад, когда мы с Русланом на руках стаскивали его сюда, в подвал, он выглядел куда лучше, но осколок минометной мины в живот еще никому красоты и здоровья не прибавлял. Подвал Комендатуры похож сейчас... Даже и не знаю, с чем сравнить-то... Разве что с грозненскими подвалами зимой девяносто пятого. Хотя, наверное, примерно так же выглядели казематы Брестской крепости в сорок первом: кровь, грязные бинты, крики, стоны, мечущиеся в бреду раненые.

— Молчи, Олег, тебе лучше не разговаривать. Я тебе только что буторфанольчику кольнул, сейчас легче будет. Да, отбились. Не поверишь, намолотили мы их — площади из-под трупов не видно.

— Отбились — это хорошо. Жаль, ненадолго это, сейчас опять из минометов причешут нас и снова попрут.

— Это да, — не стал жеманничать я. — Похоже — недолго нам осталось.

Словно в подтверждение моих слов над головой начали бухать разрывы, с потолка густо посыпалась бетонная пыль.

— Недолго, — согласно кивнул Исмагилов и зашептал, прикрыв глаза: — Согласно первоначальным расчетам — от полутора до двух суток. Жаль только, до весны они тянуть не стали...

Так, все, приехали, похоже, бредить начал.

— Слышишь, что говорю? — вдруг открывает глаза контрразведчик, и я понимаю, что он полностью вменяем и слова его никакого отношения к бреду не имеют. — Еще немного продержаться осталось. Наши уже на подходе. Мы свою задачу выполнили: боем турок связали и все имеющиеся резервы на нас кинуть вынудили. Ты боевиков когда последний раз среди нападающих видел?

— Непримируемых? Да фиг его знает, вечером вроде, темнело уже. А вот потом только аскеры турецкие попадались.

— О том и речь! Те силы, что они изначально на захват Терского Фронта готовили, мы еще вчера ближе к ночи перемололи, понимаешь? Мы вот уже всю ночь с их стратегическим резервом рубимся. Все, хана турчам, мышеловка захлопнулась. Теперь у нас одна задача — до подхода наших дожить.

— Когда они подойдут-то, наши?

— Я ведь сказал: от полутора до двух суток, по предварительным расчетам. Если бы они свое наступление до весны отложили, меньше ждать пришлось бы. Но они, похоже, испугались, что полковник твой слишком много нам рассказать может, вот и решили зимней оттепелью воспользоваться... Авантюристы, мать их. А у наших еще не все для встречи дорогих гостей готово было... Миш, водички бы мне...

Я отрываю кусок бинта, сматываю его в тампон и, плеснув немного воды из фляги, смачиваю им растрескавшиеся губы Исмагилова.

— Прости, брат, нельзя тебе пить.

— Да в курсе я, — кривится тот. — Вы, главное, держитесь. Слышишь меня?

Держите...

Прижимаю легонько палец к шее Олега. Пульс, хотя и слабый, но есть. Значит, жив, просто снова потерял сознание. А мне наверх пора: сейчас обстрел закончится, и турки снова будут пытаться взять развалины, бывшие раньше зданием Комендатуры.

— Как он? — спрашивает Костылев, когда я возвращаюсь к своей амбразуре.

Комендант сейчас похож уже не на Кутузова в Филях, а на какого-нибудь одноглазого пирата, только что вывалившегося из жестокой абордажной схватки: прорванный в нескольких местах черный прыжковый костюм весь в грязи и пыли, лицо черное от пороховой гари, в нескольких ссадинах запеклась кровь, здоровый глаз блестит каким-то нездоровым возбуждением. Просто человек с плаката: «Не влезай — убьет!». Глянешь, и сразу верится — этот точно убьет. Рядом с Игорем сидит на груде каких-то картонных папок, высыпавшихся из развалившегося шкафа, Настя и сосредоточенно набивает автоматные магазины патронами из полупустого цинка. Тоже чумазая, мрачная, но от этого ничуть не менее привлекательная.

— Жив, но без операции долго не протянет. Сам знаешь, ранения в живот — самые поганые, а уж если осколочное...

— Знаю, — кивает Игорь. — Ничего, нужно держаться.

— Угу, — зло сплевываю я. — От полутора до двух суток по первоначальным расчетам, мля!

— Олег сказал?

— Да. Что ж вы, стратеги, мать вашу, напланировали-то, а? Столько народу, как пешки, на размен! И чего ради? Смысл-то во всем этом хоть есть?!

— Есть смысл, Миша, уж поверь. Только некогда сейчас об этом. Позже все расскажу, если живы будем. А пока, — он тычет стволом автомата в сторону заваленной телами и залитой кровью площади, — у нас с тобой других дел полно.

— Ну, вот уж хрен тебе, товарищ капитан! Начал — рассказывай. А то что-то сомневаться я начал в том, что мы еще хотя бы пару часов проживем. Так что давай рассказывай!

— Черт бы с тобой! А то, правда, так дураком и помрешь. Ты что, правда считаешь, что мы проморгали подготовку и сосредоточение такой вражеской группировки? Что не знали о том, что на нас вот-вот нападут? Да мы, блин, на это нападение Турцию уже несколько лет провоцируем! Дураку понятно, что с поражением в Дагестане и Украине они не смирились. Так зачем ждать и гадать, где враг ударит в следующий раз, если можно вынудить его ударить там, где это выгодно нам? С понятным результатом. Вот и создавали несколько лет подряд видимость того, что Терской Фронт добыча хоть и зубастая, но постепенно слабеющая. И что оттяпать его себе — вполне посильная задача.

— Так что, получается, все эти разногласия с Югроссией?..

— Да не было никаких разногласий. Была просто очень масштабная и грамотная дезинформация.

— И что, так вот турки сразу и купились?

— Ничего себе «сразу»! Да мы им уже скоро шесть лет как мозги пудрим. Это просто ты уже завершающую фазу операции увидел. А до этого такие шпионские игры были — куда там Штирлицу! В одном мы малость просчитались, вернее, даже не просчитались, а не учли один отморозенный на всю башню «фактор» по имени Миша Тюкалов. С одной стороны, полковник твой ценнейшим источником информации оказался. А с другой — именно из-за его похищения турки эту авантюру с зимним наступлением затеяли. Видно, понимали, что он, если расколется, слишком много лишнего нам расскажет. А тут еще оттепель эта аномальная! Перевалы снегом так и не закрыло, вот и решились они на эту авантюру. А так мы их к концу марта ждали...

— Охренеть, так это что же, я виноват в том, что мы не готовы оказались?

— Выдохни, ни в чем ты не виноват. Если б не ты и не «полкан» этот пленный, очень многое для нас оказалось бы весной сюрпризом. Очень неприятным. Так что нет худа без

добра... Ладно, хватит о высокой политике. У нас тут сейчас других проблем выше крыши.

Это точно. За заборами примыкающих к площади домов снова замельтешили фигурки в турецком камуфляже, а вдалеке слышны взрывки мощных дизелей. Похоже, это уже не БТР, а танки. Сколько их там, интересно? Судя по звуку, не меньше трех. Значит — все, амба. Танкам нам противопоставить уже нечего. И «мухи» кончились, и выстрелы к РПГ, и даже снаряды к ЗУ-23, которую с окраины станицы и опять буквально на своем хребте припер отмороженный, неунывающий и, похоже, бессмертный зенитчик Дима У-Два. Так что теперь на нас на всех хватит не то что какого-нибудь «Леопарда», но и занюханного М-48, который со времен войны во Вьетнаме всерьез-то никто не воспринимал. Даже такое вот старье гранатами закидать не получится, как ни старайся, уж больно длинные и прямые улицы к площади перед комендатурой сходятся. Встанет эта бронированная тварь метрах в трехстах и будет нас с землей ровнять, пока боекомплект не кончится. Пехота уже потом пойдет, на добивание. Вот такой вот невеселый у нас будет «последний и решительный»...

Ну, вот, дождались наконец. Вдалеке из-за поворота, лязгая траками по асфальту, выползает танк. И что особенно неприятно — наш ведь танк! Русский Т-72, скорее всего, из закровов грузинской или южноосетинской армии. Там, судя по рассказам, турки немало всякого захватили. С одной стороны, конечно, не так уж важно, что именно тебя убьет, но с другой, принять смерть от русского танка в такой ситуации как-то обидно, честное слово. Мда, танкисты, смотрю, попусту рисковать не хотят: шустренько укрылись за остовом еще чадающего бронетранспортера, который У-Два из своей зенитки спалил часа примерно три назад. Да уж, оттуда мы его не достали бы, даже если б было чем. Это у наводчика мы как на ладони, а нам отсюда только торчащий вперед ствол пушки и видно. Ну, блин, сейчас прицелится, да кааак...

Жахнуло красиво! Ракетный залп разнес в клочья и обломки БТР, и стоящий за ними танк, и заборы домов по обе стороны от дороги. А потом прямо у нас над головами пронеслись, рубя лопастями поднимающийся снизу дым, три вертолета. Наши!!! Два замыкающих — точно старички-«крокодилы» Ми-24, а вот ведущий, если меня зрение не подвело — Ми-28. «Охотник», ударный вертолет, основная задача которого — уничтожение вражеской бронетехники. Я в свое время такие только по телевизору и видел. Рокочущая двигателями тройца пронесется вперед, продолжая долбить кого-то ракетами и пушками, а потом по большой дуге идет на разворот. Только сейчас я замечаю, что это звено — не единственное. В воздухе, будто демоны возмездия, вычерчивают сложные узоры уже как минимум три тройки «вертушек». А откуда-то со стороны Моздока слышен нарастающий гул многих десятков двигателей. Похоже, мы все-таки продержались.

Мы сидим кто на чем прямо у иссеченного пулями и осколками, зияющего проломами и в нескольких местах рухнувшего забора Комендатуры. Никто не отдавал такого приказа, но площадь перед комендатурой сама по себе стала местом сбора для всех, переживших этот бой и способных передвигаться самостоятельно. Вокруг суeta, какие-то молодые парни в армейской «трехцветке» с шевронами югороссийской армии на рукавах носят к эвакуационному пункту раненых, стаскивают в большие кучи трупы турок и Непримиримых и аккуратными рядами складывают в стороне тела наших. По дороге мимо Червленной, в сторону гор бесконечным потоком идет настоящая лавина войск. Танки, самоходные установки, БТРы и БМП, облепленные десантом, грузовики с мотопехотой и боеприпасами, тягачи, буксирующие орудия и минометы, кунгованные КШМки и армейские санитарные машины. Над головами время от времени проносятся звенья «вертушек», правда, как мне кажется, это одни и те же. Их всего пять или шесть троек, просто они то и дело на дозаправку в Моздок уходят и назад возвращаются. Зато выше... Нет, парни, словами подобное описать сложно — это видеть нужно. Там, среди белых облаков, не спеша ползут ровным, словно по линейке очерченным, строем по небу гудя моторами десятки самолетов. Здоровых таких, но мне совершенно не знакомых. По очертаниям они больше всего похожи на старые, еще довоенные советские бомбардировщики, ТБ-3. Но эти, как мне кажется, размерами еще больше. А между ними,

жужжа, будто рассерженные шмели, вьются парами маленькие шустрые истребители. Тоже явный новодел, и тоже — «по мотивам» Великой Отечественной. В истребительной авиации той поры я, вообще-то, не силен, только И-15 и И-16 опознать смогу, и то исключительно благодаря их уж очень характерной внешности. Так что на какие там Яки или МиГи похожи эти юркие летающие убийцы — понятия не имею. Но в том, что они для врага смертельно опасны, у меня ни малейших сомнений не возникает. Одним словом — армия идет в наступление. Зрелище одновременно величественное и пугающее.

Сначала мы помогали, чем могли: выносили и грузили наших раненых, доставали из развалин тела убитых. Именно тогда я отправил в тыл так и не пришедшего в сознание Исмагилова и матерящегося самыми последними словами Костылева, который умудрился ухватить какую-то шальную пулю уже в тот момент, когда первые югороссийские танки под прикрытием пехоты начали зачищать улицы вокруг Комендатуры. Настю я тоже уговорил вместе с ними поехать. Она пыталась было спорить, но мотивировка у меня была железобетонная: «Кто-то должен присмотреть за Олегом». На чувство долга надавил и отправил. Когда грузовик с ранеными ушел в сторону Моздока, в разбитой прямым попаданием из гранатомета калитке Комендатуры я столкнулся с семейством Старосельцевых. Грязный и всклокоченный, словно Бармалей, Тимофей Владимирович со счастливым лицом брел, поддерживаемый с одной стороны Ксюшкой, а с другой — Егором. Да уж, в такой бойне сохранить семью — это действительно удача, которая сегодня выпадет в Червленной немногим. И Дед Тимоха, и сильно повзрослевший за эту ночь Егор просто молча мне кивнули, а вот Оксана, приотстав, внимательно посмотрела мне в глаза.

— Миш, ты прости меня, дуру, за мое поведение, ладно? Я вот вас с Настей сейчас рядом увидела и сразу все поняла. Вы не просто друг другу подходите, вы две половинки одного целого. Счастья вам! — она широко улыбнулась и, не дожидаясь ответа, метнулась за неспешно уходящими в сторону дома отцом и братом.

Как мы ни крепились, надолго наших сил не хватило. Шедший почти двое суток бой измотал людей до последнего предела. Уже буквально через час работали только те самые молодые солдаты, а мы просто сидели на обломках бетонных плит, кусках кирпичной кладки, а то и просто на голой земле, прислонившись к чему-нибудь спиной. Сидели и молча смотрели по сторонам, потому как сил не осталось даже на разговоры.

На площадь вдруг шустро выскочил сопровождаемый двумя БМП-2 камуфлированный УАЗ. Из него, словно чертик из табакерки, выпрыгнул какой-то суетной тип в подполковничьих погонах на отутюженном камуфляже. Этому-то деятелю штабному тут какого рожна нужно? Подполковник козликом скачет между нашими, что-то выспрашивая. Большинство его просто игнорируют, но несколько человек указывают в мою сторону. Ну, посмотрим...

— Ты тут старший? — скороговоркой выпаливает он, едва подойдя ко мне.

Блин, да чего ты суетишься, чучело? Ну, да, я старший. После того как Игоря, Олега и Петю Малыша увезли в Моздок, я по званию старший из офицеров остался, мне Костылев на прощание с усмешкой так и сказал, мол, дерзай, Тюкалов, за главного в лавке остаешься.

— Ну, допустим, — прищурившись, я смотрю на прямо-таки подпрыгивающего от нетерпения «подпола» снизу вверх.

— Ты как разговариваете со старшим по званию?! — квохчет тот. — А ну, встать, перед тобой подполковник Генштаба!

Он что, совсем охренел? Ну, ладно, что на «ты», от этого барства штабных вообще отучить сложно, но вот орать на незнакомых людей — не стоит. Так сказать, во избежание... Может, мне еще по стойке «смирно» встать? Ага, щаз, отход-подход, три строевых шага... Мотал бы ты, родной, пока при памяти!

— Да пошел ты знаешь куда, подполковник Генштаба! — лениво тяну я и сплевываю ему под ноги.

Штабной багровеет, но внезапно натывается на мой холодный и злой взгляд и тут же сдувается, будто воздушный шарик, из которого воздух откачали. Ага, похоже, дошло,

наконец...

— Стройте ваших людей, через десять-пятнадцать минут тут будет Министр обороны.

Ох, ты, ну надо же, похоже, целый генерал армии решил нас почтить своим присутствием. Тогда понятно, чего ты так суетился. Небось отправили проконтролировать, чтоб все красиво было. Нью-ню! Ладно, мы не гордые, построимся.

— Подъем, мужики, к нам начальство едет! Становись в три шеренги!

Народ на площади зашевелился. Первыми в строй вставали более привычные к построениям бойцы Охранной Роты и Дорожной Стражи, вслед за ними пристраивались ополченцы. Я, как и положено по Уставу, встал на правом фланге, чуть впереди строя. Минут через десять на площадь вырываются три БТР-90, новенькие и даже несильно испачканные, с которых четко и слаженно, будто на учениях, спрыгивают гибкие и резкие парни в цифровом камуфляже и таких же, как и у меня, «Алтынах». Рассыпавшись по периметру площади, они грамотно берут под контроль всю прилегающую территорию, умудряясь при этом не шибко-то мозолить глаза. Понятно, «преторианцы», личная охрана. Следом на площадь выезжает колонна из трех пятнистых «Тигров», к которым бросается уже слегка пришедший в себя «подпол». Из бронированных внедорожников выбираются сразу десяток офицеров с весьма солидными «созвездиями» на погонах: самые младшие среди них — полковники. Узнаю только двоих. Одного из них, полковника Григорьева, я знаю лично по Ростову, фотографию второго, Министра обороны Югороссии, генерала армии Зарубина, однажды видел в газете. Угу, понятно, генералитет на сафари, бляха-муха. Что, решили на живых солдатиков поглядеть? Ну, поглядите, коли совесть позволит. Вот они мы, ваши пешки, которых вы со спокойной совестью на размен кинули. Ну, да, вы ж стратеги: дивизию — налево, дивизию — направо, а вот этот полк — в засаду положим... А то, что за вашими планами живые люди стоят, у которых семьи, дети, которые жить хотят, вам наплевать. Главное — чтобы приказ выполнили. А кровушку-то, ее из высокого кабинета в штабе не видеть. Так что поглядите на нее хорошенько, пока возможность есть!

Подполковник уже что-то тараторит на ухо одному из сопровождающих Министра полковников, скорее всего, судя по выражению лица, на меня ябедничает. Да и хрен с тобою, золотая рыбка, стучи на здоровье. Мне на все ваши начальственные закидоны — плевать с высокой колокольни. Один черт, лейтенант я «игрушечный», никакими приказами не проведенный. Опять же, не я к вам просился — сами позвали. Уйду снова в наемники, и можете поцеловать меня точно между ягодицами! Видимо, жалуется «подпол» недостаточно тихо, потому как Зарубин вдруг останавливается, несколько секунд его слушает и хорошо поставленным командирским голосом, негромким, но отчетливо слышимым по всей площади, произносит:

— Майор, а ну-ка, исчезни с глаз моих долой.

— Я подполковник, товарищ генерал армии, — жалобно блеет тот.

— Еще одно слово, и ты с этой площади капитаном уедешь, а то и старлеем, — окончательно размазывает его Министр и направляется прямо ко мне. Пора, наверное.

— Равняйся! Смирно!!! — рявкаю я и иду ему навстречу.

Шагов за десять он переходит на строевой шаг и вскидывает правую ладонь к блестящему лаковому козырьку своей фуражки в воинском приветствии. У меня вместо головного убора — черная бандана наемника, да и не положено мне, с автоматом на плече, козырять. Поэтому я просто вскидываю подбородок еще выше и чеканю шаг, будто на Красной площади.

— Товарищ генерал армии, весь личный состав гарнизона станицы Червленая, оставшийся в живых и способный стоять в строю, — построен. Исполняющий обязанности командира гарнизона лейтенант Тюкалов!

Отрапортовав, я замираю, глядя в глаза Зарубину. И вдруг понимаю, что здорово только что в своих мыслях ошибся. Не наплевать ему на нас. И пешками разменными он нас не считает. Потому что в глазах у этого пожилого, но все еще могучего мужика — боль. Настоящая, неподдельная. Больше всего он похож сейчас на того генерала, которого Георгий

Жженов в «Горячем снеге» сыграл, хотя внешне между ними почти ничего общего. Только эта боль в глазах. Только осознание того, сколько человек погибло для того, чтобы выполнить его приказ. Да уж, похоже, повезло Югороссии с Министром Обороны.

— Вольно, ребята, — командует он и обводит глазами замерших в строю защитников станицы. — Спасибо вам, казаки, и простите нас. Вы сделали все, что должны были, все, что могли, и даже больше. И знайте, именно вы положили тут начало будущей победе.

Министр снова вскидывает ладонь к козырьку и, резко развернувшись через левое плечо, шагает назад к «Тиграм».

Эпилог

— Ну, так что, молодой человек? Решились?

Генерал-Губернатор Терского Фронта, пожилой и, если бы не китель с генерал-полковничьими погонами и внушительным «иконостасом» на груди, совершенно не военного вида дедуля с коротко стриженным ежиком седых волос и умным, пронзительным взглядом карих глаз, внимательно смотрит на меня. Да уж, подумать есть над чем. Такие предложения каждый день не делают. Но, если честно, как-то не ожидал я подобного, когда меня вдруг в Ханкалу вызвали. Думал, что к медали какой-нибудь представили, а может, чем черт не шутит, и к ордену. Вон, на всех выживших бойцов Охранной Роты и Дорожной Стражи за прошедшие две недели просто настоящий дождь из наград пролился, да и ополченцев с наемниками не забыли. Правда, последних награждали все больше деньгами: первым порушенное турками хозяйство восстанавливать нужно, вторым тоже звонкая монета как-то больше интересна. А тут — такая вот неожиданность.

— Благодарю, товарищ генерал, но я, пожалуй, откажусь. Нет, вы не подумайте, должность командира Охранной Роты и капитанские погоны — предложение щедрое, даже, пожалуй, слишком. Но вот только у меня другие планы.

— Не поделитесь? — Генерал-Губернатора мой отказ если и удивил, то он это никак не показал.

— Почему бы и нет? Кузьма Четверть погиб. Костя Убивец во время боя сильно колено повредил. Врачи ногу сохранили, но вот полного выздоровления не обещают. Поэтому решил Костя с поста командира отряда уйти и стать вместо Четверти координатором и посредником. А меня на свое место прочит. И парни его в этом вопросе поддерживают.

— Знаете, Михаил, я вас не понимаю, — качает головой Генерал-Губернатор. — Мы ведь вам предлагаем практически то же самое. Мало того, Охранная Рота по численности гораздо больше вашего отряда, особенно с учетом последних потерь.

— Численность — это не проблема. Но наемники мне все же ближе, уж извините. Так что костяк отряда мы сохранили, доберем новичков, да буду из них бойцов делать.

— Что ж, ваше право, — развел руками пожилой генерал. — Тогда — готовьте своих подчиненных как можно лучше. Думаю, такие люди, как вы и ваши товарищи, стране еще не раз понадобятся. Не смею больше задерживать, всего доброго.

Я жму ему на прощание руку и иду к двери кабинета.

— Эх, лейтенант-лейтенант, — со вздохом бросает мне вслед генерал. — Ты ведь по характеру — воин, защитник. Для таких, как ты, Родину защищать — даже не профессия, а смысл жизни. Как же ты без армии-то жить будешь?

Как? Хороший вопрос! Я даже на секунду усомнился в правильности своего поступка. Но потом вспомнил бездонные озера Настиных голубых глаз, огромные и счастливые, какими они были четыре дня назад, когда я, навещая в Моздоке лежащего в госпитале Костылева, сделал ей предложение...

— Как жить буду, спрашиваете? — широко и искренне улыбаюсь генералу, с трудом удерживаясь от того, чтобы не подмигнуть. — Долго и счастливо!